Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2020 № 4 (28)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал «Жанры речи» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76706 от 02.09.2019 г.
- Журнал включен в каталог «Пресса России», подписной индекс 70771
- Сайт журнала: http://zhanry-rechi.sgu.ru/
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки))
- Журнал входит в ядро РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science
- Журнал входит в Международные базы данных ERIH PLUS, DOAJ

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2020

Редакционная коллегия

Главный редактор
В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора
Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь
О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:
В. М. Алпатов, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Ст. Гайда, доктор филол. наук, проф. (Ополе, Польша)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, доктор филологии, проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Р. Лакофф, доктор филологии, проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, доктор филол. наук, проф. (Каунас, Литва)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Беларусь)
А. Мустайоки, доктор филологии, проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
Б. Питерс, доктор филологии, проф. (Канберра, Австралия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, доктор филологии, проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
А. П. Сковородников, доктор филол. наук, проф. (Красноярск, Россия)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief
Vadim V. Dementyev, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), https://orcid.org/0000-0002-7532-5788

Deputy Editor-in-Chief
Lubov' V. Balashova, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), https://orcid.org/0000-0002-3979-2143

Executive Secretary
Olga V. Koshcheeva, Ph.D, Ass.prof. (Saratov, Russia), https://orcid.org/0000-0002-8506-0867

Members of the Editorial Board:
Vladimir M. Alpatov, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), https://orcid.org/0000-0003-4323-2832
Elena G. Elina, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), https://orcid.org/0000-0002-9797-3145
Stanisław Gajda, Ph.D, Prof. (Opole, Poland), https://orcid.org/0000-0002-2288-9723
Olena I. Goroshko, Ph.D, Prof. (Kharkov, Ukraine), https://orcid.org/0000-0002-8592-1022
Vladimir I. Karasik, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), https://orcid.org/0000-0001-8306-5317
Robin Lakoff, Ph.D, Prof. (Berkeley, USA)
Tat'yana V. Larina, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), https://orcid.org/0000-0001-6167-455X
Eleonora Lassan, Ph.D, Prof. (Kaunas, Lithuania), https://orcid.org/0000-0001-9415-9757
Valentina A. Maslova, Ph.D, Prof. (Vitebsk, Belarus), https://orcid.org/0000-0002-7856-0396
Mei Huang, Ph.D, Prof. (Beijing, China), https://orcid.org/0000-0003-3580-0107
Arto Mustajoki, Ph.D, Prof. (Helsinki, Finland), https://orcid.org/0000-0002-6609-7090
Boris Y. Norman, Ph.D, Prof. (Minsk, Belarus), https://orcid.org/0000-0001-8520-5387
Natalia V. Orlova, Ph.D, Prof. (Omsk, Russia), https://orcid.org/0000-0003-1761-4765
Bert Peeters, Ph.D, Prof. (Canberra, Australia), https://orcid.org/0000-0001-8422-4156
Valeri V. Prozorov, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), https://orcid.org/0000-0002-6386-0759
Renate Rathmayr, Ph.D, Prof. (Vienna, Austria), https://orcid.org/0000-0003-3038-2276
Tat'yana V. Shmelyova, Ph.D, Prof. (Velikiy Novgorod, Russia), https://orcid.org/0000-0002-3360-0518
Vladimir A. Salimovsky, Ph.D, Prof. (Perm, Russia), https://orcid.org/0000-0002-4925-2490
Olga B. Sirotinina, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), https://orcid.org/0000-0002-3258-4536
Alexandr P. Skovorodnikov, Ph.D, Prof. (Krasnoyarsk, Russia), https://orcid.org/0000-0002-0171-596X
Tat'yana I. Steksova, Ph.D, Prof. (Novosibirsk, Russia), https://orcid.org/0000-0003-4275-7450
Zifa K. Temirgazina, Ph.D, Prof. (Pavlodar, Kazakhstan), https://orcid.org/0000-0003-3399-7364
Maria Yelenevskaya, Ph.D, Prof. (Haifa, Israel), https://orcid.org/0000-0001-7155-8755

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

В. В. Дементьев
Саратов, Россия
«Анкета речевого жанра» Т. В. Шмелёвой: прошлое, настоящее, будущее (к 30-летию жанроведческой модели) 252

Исследования отдельных жанров

М. В. Батюшкина
Омск, Россия
Законы об утверждении документов программно-целевого характера: жанровый подход 263

Т. И. Стексова
Новосибирск, Россия
Изъяснительные конструкции в научном дискурсе: жанровые предпочтения 278

Е. Ю. Викторова
Саратов, Россия
Гендерная специфика в использовании авторизующих конструкций самоупоминания (на материале жанра TED talks) 287

Жанры в художественном творчестве

Л. А. Трахтенберг
Москва, Россия
Жанровая система русских сатирических журналов XVIII века 295

Т. В. Струкова
Орел, Россия
Анаграмма как энигматический жанр 302

Интернет-жанры

А. К. Кхемка
Томск, Россия
Функционирование клишированных конструкций в речевом жанре киноанонса (на материале киноанонсов к индийским фильмам в Интернете) 310

Рецензии. Обзоры. Хроника

Е. З. Киреева
Тула, Россия
О возможностях словаря «Ответные реплики в русской диалогической речи» В. Т. Бондаренко 317

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

Vadim V. Dementyev
Saratov, Russia
"Questionnaire of a Speech Genre" of T. V. Shmeleva: Past, Present, Future (for the 30th Anniversary of the Genre Model) 252

Studies of Individual Genres

Marina V. Batyushkina
Omsk, Russia
Laws on Approval of Program-goal Documents: Genre Approach 263

Tatiana I. Steksova
Novosibirsk, Russia
Object Clauses in Academic Discourse: Genre Preferences 278

Elena Yu. Viktorova
Saratov, Russia
Gender Aspects in the Use of Selfmentions (based on the Genre of TED Talks) 287

Genres in Art

Lev A. Trakhtenberg
Moscow, Russia
Genre System of Russian XVIII Century Satirical Magazines 295

Tatyana V. Strukova
Orel, Russia
Anagram as an Enigmatic Genre 302

Internet Genres

Anand K. Khemka
Tomsk, Russia
Functioning of Clichéd Constructions in the Speech Genre of Cinema Announcement (based on Internet Movie Announcements of Indian Films) 310

Reviews. Chronicle

Elena Z. Kireeva
Tula, Russia
On Opportunities of Dictionary "Response Remarks in Russian Dialogic Speech" by V. T. Bondarenko 317

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 81’38’42+929Шмелева
ББК 81
DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

«Анкета речевого жанра» Т. В. Шмелёвой: прошлое, настоящее, будущее (к 30-летию жанроведческой модели)

Статья посвящена научной судьбе главной жанроведческой модели – «анкеты речевого жанра» Т. В. Шмелёвой. Обсуждаются причины большой востребованности «анкеты» в жанроведческих исследованиях: параметры «анкеты» затрагивают важнейшие аспекты, «болевые точки» жанра; формальная простота и непротиворечивость «анкеты». Наряду с достоинствами и достижениями (в статье дается их краткая характеристика), показана критика в адрес «анкеты»: недостаточность пунктов «анкеты» (не отражаются противопоставление первичных и вторичных РЖ, прямых и косвенных РЖ, речевых и риторических, культурологические характеристики РЖ и т. п.) и необщепризнанная расстановка акцентов, т. е. ранжирование пунктов «анкеты».
Обсуждаются применительно к современному жанроведению те пункты, которые или должны быть, или могут быть, или уже по факту добавлены в «анкету», а также теоретическое обоснование их отношений, что, по мнению автора статьи, позволит уточнить и некоторые другие пункты «анкеты». Акцент делается именно на тех пунктах, которые меньше прописаны в «канонической» «анкете», но которые должны быть использованы для более адекватного исследования жанров (особенно новых), и уже реально используются. В частности, подробно обсуждаются пункты: типологические, в том числе стадиально-типологические и историко-этимологические, характеристики РЖ; определение места жанра в структурно-иерархической типологии; культурологические и лингвокультурологические характеристики РЖ; характеристики коммуникативного концепта, через который представляется и осмысляется жанр и его компоненты; способность жанра образовывать варианты; корпусные и квантитативные характеристики РЖ; интернет-жанры.
Ключевые слова: *Т. В. Шмелёва, анкета речевого жанра, типологические, структурно-иерархические, культурологические, корпусные характеристики РЖ, коммуникативные концепты, интернет-жанры.*

Vadim V. Dementyev
Saratov, Russia

“Questionnaire of a Speech Genre” of T. V. Shmeleva: Past, Present, Future (for the 30th Anniversary of the Genre Model)

The article reflects the scientific fate of the main genre model – the “questionnaire of the speech genre” of T. V. Shmeleva. The author discusses the reasons for the high demand for the “questionnaire” in genre studies: the parameters of the “questionnaire” affect the most important aspects, the “pain points” of the genre; the formal simplicity and consistency of the “questionnaire”. Along with the advantages and achievements (the article gives their brief description), the author points to a few critical issues concerning the “questionnaire”: the lack of items of the “questionnaire” (the juxtaposition of primary and secondary speech genres, direct and indirect speech genres, speech and rhetorical genres, cultural characteristics of speech genres, etc. are not presented in it) and its crucial points which are not commonly recognized, i.e. the ranking points of the “questionnaire”.
In relation to modern genre studies, the article deals with the items that either should be or can be, or have already been added to the “questionnaire”, as well as the theoretical justification of their relations, which, according to the author of the article, will allow to clarify some other items of the “questionnaire”. The emphasis is on those points that are less spelled out in the “canonical” “questionnaire”, but that should be used for a more adequate study of genres (especially new ones), and are already actually used. The discussion focuses on the following points: typological, including the stadial-typological and historical-etymological, features of speech genres; determination of the place of the genre in the structural-hierarchical typology; cultural, linguistic and linguocultural characteristics of speech genres; characteristics of the communicative concept, through which the genre is presented and interpreted, and its components; the ability of the genre to form its variants; corpus and quantitative characteristics of speech genre; online genres.
Keywords: *T. V. Shmeleva, speech genre questionnaire, typological, structural-hierarchical, cultural, corpus characteristics of speech genre, communicative concepts, Internet genres.*

© Дементьев В. В., 2020

Сведения об авторе: *Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.*
Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.
E-mail: *dementevvv@yandex.ru*
https://orcid.org/0000-0002-7532-5788

About the author: *Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.*
Place of employment: Saratov State University.
E-mail: *dementevvv@yandex.ru*
https://orcid.org/0000-0002-7532-5788

Введение

В 2020 г. исполняется 30 лет «анкете речевого жанра» Т. В. Шмелёвой (далее – АШ) [1, 2][1]. АШ стала одной из значительнейших теоретических и методических жанроведческих моделей, значительнейшим событием не только раннего этапа российского (советского) жанроведения, но и жанроведения в целом. АШ стала и наиболее востребованной жанроведческой методикой: осуществленные по ней исследования речевых жанров, включая кандидатские и даже докторские диссертации, исчисляются сотнями, если не тысячами. Эти исследования относятся тоже далеко не только к раннему этапу жанроведения: сейчас они осуществляются не менее, а более активно, чем в 1990-е (немало таких исследований опубликовано и в журнале / сборнике «Жанры речи»).

АШ использовалась в концептуальных теоретических работах по ТРЖ (как сама по себе, так и в сопоставлении с другими моделями), по типологии РЖ (АШ дает для этого богатые и разнообразные возможности), при исследовании конкретных жанров и групп и сфер жанров: разговорных, публицистических, научных, официально-деловых, рекламных религиозных, этикетных и т. д. и т. п., причем кроме АШ в данных исследованиях часто использовались (в качестве дополнительных или основных) другие модели и методы, вступающие с АШ в интересные отношения (например, методы стилистического, риторического, прагматического, культурологического анализа, анализа художественного текста, квантитативные, корпусные методы). Причем данные исследования настолько многочисленны и многообразны, что мы не беремся дать объективный обзор, хотя понимаем его важность и нужность (на будущее: была бы хорошая тема чьей-нибудь докторской диссертации).

Содержание АШ хорошо известно, пожалуй, всем жанроведам, даже начинающим и занимающимся наиболее специфическими сферами речевого общения. Залогом большой востребованности «анкеты» стало то, что ей удалось «ухватить самое главное», параметры АШ затрагивают главные «болевые точки» жанра. Немаловажны также формальная простота и непротиворечивость АШ.

АШ включает семь пунктов, или «жанрообразующих признаков», необходимых и достаточных, по мнению исследовательницы, для опознания, характеристики, конструирования РЖ: «коммуникативная цель жанра», «концепция автора», «концепция адресата», «событийное содержание», «фактор коммуникативного прошлого», «фактор коммуникативного будущего», «языковое воплощение».

В качестве главнейшего из конститутивных признаков РЖ Т. В. Шмелёва выделяет **коммуникативную цель**.

На этом основании противопоставляются четыре типа РЖ:

- **информативные** – цель которых – различные операции с информацией: ее предъявление или запрос, подтверждение или опровержение;
- **императивные** – цель которых – вызвать осуществление/неосуществление событий, необходимых, желательных, опасных для кого-то из участников общения;
- **этикетные** (в других работах Т. В. Шмелёвой – «**перформативные**» – *В. Д.*) – цель которых – осуществление особого события, поступка в социальной сфере, предусмотренного этикетом данного социума: извинения, благодарности, поздравления, соболезнования, и т. д. вплоть до отречения от престола;
- **оценочные** – цель которых – изменить самочувствие участников общения, соотнося их поступки, качества и все другие манифестации с принятой в данном обществе шкалой ценностей [2: 91–92].

«Актуальность различения этих четырех типов РЖ подтверждается тем, – пишет Т. В. Шмелёва, – что для некоторых из них языком выработаны особые грамматические формы, например, императив, интонационные показатели. Если учесть и разнообразные лексические показатели жанров, а также систему

[1] Хотя настоящая статья посвящается выходу в 1990 году АШ в виде первой публикации, наиболее четко идеи АШ были сформулированы Т. В. Шмелёвой несколько позже в статье 1997 г. в «Жанрах речи» (эта публикация является и самой цитируемой (это признаёт и сама Т. В. Шмелёва)); поэтому в дальнейшем, пересказывая пункты АШ и т. д., мы ссылаемся именно на публикацию [2].

их наименований, составляющих целый словарь, то окажется, что на службу языковому воплощению РЖ привлечен огромный массив разнообразных языковых средств. <…>

Из информативных РЖ особого лингвистического внимания удостоены вопросы, классификация которых учитывает множество тончайших различий, которые нуждаются в осмыслении в рамках теории речевого жанра. В целом информативные жанры составляют основную базу лингвистического анализа.

Этикетные жанры оказались в центре лингвистического внимания с открытием перформативов как особого класса речевых актов, в отечественной традиции этикетные РЖ описываются в литературе, посвященной речевому этикету.

Оценочные РЖ изучены в наименьшей степени, хотя весьма подробно описано проявление оценочной семантики в разных типах предложений с помощью различных языковых средств (Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова)» [Там же: 92–93].

«**Образ автора**», согласно Т. В. Шмелёвой, – информация о нем как об участнике общения, которая «заложена» в типовой проект РЖ, обеспечивая ему успешное осуществление. Данный параметр принимает активное участие в организации и противопоставленности друг другу всех четырех выделяемых Т. В. Шмелёвой типов РЖ:

«Может быть, наиболее чувствительны к этому параметру императивные РЖ, которые дифференцируются прежде всего на этом основании: *приказ* предполагает автора с определенными *полномочиями*, вопрос адресата «*Кто ты такой, чтобы мне приказывать?*» означает непризнание таких полномочий, что равносильно провалу жанра; *просьба* предполагает *заинтересованность* автора в исполнении обсуждаемого действия; *поучение – старшинство* автора по отношению к адресату или его превосходство в другом отношении; *жалоба* включает в свой типовой проект образ автора *пострадавшего*. <…> Для образа автора РЖ едва ли не на первом месте стоят его отношения с адресатом, это, так сказать, “портрет на фоне”» [Там же: 93–94].

Третий жанрообразующий признак – «**образ адресата**». Он точно так же активно участвует в противопоставлении друг другу четырех типов РЖ:

«Среди императивных РЖ основную массу составляют жанры с адресатом *исполнителем*, то вынужденным принимать такую роль (*приказ*), то принимающим ее в своих интересах (*совет*); *жалоба* <…> представлена разновидностями, различающимися образом адресата – конфидента или уполномоченного “принимать меры”. При несовпадении представлений адресата о своей роли в данном эпизоде общения с образом адресата предъявляемого ему жанра появляются реплики типа “*Я тебе не тот-то, чтобы мне указывать / командовать / советовать и т. п.*”» [Там же: 94].

«**Образ прошлого**» и «**образ будущего**» – два симметричных признака, «связанных с местом каждого РЖ в цепи речевого общения, которое представляет собой не хаотический поток словесных извержений, а разыгрывается по вполне определенному сценарию» [Там же: 94]. Важно, что признаки «образ прошлого» и «образ будущего» охватывают не только многообразные ситуативные факторы, более или менее непосредственно предшествующие данному высказыванию либо следующие за ним («правый» и «левый контекст»), но и собственно разные речевые жанры: «Образ прошлого различает РЖ инициальные, начинающие общение, и такие, которые могут появиться только после определенных РЖ – таковы *ответ*, *отказ*, *согласие*, *опровержение* и ряд других, для которых предлагалось наименование “реактивные”: все они являются реакциями на другие жанры. Образ будущего предполагает дальнейшее развитие речевых событий, воплощающееся в появлении других РЖ» [Там же: 94].

Следует отметить, что в традиции, идущей за речеактовым (иллокутивным) анализом – и в значительной степени идущей за Бахтиным – речь, в том числе речевые жанры, рассматривается прежде всего с точки зрения «что́» хотел сказать говорящий, а также «что́» воспринял слушающий, но не «о чем» была речь. Этот «прагматический» крен современного речеведения исправляет следующий пункт «анкеты речевого жанра» Т. В. Шмелёвой – тип **диктумного (событийного) содержания**

«С одной стороны, принято показывать, что одно и то же диктумное содержание может быть представлено в речи в различной “жанровой оправе”: в результате императивного жанра “*Поздравь бабушку с днем рождения!* ” должен быть осуществлен этикетный жанр “*Дорогая бабушка! Поздравляю тебя…*”, чтобы потом дать повод для появления информативного жанра “*Я поздравил бабушку*”, который, в свою очередь, может вызвать к жизни оценочный “*Хорошо, что ты успел поздравить бабушку. Молодец!*” – все эти жанры имеют одно и то же диктумное содержание – пропозицию поздравления. С другой стороны, нельзя не заметить, что РЖ отнюдь не безразличны к характеру диктума; выявляется целая серия признаков не собственно диктумной природы, но важных для отбора диктумной информации при формировании того или иного РЖ. Важен характер актантов диктумного события, так, среди императивных РЖ выделяется *пожелание*, поскольку предъявляемое в нем событие может быть осуществлено с помощью разных исполнителей – вплоть до высших сил, остальные императивные РЖ предполагают, что исполнитель прескриптивного события – человек. Не менее важны отношения актантов и участников речи: *жалоба* отличается от *сетования* тем, что первая предполагает включенность события в личную сферу автора, а вторая такого условия не содержит. Весьма существенна временная перспектива диктума, различающая среди информативных нарративных РЖ *воспоминание* и *прогноз* как жанры с перфектной и футуральной перспективой диктума. Но, пожалуй, наиболее сильным селективным действием обладает оценка диктумного события, противопоставляющая императивные РЖ *просьбы* и *предостережения*, *разрешения* и *запрета*; отрицательная оценочность события обязательна для РЖ *жалобы*, *упрека*, *сетования* и многих других» [Там же: 95].

Наконец, последний параметр «анкеты речевого жанра» Т. В. Шмелёвой – непосредственное **языковое воплощение** РЖ:

«Для модели РЖ его языковое воплощение важно увидеть как спектр возможностей, лексиче-

ских и грамматических ресурсов жанра. В этом спектре можно обозначить некоторые полюсы: клишированность / индивидуальность, минимальность / максимальность словесного выражения. В первом отношении различаются стереотипные воплощения РЖ, например стереотипы городского общения или документы деловой сферы. Во втором аспекте РЖ обладает целой шкалой эксплицитности – от имплицитного проявления (согласие = кивок) до словесного выражения всех моментов, включая пресуппозитивные, ср.: *Пригласите к телефону Андрея* и *Поскольку телефон в соседнем с вами кабинете не работает, а мне крайне необходимо поговорить с вашим коллегой Андреем, прошу вас: пригласите его к телефону, пожалуйста, если это вам не очень трудно, будьте так добры.* Для характеристики языкового воплощения РЖ важно участие в оформлении метакомпонента с обозначением жанра: ср. *Поздравляю с Рождеством* и *С Рождеством!*; *Предлагаю вам выпить чаю* и *Пожалуйста, чайку*; *В ответ на ваш запрос сообщаем, что нужными вам данными не располагаем* и *Нужными вам данными не располагаем*» [Там же: 96].

Наличие данного параметра «анкеты речевого жанра» и те перспективы исследования данного параметра, о которых говорит Т. В. Шмелёва, позволяет надеяться на то, что возможно описание речевых жанров в разработанной лингвистической терминологии, с учетом многочисленных накопленных как в лингвистике речи, так и в «традиционной» лингвистике данных.

Такая удачность содержания и формы АШ не означает, конечно, что нельзя и не нужно улучшать и уточнять модель, частично или даже значительно менять ее параметры. Особенно это касается специфических сфер речевого общения, отличающихся (иногда – сильно) от сферы непосредственного устного общения, для жанров которой преимущественно разрабатывалась АШ. Например, значительная модификация требуется при исследовании интернет-жанров (см. ниже). Пожалуй, еще более яркий пример – известная школа изучения жанров естественной письменной речи (ЕПР) Н. Б. Лебедевой.

Так, при работе с *жанрами естественной письменной речи* Н. Б. Лебедева (основательница Лаборатории русской речи Барнаульского педагогического университета), которая в целом шла в русле «анкеты РЖ», должна была значительно изменить данную модель. В конечном счете Н. Б. Лебедева предлагает и – что важно – апробирует на обширном речевом материале оригинальную **коммуникативно-семиотическую модель** (КСМ) жанров ЕПР, которая лишь отчасти перекликается с моделью Шмелёвой.

Специфика КСМ отражает ее назначение – быть средством описания именно жанров естественной письменной речи. Ее структура близка к фреймовой структуре типа ситуатемы (ситуатема глагола «писать»). Она имеет цель учесть максимальное число субстанциональных участников и несубстанциональных компонентов, объединяемых в категорию «фациента», конституирующих ЕПР, и параметры (функциональные признаки) фациентов. В нашем понимании, категория фациента довольно широка и включает, наряду с субстанциональными участниками (центральные из которых – актанты), и другие компоненты, имеющие функцию фактора. Модель конституируют следующие фациенты: 1) Автор («Кто?»); 2) Коммуникативно-целевой фациент («Зачем?»); 3) Адресат («Кому?»); 4) Объект коммуникации – Знак («Что?»); включающий диктумное содержание и языковое воплощение; 5) Графико-пространственный параметр («Как?»); 6) Орудие-средство («Чем?»); 7) Субстрат, материальный носитель знака («На чем?»); 8) Носитель субстрата («В чем?»); 9) Среда («Где?»); 10) Время восприятия знака («Когда?»); 11) Фациент «Ход коммуникации»; 12) Фациент «Социальная оценка» [3, 4].

Коммуникативно-семиотическая модель является ядерным компонентом поэтапной *методической процедуры жанровой квалификации текстов естественной письменной русской речи* [4: 59–61]:

0. Первичная формулировка – дефинирование жанра по данным словарей либо на основе исследовательской интуиции, показаниям информантов.

1. Определение выделенности и устойчивости данного типа текста в речевой действительности, отраженной в языковом (жанровом) сознании носителей языка. Выделенность и устойчивость речевого жанра в реальной действительности определяется его частотностью, встречаемостью в речевой практике. Выделенность речевого жанра в обыденном языковом сознании определяется по ряду оснований:

а) наличие у речевого жанра специального наименования в повседневной речи и обыденном метаязыковом сознании;
б) проявленность речевого жанра в метажанровой рефлексии при использовании метода лингвистического эксперимента (опроса, анкетирования), нередко применяемого при исследовании жанров естественной письменной русской речи;
в) обнаружение некоторой информации о речевом жанре в интернет-ресурсах.

2. Анализ текста по коммуникативно-семиотической модели, разработанной для описания жанров естественной письменной русской речи [Там же: 55]. В результате подобного описания выделяется набор признаков каждого конкретного текста.

3. Выстраивание жанровых признаков в доминантно-детерминантные цепочки для выявления причинно-следственных отношений между данными признаками и выделения доминанты речевого жанра. Так, для жанров электронно-опосредованной коммуникации доминантным признаком оказывается характер субстрата.

4. Выделение жанроворелевантных (жанрообразующих) и жанровонерелевантных свойств жанра, среди последних – частотные и малочастотные. Данный этап завершается моделированием признаковой структуры жанра по полевому принципу: установлением ядерных, околоядерных и периферийных признаков.

5. Описание внутрижанровой структуры: определение вариантов и вариаций речевого жанра.

6. Установление места речевого жанра в жанровом пространстве, в кругу смежных явлений –

близких по некоему признаку или ряду признаков жанров. Разграничение жанров осуществляется посредством ядерных и околоядерных признаков, сопряжение – посредством признаков периферийных, которые накладываются друг на друга, что ведет к возникновению жанроидов.

7. Конструирование расширенной, многоаспектной дефиниции исследуемого жанра, включающей все основные признаки, выделенные в результате поэтапной методики жанровой квалификации текстов.

Как видим, основные параметры (фациенты) «коммуникативно-семиотической модели» совпадают с жанрообразующими признаками «анкеты речевого жанра» Т. В. Шмелёвой: Целевой компонент (Зачем?), Субъект (Кто?), Адресат (Кому?), Содержание и Языковое воплощение (Что?). Но есть и серьезные отличия: «<…> в КСМ, ориентированной на описание жанров естественной письменной речи, выделены материальные элементы как релевантные для этого вида речевой деятельности жанрообразующие признаки. Материальные элементы в ЕПР не только более значимы, чем в канонизированных разновидностях письменно-речевой деятельности, но подчас их неразрывная слиянность с содержанием в ЕПР может детерминировать жанрообразующую функцию, например, в граффити, книге жалоб и предложений, поздравительной открытке и пр.» [3: 118–119; 4: 59–61; 5: 34–36].

Модификация, которой была подвергнута АШ школой Н. Б. Лебедевой, показательна: если интернет-жанров в то время, когда разрабатывалась АШ, не существовало, то жанры ЕПР не только существовали, но и были явлением заметным, при этом их жанровая стандартизация была очевидна, хотя еще далеко не достаточно осмыслена.

В целом критика, объектом которой за 30 лет неоднократно становилась АШ, была многообразна и, конечно, интересна. Ее, как часто бывает, можно разделить на конструктивную и неконструктивную, доброжелательную и недоброжелательную.

Уже в первые годы после 1990-го высказывались доброжелательные замечания от дружественных исследователей, в результате критика иногда была не столько мягкой, сколько недостаточной.

Так, по мнению М. Ю. Федосюка, для модели Т. В. Шмелёвой характерен «крен» в сторону говорящего: параметры анкеты РЖ «представляют собой не некие объективные <…> характеристики высказывания, его места в процессе общения, а также участников этого общения, а зафиксированную в данном высказывании оценку всех упомянутых параметров говорящим» [6: 107]. К сожалению, этого же недостатка не избежал и сам М. Ю. Федосюк, утверждающий, что не являются речевыми жанрами *похвальба* и *лесть*, представляющие собой неблаговидные интенции, в совершении которых не может признаться говорящий [Там же: 112], а также *комплимент* [Там же: 113]. Однако и *похвальба*, и *комплимент*, и *лесть* воспринимаются как существующие жанры (типические ситуации общения) – с точки зрения слушающего, на что указывает О. Б. Сиротинина: «речевой жанр сложился <…> в реальном восприятии бытового общения, прежде всего с точки зрения получателя речи» [7: 27].

Тогда же появились первые негативные суждения скорее деструктивного характера: подвергались сомнению как пункты АШ, так и сама правомерность параметрического подхода к речевым жанрам, компонентного анализа их (а АШ безусловно является разновидностью компонентного анализа) (например, сторонниками традиционного филологического подхода); с другой стороны, сторонники формального подхода находили АШ недостаточно формализованной и точной (отсутствие специализированного формального метаязыка неиспользование или недостаточное использование статистических и количественных методик). Иными словами, сторонники традиционного общефилологического описания критиковали АШ за сам факт, что вместо такого описания предлагалось описание по параметрам (это общее отношение общефилологического анализа к анализу компонентному), сторонники формального подхода – за недостаточную формализованность.

Если говорить только о конструктивной критике (конструктивной на наш взгляд), то преимущественно критиковались, прежде всего, две вещи: 1) недостаточность пунктов АШ (особенно регулярно высказывалось недовольство тем, что не отражаются такие характеристики, как противопоставление первичных и вторичных РЖ (которое относил к важнейшим характеристикам РЖ еще Бахтин), прямых и косвенных РЖ, речевых и риторических, культурологические характеристики РЖ и т. п.) и 2) «неверная», точнее, необщепризнанная расстановка акцентов, т. е. установление степени их важности, ранжирование.

Следует подчеркнуть, что отсутствие противопоставления первичных и вторичных РЖ есть не что иное, как отсутствие историчности. Критика с этой стороны «анкеты речевого жанра» Т. В. Шмелёвой, включающей лишь параметр «языковое воплощение РЖ», в определенном смысле совпадает с критическим замечанием Ю. М. Лотмана в адрес «семиотической модели языка» Р. Якобсона (согласно этой модели, язык тождествен «коду»). Мнение Ю. М. Лотмана таково, что язык – это код плюс его история: «Фактически подмена термина «язык» термином «код» совсем не так безопасна, как кажется. Термин «код» несет представление о структуре, только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью. Код не подразумевает истории, т. е. психологически он ориентирует нас на искусственный язык, который и предполагается идеальной моделью языка вообще» [8: 13]. Изучение одного только «языкового воплощения РЖ» в современной речи без учета исторического фактора

значительно обеднило бы понимание РЖ, поскольку такое изучение по сути ориентировано на искусственный язык, идеальную модель языка.

*

Анализируя и состояние общей речевой картины современности (где появились новые жанры), и состояние современного жанроведения «жанроведческой картины» (появились новые направления и тенденции; кроме того, новые направления и тенденции появились в других науках, с которыми взаимодействует ТРЖ: лингвистике, литературоведении, теории журналистики (медиа), информатике, наукометрии), опираясь и на собственный опыт анализа речевых жанров (в том числе новых), и на огромный опыт коллег-жанроведов (многие из которых опирались на АШ прямо), мы предлагаем обсудить те пункты, которые, по нашему мнению, или должны быть, или могут быть, или уже по факту добавлены в АШ

Кроме самих пунктов будет дано (по крайней мере, попытаемся дать) теоретическое обоснование их связей и отношений, которое, если удастся, позволит уточнить и некоторые пункты АШ, которые мы не затрагиваем.

1. Главное, добавляются **типологические** характеристики, в том числе **стадиально-типологические**.

1.1. Это определение места данного жанра в типологии РЖ – прежде всего, **типологии иллокутивно-целевой**. Еще Т. В. Шмелёва, характеризуя «пункт № 1» АШ – иллокутивную цель, – тем самым фактически определяет место РЖ в пятичленной классификации (см. выше). Классификация эта, впрочем, является не общепринятой среди жанроведов; но это единственная возможная претензия к автору с этой стороны, причем, конечно, не принципиальная (субъективная).

Данная характеристика жанра дается через определение его отношений с ближайшими, смежными жанрами в типологии (желательно уже хорошо рассмотренными в науке, во всяком случае, лучше, чем характеризуемый жанр, тем самым проясняется и он), где очень важными являются отношения с ближайшими жанрами в **историческом плане**, т. е. какие жанры по отношению к нему являются первичными (если такие есть), а какие являются, так сказать, рядоположенно вторичными, имея одних и тех же предшественников. В том случае, если такие исторические связи имеют значение для жанра (прежде всего, если рассматриваемый жанр – вторичный РЖ по Бахтину, риторический по О. Б. Сиротининой, «жанр риторического верха» по К. Ф. Седову и подоб.), они должны быть тщательно проанализированы, а результаты – включены в «портрет жанра». Особенно ценным материалом в этом плане являются сохранившиеся текстовые документы прошлых эпох, относящиеся как непосредственно к рассматриваемому жанру (см., например, наши исследования *послания потомкам в капсуле времени* 1960-х гг., рубрики «*Послания*» в саратовской газете бесплатных объявлений «Кому что» начала 1990-х гг. [9; 10], *кустарных открыток* 1950-х гг. Б. Ю. Нормана [11]), так и к жанрам «родственным» (в разных отношениях). В целом рассмотрение данных межжанровых и интертекстуальных связей проливает свет на очень важный для жанра «*стиль РЖ*» по Бахтину, представляющий собой речевую (иногда языковую) концептуализацию формы экспрессии высказываний.

1.2. Не менее важным является определение места данного жанра в **типологии структурно-иерархической**, а именно: определение его как жанра структурно сложного, включающего в свой состав набор простых жанров (субжанров, речевых актов, внутрижанровых стратегий), или простого. В том случае, если для жанра имеют значение единицы меньших уровней абстракции, входящие в его структуру (прежде всего, если рассматриваемый жанр – структурно-иерархически сложный РЖ), то все они должны быть тщательно проанализированы, а результаты – включены в «портрет жанра». В целом рассмотрение данных единиц меньших уровней абстракции, входящих в структуру рассматриваемого жанра, и их последовательности проливает свет на очень важную для жанра «*композицию РЖ*» по Бахтину.

1.3. Типологически значимыми являются и **культурологические** и **лингвокультурологические** характеристики рассматриваемого жанра: его место в национальной культуре, соответствие или несоответствие базовым культурным сценариям, системам ценностей (особенно *речежанровым ценностям* – [12]), конкретным (часто зафиксированным в языке) оценочным шкалам. Понятно, что самое большое несоответствие традиционным культурным сценариям имеет место в случае заимствованных жанров, особенно когда процесс адаптации еще не завершен (ср. жанр *светской беседы* в XVIII–XIX вв.). Для изучения этих вещей много дает представление жанра в языке и речи: в языке – отражение данного жанра в лексической семантике данного национального языка (особенно важны, конечно, оценочные лексемы, образные и когнитивные метафоры), идиоматике, фразеологии, паремиологии, прецедентных текстах; в речи – отражение данного жанра в национальной литературе, а также философии, публицистике,

обыгрывание в юмористических текстах, рекламе, телешоу и т. п.

Сюда же примыкает (возможно, должно быть названо в качестве самостоятельного параметра) отображение жанра в жанрово-ролевых сценках (плюс каких именно, кем, сколько).

2. С позиций **когнитивной генристики** значимыми являются характеристики *коммуникативного концепта* (далее – $К_{ом}К$), через который представляется и осмысляется жанр: имена жанров и жанровых компонентов (ср. лексические и отчасти лексико-грамматические *цепочки речежанровой системности*), понятийный, образный, ценностный компоненты концепта (ценностный – в связи с культурными речежанровыми ценностями / оценочными шкалами; метафоры рассматриваются в связи с образным компонентом соответствующего коммуникативного концепта), ассоциативный [13, 14].

Когнитивная генристика исходит из того, что (1) структуры высшего порядка, упорядочивающие вместе с жанрами речи другие коммуникативные единицы, суть *коммуникативные концепты* (далее – $К_{ом}К$): данные структуры и упорядочение существуют в сознании носителей языка; при этом (2) как и для всех концептов, для коммуникативных концептов очень большое значение имеют лексемы – имена для них и для их компонентов. Данные лексемы упорядочены по стандартной схеме, которая рассматривается как *цепочка речежанровой системности* и анализируется по ряду параметров, значимых как прагматически (иллокутивно), так и лексикологически и отчасти грамматически.

$К_{ом}К$ – это концепты, имеющие четкое композиционно-тематически-стилистическое содержание, при этом зафиксированные в языке имена данных концептов являются или непосредственно именами речевых жанров, или их компонентов (стратегий, тактик и т. д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры.

$К_{ом}К$ составляет цепочка речежанровой системности «действие / акт ~ процесс / манера ~ роль / тип ~ тональность ~ жанр».

Ее лексическое заполнение характеризуется однородностью и относительной системностью: данные лексемы называют речевые единицы одного уровня, объединенные одной содержательной, в плане коммуникативно-речевой организации, речежанровой доминантой (а не единицы разных уровней, такие как, например, «жанр ~ стратегия»).

Ср.: есть РЖ *вопрос* ~ есть речевое действие *спросить* / *спрашивать*, *задать вопрос* и подоб. ~ есть вопросительная коммуникативная тональность (здесь лексему подобрать труднее, но возможны и естественны описания в рефлексии / метавысказываниях: *с вопросительной интонацией*, *как бы вопрошая*…).

Еще один пример: действия *иронизировать* / *сыронизировать* ~ тональность (ее именуют, по всей видимости, наречия) *иронично* / *иронически*… ~ жанр (здесь сложности возникают как раз с заполнением жанра: ?*ироническое высказывание*…, но жанр ли это? Возможно, правильнее говорить просто: *ирония*? (ср.: [15])).

Можно добавить лексемы, именующие коммуникативную роль / типаж, организованные тоже этим жанром: для иронии это *ироник* (словари дают этот термин, хотя он не относится к распространенным и употребительным в речи), совсем трудно – для вопроса: ?*спрашивающий*, ?(*профессиональный*) *интервьюер*, ?*любопытный*, ?*почемучка*…

В случае симметричной концептуализации заполняются все звенья цепочки. Из приведенных примеров видно, что заполнение звеньев цепочки лексикой может быть неполным и неравномерным, возможны «белые пятна», тоже разные для разных цепочек, возможно, наоборот, детализированное и многословное заполнение какого-то отдельного звена цепочки.

При реконструкции $К_{ом}К$ на первый план может выходить **речежанровая** типизация, **действие** (коммуникативные и речевые акты), **процессуальность** (коммуникативные и речевые события и сложные события), **манера поведения**, **роль** в рамках данного типа коммуникации (например соревновательной или игровой) или сам социальный тип (точнее, его коммуникативное преломление – **лингвокультурный типаж**).

Соответственно в области имен данных $К_{ом}К$ на первый план может выходить (как производящая основа при последующей словообразовательной деривации) **имя типажа** (естественно, это существительное), **речевого действия**: однократного (речевой акт) и длительного (и тогда это глаголы, соответственно, сов. и несов. вида), **имя процесса** (существительное), **тональности** (наречие) или же непосредственно **имя жанра** (в этой функции тоже более вероятны существительные, чем глаголы, которые чаще именуют речевые акты).

Представляют большой интерес случаи, когда лексемы – имена для единиц, составляющих $К_{ом}К$, *а*) относятся к разным частям речи и лексико-семантическим (лексико-грамматическим) классам; *б*) представляют собой оценочные, экспрессивные, образные, нелитературные слова, *в*) метафоры, *г*) неологизмы, в том числе: *д*) созданные по существующим / традиционными словообразовательным моделям; *е*) заимствования.

В этом отношении очень большую значимость представляют оценки (особенно отрицательные), отражающие несоответствие жанра базовым культурным ценностям или несоответствие конкретного жанрового воплощения ценностям (положительным), изначально ему присущим: с одной стороны – экспрессивность коммуникативного поведения (*возмущенно*), с другой – оценка, даваемая коммуникантам или одному из них (и жанру в целом) наблюдателем (*неискренне фальшиво злорадно гнусно*…).

Данная жанрово релевантная оценочность фиксируется в языке на лексическом уровне, при этом выделяются **оценочные лексемы**:

1) названия жанров (существительные) = оценка самого жанра (прежде всего «извне») (*донос*, *лесть*, *похвальба*);
2) глаголы – названия действий / РА (то же самое, но оценка несколько менее акцентирована (*кичиться клеветать подстрекать*));
3) оценочные характеристики жанра (или действия / акта в составе жанра – внутрижанровой стратегии и подоб.) – прилагательные, наречия: оценивается манера исполнения жанра, при этом:
   а) общая оценка РЖ сохраняется и усиливается (жанр исполняется правильно): *задушевный*, *искренний*, *мудрый разговор по душам*, *высокохудожественный* роман…;
   б) противоречит или противоположна общей оценке РЖ (жанр исполняется неправильно): *фальшивый разговор по душам*, *графоманский* роман.

3. В предлагаемый Т. В. Шмелёвой пункт АШ «**языковое воплощение жанра**» мы не предлагаем вносить принципиальных изменений: это безусловно важнейший пункт, особенно для исследователя-лингвиста, – хотя еще раз подчеркиваем важность учета при рассмотрении языкового воплощения жанра (например лексики) указанных типологических характеристик: исторических (историко-этимологических), структурно-иерархических (например, ЛСГ, именем которой является также имя жанра, а членами – его структурные единицы – субжанры и подоб.), особенно же – лингвокультурных (зафиксированное в оценочной лексике, фразеологии и т. п. соответствие или несоответствие культурным сценариям, системам ценностей) [16].

Иными словами, языковые единицы должны рассматриваться не только сами по себе, но и через типологии, значимые речежанрово, например, лексемы, именующие жанры, – через цепочки речежанровой системности (имя жанра, типажа, речевого действия, процесса, тональности); оценочные лексемы – в связи с культурными речежанровыми ценностями / оценочными шкалами; метафоры – в связи с образным компонентом соответствующего коммуникативного концепта; полезен также учет ассоциативного потенциала слов, представление в текстовых корпусах, отображение в жанрово-ролевых сценках и подоб.

Таким образом, многие характеристики РЖ обусловливаются местом РЖ в различных классификациях, и, если есть пересечения, при жанроведческом анализе необходимо включать их в характеристики жанра.

В этом отношении важно учитывать, что в жанроведении разработано уже немало разнообразных классификаций РЖ, дающих такие возможности; конечно, все они заслуживают рассмотрения с этой точки зрения.

Так, существенно обогатил классификационное жанроведение К. Ф. Седов, разработавший целый ряд классификаций, соответственно – классификационных характеристик РЖ: а) через иерархии «гипержанр-жанр-субжанр (внутрижанровая стратегия)» [17], б) нарративные стратегии (субъектно-аналитическая и т. п.) [18], в) (если жанр художественный) через раскрытие соответствующих прагмасемиотических слоев: концептуального, фактологического, психологического [19].

Безусловно заслуживает упоминания отношение Седова к обсуждаемой здесь АШ: коротко говоря, он видел в ней и положительные, и отрицательные моменты. Так, Седов считал существенным недостатком АШ неспособность учитывать психологические и персонологические характеристики, например, возможность корреляции между противопоставлением светской беседы / болтовни дружескому общению / разговору по душам и противопоставлением соответствующих (двух) типов языковых личностей [20]; с противопоставлением (трех) типов языковых личностей коррелируют варианты жанра комплимента [21].

4. В качестве самостоятельного параметра должна быть названа способность жанра образовывать **варианты**, отсюда – культурологическая, персонологическая, психологическая и т. д. значимость вариантов в отношении друг к другу. Ср. *речежанровую вариантологию*, разрабатываемую представителями Барнаульской школы изучения жанров ЕПР [5].

5. Методологически важная современная (когда Т. В. Шмелёва разрабатывала свою анкету, данной характеристики не существовало) характеристика, которая тоже сейчас должна быть включена в описание жанра в числе важнейших, – его **корпусные характеристики**, представленность в корпусах и пользовательских подкорпусах ключевых фраз данного жанра и количества вхождений [14].

Методологически, во-первых, ключевая фраза должна отвечать семантике (точнее – главной семантике) жанра (поэтому, например, *светский* для СБ не годится, а *по душам* для РпД годится); во-вторых, в системе (например, для русских жанров – НКРЯ) по этому критерию можно реально искать и находить большое количество примеров (так, для жанра *просьбы* в качестве ключевых фраз для идентификации жанра, вероятно, могут быть выделены две формулы: «*Не могли бы вы…?*» и «*Можно вас попросить?*», но при этом первая дает 306 вхождений в НКРЯ, а вторая – всего 10).

В случае успешного решения поставленных задач мы получим существенную характеристику жанра, которая присутствует в речежанровой компетенции носителя языка и должна быть включена в соответствующие жанроведческие описания. С точки зрения данного описания наличие той или иной ключевой фразы / фраз представляет собой дополнительный параметр к моделям РЖ типа АШ.

Например, для РЖ *просьба* (таблица).

Корпусные (НКРЯ) типологические характеристики РЖ (на примере РЖ *просьба*)

Corpus (Russian National Corpus) typological characteristics of speech genre (on the example of the *request* speech genre)

Жанр	Наличие ключевой лексемы	Ключевая фраза / ключевые фразы (для идентификации жанра)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)	Ключевые фразы (для исследования контекста)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)
Просьба	*Прошу*	*Не могли бы вы*	306	*Буду очень благодарен*	32
	Пожалуйста				
		Можно вас попросить	10	*Для меня это очень важно*	15
	Будьте добры				

6. Безусловно, очень значительная модификация АШ требуется при исследовании **интернет-жанров**.

В целом на сегодняшний день это одна из сфер жанроведения, где АШ мало востребована и, к сожалению, не может похвалиться большим количеством удач – притом, что компонентный анализ как таковой здесь востребован в очень большой степени.

В сущности, почти все наиболее значительные модели описания интернет-жанров представляют собой разновидности компонентного анализа, причем количество компонентов / параметров модели иногда очень велико: доходит до 40–50 и более [22–26].

Это несколько парадоксальное положение дел, когда методика компонентного анализа востребована, а АШ, представляющая собой наиболее значительное и наиболее удачное перенесение методики компонентного анализа в жанроведение, – не востребована, требует осмысления.

Отчасти это связано с тем, что, как уже говорилось, в то время, когда разрабатывалась АШ, интернет-жанров не существовало и вряд ли кто-то из жанроведов мог предвидеть их появление; отчасти – иными активизировавшимися с тех пор тенденциями при изучении интернет-жанров (и интернет-лингвистики в целом): параметрические модели здесь господствуют, но на первый план выходят технические характеристики средств связи (которые не учитывались да и не существовали раньше).

С другой стороны, актуально изучение интернет-жанров в сравнении с неинтернет-жанрами, отсюда – отношения генетической производности, что вновь заставляет вспомнить концепцию вторичных жанров Бахтина, которая, как уже было сказано, не учитывается в АШ.

*

Нужны ли вообще новый взгляд на АШ и ее переосмысление?

Прежде всего, мы исходим из того, что сама идея этой или подобной анкеты – параметрической модели компонентного типа – безусловно нужна и будет использоваться в будущих исследованиях РЖ.

Попытки нового осмысления и переосмысления АШ ни в коей мере не означают ее несостоятельности. Как уже было сказано, такие попытки предпринимались уже в первые годы после появления анкеты и, несомненно, будут продолжены. Как известно, это всегда говорит о здоровом состоянии науки в целом и отдельных научных концепций в частности. Добавим, что любое живое речежанровое пространство является подвижным: все время появляются новые РЖ и их типы и новые сферы жанрово релевантной коммуникации. Это делает перманентно актуальным и использование АШ, и переосмысление или добавление некоторых отдельных параметров.

В настоящей статье акцент делался именно на тех пунктах, которые меньше были прописаны в «канонической» АШ; но которые, по нашему мнению, и должны быть использованы для более адекватного исследования жанров (особенно новых), и уже реально используются: историко-этимологических, типологических, культурологических, квантитативных, корпусных и т. п.

У АШ безусловно есть будущее. Конкретные контуры будущего улавливаются трудно, но можно говорить с уверенностью: «анкета» будет; ее модификации будут. В целом использование при анализе РЖ параметрической анкеты, подобной АШ ориентированность на практические результаты – «портреты РЖ», «энциклопедию РЖ» – остаются актуальными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шмелёва Т. В.* Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Berlin. 1990. № 2. С. 24–41.

2. *Шмелёва Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.

3. *Лебедева Н. Б.* Жанры естественной письменной речи // Антология речевых жанров : повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 116–123.

4. *Лебедева Н. Б.*, *Зырянова Е. Г.*, *Плаксина Н. Ю.*, *Тюкаева Н. И.* Жанры естественной письменной речи : Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М. : URSS, 2011. 256 с.

5. *Рабенко Т. Г.* Жанры естественной письменной русской речи в вариантологическом аспекте : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Кемерово, 2018. 50 с.

6. *Федосюк М. Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.

7. *Сиротинина О. Б.* Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 26–31.

8. *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М. : Гнозис, 1992. 272 с.

9. *Дементьев В. В.* Послание потомкам в *капсуле времени* как жанр советской словесности // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 1. С. 132–149.

10. *Дементьев В. В.* Рубрика «Послания» в газете бесплатных объявлений 1990-х гг. : к вопросу о предшественниках и истоках интернет-коммуникации // Русская речь. 2019. № 2. С. 69–93.

11. *Норман Б. Ю.* Поэтика наивной любви (на материале кустарных фотооткрыток СССР 1950-х годов) // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 44–52. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-44-52

12. *Дементьев В. В.* Речежанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2016. 396 с.

13. *Дементьев В. В.* Жанры в меняющемся мире : креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 6–21. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21

14. *Дементьев В. В.* Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194

15. *Ермакова О. П.* Является ли ирония речевым жанром? (еще раз о некоторых особенностях иронии) // Жанры речи. 2014. № 1–2 (9–10). С. 74–80.

16. *Балашова Л. В.* Речевые жанры в русской идиоматике (семантический и концептуальный аспекты) // Жанры речи. 2017. № 1(15). С. 6–29. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-6-29

17. *Седов К. Ф.* Внутрижанровые стратегии речевого поведения : «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 188–195.

18. *Седов К. Ф.* Коммуникативные стратегии дискурсивного поведения и становление языковой личности // Языковая личность : социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград ; Саратов : Перемена, 1998. С. 9–20.

19. *Седов К. Ф.* Прагма-семиотический подход к изучению стиля художественной прозы // Принципы изучения художественного текста. Ч. 1. Саратов : Сарат. пед. ин-т, 1992. С. 49–51.

20. *Седов К. Ф.* Человек в жанровом пространстве современной коммуникации // Антология речевых жанров : повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 7–38.

21. *Седов К. Ф.* Комплимент – речевой жанр суггестивного дискурса // Жанры речи : сб. науч. ст.. Саратов : ИЦ «Наука», 2011. Вып. 7. Жанр и языковая личность. С. 225–235.

22. *Herring S. C.* A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // Language@Internet, 2007. № 4. Article 1. Retrieved April 26, 2009. URL: http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761 (дата обращения: 20.02.2020).

23. *Горошко Е. И.* Теоретический анализ интернет-жанров : к описанию проблемной области // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 370–389.

24. *Горошко Е. И.*, *Полякова Т. Л.* К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи. 2015. № 2(12). С. 119–127.

25. *Галичкина Е. Н.* Компьютерная коммуникация : лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Астрахань, 2012. 40 с.

26. *Лутовинова О. В.* Языковая личность в виртуальном дискурсе : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2013. 41 с.

REFERENCES

1. Shmeleva T. V. Speech genre. Features description and use in the teaching of the language. *Russistik*. Berlin, 1990, no. 2, pp. 24–41 (in Russian).

2. Shmeleva T. V. Model rechevogo zhanra [Model of speech genre]. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. of sci. arts.]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).

3. Lebedeva N. B. Zhanry yestestvennoy pis’mennoy rechi [Genres of natural writing]. *Antologiya rechevykh zhanrov : povsednevnaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres : everyday communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007, pp. 116–123 (in Russian).

4. Lebedeva N. B., Zyryanova Ye. G., Plaksina N. Yu., Tyukayeva N. I. *Zhanry yestestvennoy pis’mennoy rechi : Studencheskoye graffiti, marginal’nyye stranitsy tetradey, chastnaya zapiska* [Genres of natural writing : Student graffiti, marginal pages of notebooks, private note]. Moscow, URSS Publ., 2011. 256 p. (in Russian).

5. Rabenko T. G. *Zhanry yestestvennoy pis’mennoy russkoy rechi v variantologicheskom aspekte* [Genres of natural written Russian language in the variantological aspect : Doct. philol. sci. thesis diss.]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Kemerovo, 2018. 356 p. (in Russian).

6. Fedosyuk M. Yu. Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov [Unsolved problems in the theory of speech genres]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1997, no. 5, pp. 102–120 (in Russian).

7. Sirotinina O. B. Nekotoryye razmyshleniya po povodu terminov “rechevoy zhanr” i “ritoricheskiy zhanr” [Some reflections on the terms “speech genre” and “rhetorical genre”]. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres :

coll. of sci. arts.]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1999, iss. 2, pp. 26–31 (in Russian).

8. Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow, Gnosis Publ., 1992. 272 p. (in Russian).

9. Dementyev V. V. Time Capsule Messages to Future Generations as a Genre of Soviet Public Texts. *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no. 1, pp. 132–149 (in Russian).

10. Dementyev V. V. «Messages» Column in the Free Ads Newspaper of the 1990s : On the Question of the Precursors and Origins of Internet Communication. *Russian Speech*, 2019, no. 2, pp. 69–93 (in Russian).

11. Norman B. Ju. Poetics of Naive Love (Based on Soviet Handicraft Photo Postcards of the 1950s), *Speech Genres*, 2020, no. 1 (25), pp. 44–52 (in Russian). DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-44-52

12. Dementyev V. V. *Rechezhanrovyye kommunikativnyye tsennosti v novykh i noveyshikh sferakh russkoy rechi* [Speech genre communicative values in the new and newest spheres of Russian speech]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2016. 396 p. (in Russian).

13. Dementyev V. V. Genres in Changing World : Creationistic Potentials of Speech Genres and Epistemological Potentials of the Theory of Speech Genres. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 6–21 (in Russian). DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21

14. Dementyev V. V. What Have Genre Studies Given to Modern Linguistics? *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 172–194 (in Russian). DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194

15. Ermakova O. P. Is irony a speech genre? (Once again, about some features of irony) *Speech Genres*, 2014, no. 1–2 (9–10), pp. 74–80 (in Russian).

16. Balashova L. V. Speech Genres in Russian Idiomatics (Semantic and Conceptual Aspects). *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 6–29 (in Russian). DOI: https://doi.org\slash10.18500/2311-0740-2017-1-15-6-29

17. Sedov K. F. Vnutrizhanrovyye strategii rechevogo povedeniya : «ssora», «kompliment», «kolkost'» [Intragenre strategies of speech behavior : “quarrel”, “compliment”, “taunting”]. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. of sci. arts.]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 188–195 (in Russian).

18. Sedov K. F. Kommunikativnyye strategii diskursivnogo povedeniya i stanovleniye yazykovoy lichnosti [Communicative strategies of discursive behavior and the formation of a linguistic personality]. *Yazykovaya lichnost' : sotsiolingvisticheskiye i emotivnyye aspekty* [Language personality : sociolinguistic and emotive aspects]. Volgograd, Saratov, Peremena Publ., 1998, pp. 9–20 (in Russian).

19. Sedov K. F. Pragma-semioticheskiy podkhod k izucheniyu stilya khudozhestvennoy prozy [Pragma-semiotic approach to the study of the style of fictional prose]. *Printsipy izucheniya khudozhestvennogo teksta* [Principles of the study of fictional text]. Saratov : Sarat. ped. in-t, 1992, part 1, pp. 49–51 (in Russian).

20. Sedov K. F. Chelovek v zhanrovom prostranstve sovremennoy kommunikatsii [Man in the genres of modern communication space]. *Antologiya rechevykh zhanrov : povsednevnaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres : daily communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007, pp. 7–38 (in Russian).

21. Sedov K. F. Kompliment – rechevoy zhanr suggestivnogo diskursa [Compliment is a speech genre of suggestive discourse]. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. of sci. arts.]. Saratov, ITs “Nauka”, 2011, iss. 7, pp. 225–235 (in Russian).

22. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse. *Language@Internet*, 2007, no. 4, article 1. Retrieved April 26, 2009. Available at: http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761 (accessed 20 February 2020).

23. Goroshko E. I. Teoreticheskij analiz Internet-zhanrov : k opisaniju problemnoj oblasti [A theoretical analysis of Internet genres : to the description of the problem area]. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. of sci. arts.]. Saratov, ITs “Nauka”, 2007, iss. 5, pp. 370–389 (in Russian).

24. Goroshko E. I., Polyakova T. L. To the construction of a typology of social media genres. *Speech Genres*, 2015, no. 2(12), pp. 119–127 (in Russian).

25. Galichkina E. N. *Komp'yuternaya kommunikatsiya : lingvisticheskij status, znakovye sredstva, zhanrovoe prostranstvo* [Computer Communication : linguistic status, symbolic devices, genre space]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Astrakhan', 2012. 540 p. (in Russian).

26. Lutovinova O. V. *Yazykovaya lichnost' v virtual'nom diskurse* [Language identity in virtual discourse]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Volgograd, 2013. 40 p. (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дементьев В. В. «Анкета речевого жанра» Т. В. Шмелёвой : прошлое, настоящее, будущее (к 30-летию жанроведческой модели) // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 252–262. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262

For citation

Dementyev V. V. “Questionnaire of a Speech Genre” of T. V. Shmeleva : Past, Present, Future (for the 30th Anniversary of the Genre Model). *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 252–262 (in Russian). DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262

Поступила в редакцию: 30.04.2020 / Принята: 12.06.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Received: 30 April 2020 / Accepted: 12 June 2020 / Published: 30 November 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'276.6:34+81'42
ББК 81
DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-263-277

М. В. Батюшкина
Омск, Россия

Законы об утверждении документов программно-целевого характера: жанровый подход

В статье представлены результаты исследования функциональных и формально-содержательных особенностей текстов российских законов, которыми утверждены документы программно-целевого характера (стратегии развития, концепции, программы, прогнозные планы и т. п.).
В основе работы – жанровый, дискурсивный и иные подходы к исследованию текстов законов, законодательного пространства в целом.
Отмечается, что, с одной стороны, данный тип законов отражает общие особенности моделирования и трансформации современного юридического дискурса; воспроизводит институциональную специфику законотворческого процесса; транслирует законотворческие интенции, стратегии и тактики.
С другой стороны, законы, которыми утверждаются документы программно-целевого характера, обладают особыми характеристиками, позволяющими отнести данные законы к отдельному жанровому / субжанровому типу.
Субжанр закона определяется на основе следующих параметров: (1) интенция-намерение автора; (2) цель и функции закона; (3) фактор субъекта юридического дискурса (адресант / адресат закона); (4) пространственно-временные и иные обстоятельственно-определительные характеристики, отраженные в тексте закона либо подразумеваемые (кем принят и подписан закон, в течение какого периода и на какой территории применяется и др.); (5) тип институционального действия; (6) внутрисистемный институциональный статус закона; (7) предметно-тематический «радиус» текста; (8) формальное сегментирование текста; (9) особенности корреляции функционально-семантических типов речи; (10) степень унифицированности, субжанровые маркеры и клише.
Формальная и содержательная структуры программно-утверждающих законов рассматриваются автором на основе дотекстовых и послетекстовых реквизитов, внутритекстовых компонентов (статей), послетекстового приложения (утверждаемого документа). Данные сегменты анализируются с различных точек зрения: обязатель-

Marina V. Batyushkina
Omsk, Russia

Laws on Approval of Program-goal Documents: Genre Approach

The article presents the results of a study of the functional, formal and substantive features of the texts of Russian laws, which approve program-goal documents (development strategies, concepts, programs, forecast plans, etc.).
The article is based on discourse and genre approaches to the study of legislative texts, the legislative text space as a whole.
It is noted that, on the one hand, this type of laws reflects the general features of modeling and transforming of modern legal discourse; reproduces the institutional aspects of the legislative process; broadcasts legislative intentions, strategies and tactics.
On the other hand, laws that approve documents of a program-goal nature have distinctive characteristics that allow defining these laws as a separate subgenre type.
The subgenre of law is defined by the author on the basis of the following parameters: (1) intention of the author; (2) the purpose and functions of the law; (3) the factor of the subject of legal discourse (author/addressee of the law); (4) spatio-temporal and other circumstantially determining characteristics reflected in the text of the law explicitly or implicitly (who adopted and signed the law, during which period and in which territory it is applied, etc.); (5) type of institutional action; (6) the institutional status of the law within the system of laws; (7) subject-thematic "radius" of the text; (8) formal segmentation of text; (9) features of the correlation of functional semantic types of speech; (10) degree of uniformity, subgenre markers and clichés.
The formal and informative structures of program-approving laws are analyzed on the basis of the following segments: pretext and post-text details, intra-text components, post-text application (approved document). These segments are analyzed from various points of view: obligation, localization, combinatorics, unification, etc.
When conducting research, special attention is paid to structural, typological, comparative and other types of analyzes.

© Батюшкина М. В., 2020

ности, локализации, комбинаторики, унификации и др.
При проведении исследования особое внимание уделяется структурному, типологическому, сравнительному и иным видам анализов.
Ключевые слова: *текст закона; субжанр; функция, форма и содержание закона; текст, утвержденный законом.*

Keywords: *the text of the law; subgenre; function, form and content of the law; statutory text.*

Сведения об авторе: *Батюшкина Марина Владимировна, кандидат педагогических наук, старший консультант отдела лингвистической экспертизы и систематизации законодательства.*
Место работы: Законодательное Собрание Омской области.
E-mail: *soulangeana@mail.ru*
https://orcid.org/0000-0003-1472-5953

About the author: *Batyushkina Marina Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Consultant of the Department Linguistic Expertise and Legislation Systematization.*
Place of employment: Legislative Assembly of Omsk Region.
E-mail: *soulangeana@mail.ru*
https://orcid.org/0000-0003-1472-5953

Вводные замечания

Современный национальный юридический дискурс демонстрирует не только масштабность системы законодательных текстов, но и сложившиеся подходы к их созданию и толкованию. Вербальное моделирование социально-исторического контекста, регулярное обновление предметного репертуара юридического дискурса осуществляются с помощью законов разного тематического содержания, но сходной формальной структуры. В зависимости от функционально-смысловой доминанты, получающей различное выражение, тексты законов могут быть отнесены к тому или иному жанровому / субжанровому типу[1].

При этом в отличие от общих жанрово-стилевых особенностей правовых текстов, рассматриваемых и лингвистами, и правоведами (Н. Д. Голев, О. Н. Киянова, С. П. Кушнерук, А. С. Пиголкин, О. П. Сологуб и др.), своеобразие функциональных и формально-содержательных характеристик законов разных субжанров до настоящего времени не получило достаточного освещения. Между тем исследование данного вопроса актуально не только для развития научно-лингвистических представлений о природе закона, но и для совершенствования лингвоэкспертной практики. Чем более исследован закон, тем выше его качество и меньше вероятность искажения смысла правовых норм [2: 112].

Почему при сравнительном исследовании и описании текстов законов продуктивно применение именно жанрового / субжанрового подхода?

Жанр не только типовая, но и структурирующая модель построения речевого целого, позволяющая предугадывать форму, объем и содержание этого целого (М. М. Бахтин, А. Вежбицка, В. Е. Гольдин, В. В. Дементьев, Н. В. Орлова, Т. В. Шмелева и др.). Как верно отмечает В. В. Дементьев, «жанры (разные, но иногда и одни и те же) могут быть и источником речевой системности, и источником ее вариативности» [3: 15].

Именно жанровый / субжанровый подход позволяет исследовать специфику закона как дискурсивного феномена, а также отличие юридического дискурса, в котором зарождается и для целей которого существует законодательный текст, от дискурсов иных видов. В свою очередь, методологическая ценность дискурсивного анализа (Н. Д. Арутюнова, Т. А. ван Дейк, В. И. Карасик, Ю. С. Степанов, В. Е. Чернявская, М. Фуко и др.) связана с обнаружением институционализированной практики создания законов, интертекстуальных отношений и порождаемых ими импликаций, аспектов «юридического функционирования русского языка» (понятие Н. Д. Голева [4: 139]).

Кроме того, имеющиеся плодотворные разработки в области жанроведения и теории дискурса позволяют сформировать базовые положения исследования законодательных текстов (см., также: [5]).

Во-первых, на первоначальном, идейном этапе планирования текста закона (когда адресант-автор должен ответить на вопросы: «для чего создается закон?», «какова его конечная цель?», «какие языковые и речевые средства необходимо использовать для того, чтобы точ-

[1] Под типом текста вслед за Р. Н. Комаровой мы понимаем «класс текстов, традиционно используемых для достижения определенных коммуникативных целей в типовых условиях общения» [1: 3].

но и правильно выразить правовую мысль, оформить ее в виде связного и целостного текста?») формируются законотворческие интенции, ключевыми из которых являются:

– нормоустановление – создание и принятие правовых норм, лежащих в основе регулирования тех или иных сфер общественных отношений;
– нормоизменение – трансформация ранее принятых правовых норм в связи с необходимостью изменения аспектов регулирования общественных отношений либо устранения несогласованности норм одного закона / разных законов друг с другом;
– нормоприостановление – признание правовой нормы временно «бездействующей», обусловленное какими-либо обстоятельствами, при которых невозможно либо нецелесообразно регулирование тех или иных аспектов общественных отношений с помощью закона;
– нормоотмена – исключение норм закона (в целом закона) из пространства законодательных текстов в связи с утратой необходимости регулирования общественных отношений определенного вида с помощью данных норм (этого закона);
– норморазъяснение – устранение реального или потенциального неоднозначного понимания и применения нормы.

Во-вторых, законотворческие интенции предопределяют стратегии и тактики, которые используются адресантом-автором при создании текста закона.

Вслед за отечественными лингвистами (Е. Л. Доценко, Ю. А. Ермаков, О. С. Иссерс, С. Г. Кара-Мурза, О. Н. Паршина, В. Е. Чернявская и др.) мы рассматриваем коммуникативную стратегию в качестве общего плана, регулирующего тему, содержание и форму текста, выбор и комбинирование средств, которые обеспечивают речевое формулирование целей высказывания и ожидаемый коммуникативный эффект, т. е. программируемую реакцию адресата.

Но, вместе с тем, полагаем, что при создании законодательных текстов адресанты-авторы реализуют и сугубо законотворческие стратегии:

– программно-информационную – трансляция информации об объектном, субъектном и процессуальном параметрах юридического дискурса, формирование у адресата аутентичного смыслообразования;
– императивную – передача волеизъявления, тотальность воздействия закона;
– стереотипизации – создание сценариев и поведенческих алгоритмов, унификация форм трансляции информации;
– персуазивную – воздействие на волю и сознание адресатов закона, побуждение их к реализации определенных программ и алгоритмов действий;
– стимулирующую – формирование материальных и духовных стимулов поведения, представления о «неотвратимости» наказания за нарушение закона;
– экспликативную – прогнозирование будущих событий и ситуаций для правильного понимания адресатом закона данных событий и ситуаций;
– языкотворческую – формирование представления о государственном языке («сугубо юридическом феномене» [6: 15]), на котором создаются тексты законов и осуществляется деловая коммуникация;
– текстотворческую – создание текстов законов определенных типов с учетом сложившихся продуктивных моделей юридических текстов, законотворческой интенции адресанта-автора и функционально-смысловой доминанты текста.

Каждая из указанных стратегий, в той или иной степени, выполняет три основных функции: информативную (передача информации), когнитивную (воздействие) и коммуникативную (организация коммуникации). При создании текста законопроекта законотворческие стратегии реализуются в виде взаимосвязи тактических средств: вербальных (частотность отглагольных существительных и юридических клише, продуктивность метонимии, функционального переноса, инверсии и др.) и невербальных (изображения гербов, графические особенности размещения текста и др.).

В частности, исследование формально-содержательной структуры закона, прежде всего, предполагает анализ явно выраженных сегментов: дотекстовых и послетекстовых реквизитов, внутритекстовых компонентов (собственно текста закона), послетекстового приложения. В свою очередь, составные элементы данных сегментов могут быть рассмотрены с позиций: обязательности / факультативности, комбинаторики, локализации, последовательности / произвольности расположения, повтора, степени унификации и клишированности (синтаксической однотипности), альтернативности (взаимозаменяемости), формальной «выделенности» границ (начала и конца).

В-третьих, на базе корреляции законотворческих интенций, стратегий и тактик можно сформировать представление об основных (суб)жанрообразующих параметрах законодательных текстов: интенции-намерении автора; цели и функциях закона; факторе субъекта юридического дискурса (адресанте / адресате

закона); пространственно-временных и иных обстоятельственно-определительных характеристиках; типах институционального действия; внутрисистемном институциональном статусе закона; предметно-тематическом «радиусе» текста; формальном сегментировании текста; особенностях корреляции функционально-семантических типов речи; степени унифицированности (шаблонах, маркерах, клише).

С учетом обозначенных установок представим результаты исследования федеральных и региональных законов, которыми утверждены документы программно-целевого характера[2] . Программно-утверждающие законы относятся к субжанровому типу нормоутверждающих законов. При проведении исследования применены принципы дискурсивного, жанрологического, структурно-типологического, сравнительного, текстуального и интертекстуального анализов.

Общие результаты исследования программно-утверждающих законов

Предметом рассматриваемых законов является утверждение документов программно-целевого характера (стратегий, концепций, программ, прогнозных планов и др.), направленных на комплексное развитие той или иной сферы общественных отношений. Такое развитие осуществляется посредством моделируемых ситуаций и действий и является прогнозируемым результатом применения закона и утвержденного им документа. Тип институционального действия, которое осуществляет адресант для «активации» моделируемых ситуаций и действий (*утверждение*), отражает общую субжанровую специфику программно-утверждающих законов.

С точки зрения продуктивности, данный тип законов не типичен для общефедерального уровня законотворчества[3] . В качестве исключения можно назвать Федеральный закон № 51-ФЗ, которым в 2000 году была утверждена Федеральная программа развития образования. На региональном уровне процесс принятия программно-утверждающих законов характеризуется разной степенью продуктивности[4]. Но большинство региональных документов программно-целевого характера утверждается подзаконными актами[5].

В связи с общими (на первый взгляд) признаками программно-утверждающих законов и программно-утверждающих подзаконных актов возникает ряд вопросов. Обусловлены ли жанровые особенности программно-утверждающих подзаконных актов спецификой программно-утверждающих законов? Можно ли рассматривать тексты программно-утверждающих законов модификацией текстов программно-утверждающих подзаконных актов? Имеются ли основания для того, чтобы говорить о формировании своего рода «межжанра» программно-утверждающих правовых текстов? Чтобы ответить на эти и другие вопросы, необходимо провести отдельное исследование специфики подзаконных актов, которыми утверждаются тексты документов программно-целевого характера, выявить общее, сопоставить отличия законов и подзаконных актов. Принимая во внимание необходимость такого исследования, далее мы говорим только о специфике законодательных текстов.

Несмотря на низкую частотность программно-утверждающих законов (по сравнению, например, с базовыми или нормоизменяющими законами) и принятие, главным образом, на региональном уровне, в юридическом дискурсе законы данного типа (как и законы других субжанров) позиционируются в качестве официальных документов, наделенных «юридической силой» закона и имеющих идентификационные знаки уникальности и подлинности (реквизиты). Программно-утверждающие законы являются неотъемлемыми элементами законодательного пространства, создаются, трансформируются и признаются «утратившими силу» таким же образом, как и законы иных

[2]Тексты законов анализировались на основе системы «Консультант Плюс Регион» и Официального интернет-портала правовой информации (http://www.pravo.gov.ru).

[3]На общегосударственном уровне документы программно-целевого характера вводятся в юридический дискурс с помощью подзаконных актов. См. напр.: Указ Президента РФ от 09.06.2010 № 690; постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 327; приказ Росгвардии от 06.02.2019 № 33.

[4]В частности, по данным справочно-правовой системы «Консультант Плюс Регион», в период с 1 января 1993 года по 1 ноября 2019 года принято:

от 50 до 100 законов – в Алтайском, Краснодарском, Пермском краях; Хакасии, Калининградской, Кемеровской, Рязанской, Самарской, Томской, Ульяновской областях;

от 10 до 50 законов – в Бурятии, Удмуртии, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Дагестане, Татарстане, Ненецком АО, Чукотском АО, Ивановской, Иркутской, Нижегородской, Пензенской, Ростовской, Саратовской, Тамбовской, Тверской, Ярославской областях;

менее 10 законов – в Камчатском, Красноярском, Ставропольском краях, Алтае, Коми, Мордовии, Чувашии, Якутии, Карачаево-Черкесии, Амурской, Архангельской, Белгородской, Вологодской, Курской, Мурманской, Новосибирской, Омской, Сахалинской, Тульской областях.

[5]См., напр.: постановление Законодательной Думы Томской области от 26.03.2015 № 2580; постановление правительства Тульской области от 04.03.2019 № 75.

субжанров, а потому не могут быть проигнорированы при описании данного пространства.

Особенности реквизитов. Специфика оформления реквизитов программно-утверждающих законов позволяет отнести их к общежанровым признакам законов, за исключением наименования (см. ниже).

Реквизиты являются обязательными атрибутами закона (жанровыми маркерами), передают «первичную» информацию о законе, выделяют его из ряда прочих законов (в целом правовых текстов), задают определенный вектор читательского смыслового восприятия. Сам факт отображения той или иной информации в реквизите делает эту информацию официальной, приобретающей юридический смысл и статус, «юридизированной» (понятие Н. Д. Голева [7: 142]). С другой стороны, реквизиты отражают параметры законотворческого процесса (кем принят закон, когда и кем подписан), свидетельствуют о завершенности данного процесса.

При указании реквизитов соблюдаются последовательность и стандарты оформления. Неприменение стандартов может привести к «функциональной недействительности документа» [8: 29]. Оформление реквизитов обусловлено правилами языка и сложившимися юридико-техническими требованиями. Последние, реализуясь наряду с правилами русского языка или вопреки им, в некоторых случаях «ограничивают диапазоны речевой вариативности», «жестко определяют состав и структуру соответствующего речевого фрагмента» (Там же).

Вслед за С. П. Кушнеруком реквизиты закона могут быть отнесены к (а) реквизитам, реализуемым посредством иконических знаков, и (б) реквизитам, реализуемым посредством знаков, закрепленных в освоенных социумом буквенно-цифровых системах.

К иконическим знакам относится изображение герба, располагаемое вверху титульного листа закона перед иными реквизитами и основным текстом. Изображение герба передает однозначно понимаемую участниками деловой коммуникации информацию о государственно-территориальном образовании, в границах которого действует закон; является знаком «особой важности содержания документа, высокого уровня официальной инстанции» [9: 22], транслирующей юридически значимую информацию в форме закона.

Иные реквизиты в зависимости от расположения относительно основного текста закона (до или после), а также относительно друг друга, являются либо дотекстовыми, либо послетекстовыми.

Проведенный анализ законов показал, что, как правило, в качестве дотекстовых реквизитов указываются: герб; название «Российская Федерация» и/или название субъекта РФ (далее для обозначения данных реквизитов мы используем понятие «название государственно-территориального образования»); наименование вида нормативного правового акта (напр.: *Областной закон, Закон Омской области* и т. п.); наименование закона; дата принятия закона (в федеральных законах еще и дата одобрения закона). К послетекстовым реквизитам относятся подпись, место и дата подписания, регистрационный номер и печать[6].

При оформлении реквизитов используется два типа конструкций:

– с фиксированным составом компонентов (название государственно-территориального образования, наименование вида закона, официальное название должности лица, подписавшего закон, а также место подписания – при создании законов одного региона воспроизводятся без изменения);
– с переменным составом компонентов (наименование закона зависит от функционально-смысловой доминанты законодательного текста, дата подписания и номер обусловлены процессуальными параметрами законотворческого процесса).

Адресант закона выражен с помощью официального названия должности лица, подписавшего закон. Субъект-автор текста не эксплицирован. Представление об адресате формируется на основе названия государственно-территориального образования и наименования закона, поскольку положения закона распространяются на тех лиц, которые находятся на территории «действия» закона.

Наименование закона формулируется в зависимости от функционально-смысловой доминанты текста, а потому относится к субжанрообразующему параметру. Наименование программно-утверждающего закона следует после видонима[7] (названия вида

[6]Обратим внимание на то, что рядом региональных законов утверждены официальные наименования реквизитов, которые не всегда соответствуют наименованиям, являющимся общепринятыми в сфере делопроизводства. Примеры: «полное наименование органа, принявшего акт», «заголовок, обозначающий предмет регулирования» (ст. 34 закона Калужской области от 25.07.1995 № 12); «обозначение вида нормативного правового акта», «наименование нормотворческого органа, принявшего нормативный правовой акт», «место и дата принятия (издания) нормативного правового акта» (ст. 21 закона Республики Хакасия от 11.03.2015 № 18-ЗРХ).

[7]С точки зрения соотнесенности с видонимом, наименование программно-утверждающего закона может быть рассмотрено либо в качестве дополнения, либо в качестве определения, сравните: *закон* [о чем?] или [ка-

нормативного правового акта) и начинается с субжанрового маркера – имени институционального действия *Об утверждении*. Как будет показано ниже, информация о данном институциональном действии повторяется в основном тексте закона с помощью субжанрового маркера-инфинитива «утвердить»[8].

Наименование программно-утверждающего закона позволяет сформировать первичное («дотекстовое») представление не только о цели-предмете закона – утверждении как институциональном действии, но и об объекте данного институционального действия, т. е. утверждаемом документе. На основании лексических компонентов («ключевых» слов) названия утверждаемого документа можно сделать предположение:

– о форме и примерном содержании документа (*стратегия, программа* и т. д.);
– «целевом» предмете, как правило, выражаемом с помощью отглагольного существительного (*развитие, обеспечение, управление, поддержка* и др.);
– сфере регулирования, предметно-тематическом «радиусе» текста (*образование, государственный язык, ипотека, строительство* и т. д.);
– территории, на которую распространяется регулирование (выражается с помощью топонима – названия государственно-территориального образования: *г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Саратовская область* и др.);
– сроке либо периоде действия документа и, соответственно, правового регулирования (при указании срока используется конструкция *до … года*; при указании периода применяются конструкции *на … год*, с *… года по … год*, *на плановый период … и … годов* и т. д.).

От того, какие сведения и в какой последовательности отражены в названии утверждаемого документа, насколько детально они раскрыты, зависит состав наименования программно-утверждающего закона. В ходе анализа материала нами отмечены следующие варианты формулирования наименований законов данного субжанрового типа (табл. 1).

Варианты (1), (2) и (3) используются в тех случаях, когда одним законом утверждается один документ. Вариант (4) применяется при утверждении одним законом нескольких документов. В качестве нетипичного следует назвать вариант (5), который предусматривает указание реквизитов утверждаемого документа без формулы об утверждении (хотя такая формула применяется в основном тексте закона).

Форма документа может быть представлена в качестве родового (*программа, стратегия, план*) или видового, расширенного обозначения (*областная целевая программа, краевая целевая программа, комплексная стратегия, прогнозный план*); включена в границы названия утверждаемого документа (вариант 1) либо вынесена за границы названия (варианты 2, 3 и 5).

Между компонентами названия может быть как грамматическое и смысловое, так и только смысловое согласование. Например, название «*Об утверждении областной целевой программы “Здоровый ребенок” на 2005–2008 годы»* состоит из следующих компонентов: субжанрового маркера (*Об утверждении*) – видового обозначения названия формы утверждаемого документа (*областная целевая программа*) – названия (предмета-цели) утверждаемого документа в кавычках (*“Здоровый ребенок”*) – периода действия утверждаемого документа (*на 2005–2008 годы*). Первый, второй и четвертый компоненты связаны грамматически и по смыслу, между вторым и третьим компонентами смысловая связь выражена формально с помощью кавычек и прописной буквы первого слова названия утверждаемого документа.

Особое внимание обратим на вариативное написание (с прописных / строчных букв) названия формы утверждаемого документа, его родового / видового обозначения и, соответственно, маркирование названия формы документа в качестве имени собственного либо нарицательного. Сравните: *Об утверждении* ***стратегии*** *социально-экономического развития Алтайского края до 2025 года* (Закон Алтайского края № 86-ЗС) – *Об утверждении* ***Стратегии*** *социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года* (Закон Архангельской области № 57–5-ОЗ). В отличие от строчной прописная буква не просто выполняет бомльшую индивидуализирующую функцию, обладая психолингвистической значимостью для носителей пись-

кой?] *«Об утверждении Программы ”Картофель Сахалина”на 2000–2005 годы»* (закон Сахалинской области от 16.10.2000 № 221).

[8]Отметим, что сходная практика обозначения в названии и тексте институционального действия-цели применяется при создании законов иных субжанров, в частности: нормоизменяющих (в названии – *О внесении изменений в закон…*, в тексте – *Внести в закон … следующие изменения*), нормоприостанавливающих (в названии – *О приостановлении действия закона …*, в тексте – *Приостановить действие закона …*), нормоотменяющих (в названии – *О признании утратившим силу закона …*, в тексте – *Признать утратившим силу закон …*). Структура законов данных субжанровых типов сходна со структурой сценариев ситуаций, которые они порождают.

Таблица 1 / Table 1

Типовые модели наименований программно-утверждающих законов

Typical models of names of software-approving laws

Номер варианта и типовая конструкция наименования		Примеры	
		Формулировка наименования	Источник
1	Субжанровый маркер «*Об утверждении*» + название утверждаемого документа (форма – предмет – территория – срок / период действия)	*Об утверждении Стратегии развития топливно-энергетического комплекса Республики Татарстан на период до 2030 года*	Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 41-ЗРТ
		Об утверждении Прогнозного плана (программы) приватизации имущества Пензенской области на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов	Закон Пензенской области от 08.12.2017 № 3118-ЗПО
2	Субжанровый маркер «*Об утверждении*» + видовое обозначение утверждаемого документа в Р. п. + название утверждаемого документа в кавычках (предмет – территория – срок / период действия)	*Об утверждении краевой программы «О государственной поддержке и развитии малого предпринимательства в Алтайском крае на 2005–2007 годы»*	Закон Алтайского края от 15.04.2005 № 26-ЗС
		Об утверждении областной целевой программы «О совершенствовании организации обеспечения мировых судей в Калининградской области на 2006–2010 годы»	Закон Калининградской области от 30.09.2005 № 654
3	Субжанровый маркер «*Об утверждении*» + видовое обозначение утверждаемого документа в Р. п. + название утверждаемого документа в кавычках (предмет либо территория) + срок / период действия	*Об утверждении Программы «Картофель Сахалина» на 2000–2005 годы*	Закон Сахалинской области от 16.10.2000 № 221
		Об утверждении областной целевой программы «Здоровый ребенок» на 2005–2008 годы	Закон Калининградской области от 30.11.2004 № 460
4	Субжанровый маркер «*Об утверждении*» + обобщенное определение утверждаемых документов в Р. п. + предмет-сфера регуляции *(в области…, в сфере…)*	*Об утверждении краевых целевых программ в области здравоохранения*	Закон Алтайского края от 12.02.2002 № 8-ЗС
5	Видовое обозначение утверждаемого документа в П. п. + название утверждаемого документа в кавычках (предмет – территория – срок / период действия)	*О республиканской целевой программе «Автомобильные дороги Республики Алтай (2008–2010 годы)»*	Закон Республики Алтай от 23.07.2007 № 39-РЗ

менного языка, она позволяет выделить особо значимые слова (с позиции автора текста) и мотивирует их соответствующее восприятие адресатом.

Основной текст программно-утверждающего закона, как правило, состоит из статьи об утверждении документа программно-целевого характера и статьи об особенностях внутрисистемной адаптации закона. Кроме этого, отмечаются низкочастотные варианты текстов, в которых: (а) статья об утверждении предваряется статьей преамбульного характера, содержащей информацию о предпосылках и основании утверждения документа программно-целевого характера; (б) после статьи об утверждении приводятся статьи об аспектах финансирования реализации утверждаемого документа[9] или (в) о признании ранее принятого закона, которым был утвержден иной программный документ, утратившим силу[10].

[9]О примерах (а) и (б) см., в частности, Федеральный закон от 10.04.2000 № 51-ФЗ «Об утверждении Федеральной программы развития образования».

[10]См., напр.: закон Калининградской области от 30.11.2004 № 460 «Об утверждении областной целевой программы “Здоровый ребенок” на 2005–2008 годы», которым наряду с утверждением новой программы признается утратившим силу ранее принятый закон «Об утверждении областной целевой программы ”Безопасное материнство”на 2002–2005 годы».

Формально-логическая связь между двумя и более статьями выражается повторами маркеров – названий структурных единиц закона и порядковой нумерацией (*Статья 1. Статья 2*). Статьи не имеют названий. Такое унифицированное обозначение используется и в текстах законов иных субжанровых типов.

Конструкция статьи об утверждении обусловлена следующими факторами: во-первых, сколько документов утверждается – один или более; во-вторых, каков состав названия утверждаемого документа (об этом сказано выше); в-третьих, с помощью каких юридических клише (слов, словосочетаний), выражающих доминантно-подчинительные связи закона и прилагаемого к нему документа, и в какой последовательности делается ссылка на приложение к программно-утверждающему закону, в котором представлен утверждаемый документ; и наконец, предваряется ли положение об утверждении мотивировочным комментарием, в роли которого, как правило, выступает ссылка на ранее принятый закон.

Формула об утверждении выражается с помощью инфинитивного предложения, образованного на основе субжанрового маркера – инфинитива совершенного вида «*утвердить*». Данный маркер эксплицирует активное действие адресанта текста закона (того, кто подписывает закон), обязательность и законченность этого действия, отображает институциональный процесс утверждения, мысленно происходящий в момент речи и распространяющийся на ближайшее коммуникативное будущее. Поскольку положение об утверждении является текстообразующим и передается с помощью заголовочного и внутритекстового субжанровых маркеров, текст программно-утверждающего закона в целом приобретает характеристики императивной модальности и темпоральной процессуальности.

Ссылка на приложение выполняет связующую функцию между текстом закона и текстом утверждаемого документа. В зависимости от локализации ссылки – «до» либо «после» названия утверждаемого документа – выбирается тот или иной вариант юридического клише. Если ссылка размещается до названия, используется определение «прилагаемый», согласованное в роде, падеже и числе с наименованием формы документа (*прилагаемая программа, прилагаемый план*). При размещении ссылки после названия утверждаемого документа используются такие выражения, как *согласно приложению, согласно приложению к настоящему Закону* (название закона не воспроизводится), либо заключенный в скобки глагол настоящего времени единственного числа 3-го лица – *(прилагается)*. Если утверждаемых документов несколько, ссылка на каждый из них размещается после названия, обозначается существительным «приложение» и нумеруется, например: *приложение 1*, *приложение 2* и т. д.

Мотивировочный комментарий вводится с помощью производного предлога – юридического клише *в соответствии с*, выполняющего не только связующую функцию, но и выражающего отношения, которые, по словам Т. Чуеакаева, Е. С. Шереметьевой, могут быть определены как «действие, отвечающее эталону» [10: 176].

Отметим, что подобные ссылки и мотивировки частотны не только в законодательных (в целом правовых), но и научных текстах, они привносят в транслируемую информацию оттенки достоверности, наглядности, обладают воздействующим эффектом и считываются адресатом в качестве убедительных, не требующих дополнительных пояснений.

Результаты сравнения особенностей конструирования статей об утверждении отражены в табл. 2.

Следует отметить, что выраженность формулы о приложении определением, используемая в варианте (1), ограничивает применение данного варианта конструкции в случаях, когда при указании формы документа совмещаются названия в мужском и женском роде, например: *план (стратегия), план (программа)* и т. п. Это влечет нарушение грамматического согласования слов, на которое не всегда обращается внимание. Во многих региональных законах (например, в законе Пензенской области № 3118-ЗПО) используется формулировка *утвердить прилагаемый Прогнозный план (программу) приватизации*, в которой нарушено согласование определения «*прилагаемый*» (м.р.) и формы «*программу*» (ж.р.). На наш взгляд, при необходимости «двойного» наименования формы утверждаемого документа могут использоваться (2) или (3) варианты.

Для того чтобы составить представление о специфике статьи о внутрисистемной адаптации программно-утверждающего закона, необходимо учесть следующие общежанровые характеристики законов.

Во-первых, в юридическом дискурсе закон позиционируется в качестве персонифицированного активного субъекта волеизъявления, который «вступает в силу», «действует», «устанавливает» или «изменяет» правила организации государства и общества. Речевые формулы, с помощью которых выражается информация о законе как активном субъекте, регулярно воспроизводятся в законодательных текстах разных субжанров. Примеры: *Право частной собственности* ***охраняется***

Таблица 2 / Table 2

Модели статей об утверждении, используемые в программно-утверждающих законах

Approval article models used in software-approving laws

Номера вариантов и конструкции статей об утверждении		Примеры	
		Текст статьи	Источник
1	Субжанровый маркер-инфинитив (*Утвердить*) + ссылка на приложение (определение) + название утверждаемого документа в В. п.	*Утвердить прилагаемую стратегию социально-экономического развития Алтайского края до 2025 года*	Закон Алтайского края от 21.11.2012 № 86-ЗС
2	Субжанровый маркер-инфинитив (*Утвердить*) + название утверждаемого документа в В. п. + ссылка на приложение (*согласно* ...)	*Утвердить прогнозный план (программу) приватизации государственного имущества Калининградской области на 2017–2019 годы согласно приложению*	Закон Калининградской области от 30.03.2017 № 54
		Утвердить Стратегию развития топливно-энергетического комплекса Республики Татарстан на период до 2030 года согласно приложению к настоящему Закону	Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 41-ЗРТ
3	Субжанровый маркер-инфинитив (*Утвердить*) + название утверждаемого документа в В. п. / обозначение формы документа – название утверждаемого документа в кавычках + ссылка на приложение в скобках *(прилагается)*	*Утвердить Стратегию социально-экономического развития города Севастополя до 2030 года (прилагается)*	Закон города Севастополя от 21.07.2017 № 357-ЗС
		Утвердить краевую программу «О государственной поддержке и развитии малого предпринимательства в Алтайском крае на 2005–2007 годы» (прилагается)	Закон Алтайского края от 15.04.2005 № 26-ЗС
4	Мотивировочный комментарий (*в соответствии с*) + субжанровый маркер-инфинитив (*Утвердить*) + название утверждаемого документа в В. п. + ссылка на приложение в скобках *(прилагается)* (низкочастотен)	*В соответствии со статьей 19 Закона Ульяновской области от 6 мая 2002 года № 020-ОЗ «О порядке управления и распоряжения государственной собственностью Ульяновской области» утвердить отчет о выполнении Прогнозного плана (программы) приватизации государственного имущества Ульяновской области на 2009 год (прилагается)*	Закон Ульяновской области от 03.06.2010 № 80-ЗО
5	Субжанровый маркер-инфинитив (*Утвердить*) + обобщенное определение утверждаемых документов (форма + предмет) + перечень утверждаемых документов: название утверждаемого документа + ссылка на приложение (*приложение*^{n})	*Утвердить краевые целевые программы в области здравоохранения: Предупреждение и борьба с заболеваниями социального характера на 2002–2006 годы (приложение 1); Важнейшие направления специализированной и квалифицированной помощи на 2002–2006 годы (приложение 2); <…>*	Закон Алтайского края от 12.02.2002 № 8-ЗС

законом (ст. 35 Конституции РФ); *Настоящий* ***Закон, выражая уважение*** *ко всем народам, населяющим Удмуртскую Республику,* ***определяет*** *основные принципы регулирования общественных отношений в области использования и развития языков* (преамбула к закону Удмуртской Республики от 06.12.2001 № 60-РЗ).

Во-вторых, специфика внутрисистемной адаптации закона в пространстве законодательных текстов зависит от общего либо частного порядка «вступления» данного закона в «юридическую силу», которые, в свою очередь, обусловлены наличием или отсутствием в тексте данного закона положений о вступлении в силу и сроке действия закона или его отдельных положений.

Если положение о вступлении закона в «юридическую силу» (и соответствующая статья) отсутствует, такой закон вступает в силу в «общем» порядке. Например, не содержит такой статьи закон Ульяновской об-

ласти, утверждающий Программу управления государственной собственностью области на 2019 год (от 21.12.2018 № 172-ЗО). Для того чтобы определить срок вступления в силу данного закона и утвержденной им программы, необходима пресуппозиционная информация – обращение к Уставу Ульяновской области (п. 5 ст. 17), в котором содержится положение об общем порядке вступления областных законов в силу (по истечении десяти дней после дня их официального опубликования).

В-третьих, взаимообусловленность опубликования и вступления закона в силу передается с помощью устойчивых конструкций, построенных на основе сочетания юридических клише, которые выступают в пределах данных конструкций в роли постоянных (*Настоящий Закон, вступает в силу, официального опубликования*) или переменных компонентов (*со дня; после дня; в день, следующий за днем* и др.). Использование последних порождает вариативность, а в некоторых случаях синонимичность конструкций, сравните: *Настоящий Закон вступает в силу* ***со дня*** *его официального опубликования* (закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 41-ЗРТ); *Настоящий Закон вступает в силу* ***после дня*** *его официального опубликования* (закон города Севастополя от 21.07.2017 № 357-ЗСО); *Настоящий Закон вступает в силу* ***в день, следующий за днем*** *его официального опубликования* (закон Кемеровской области от 26.12.2018 № 122-ОЗ).

В-четвертых, при определении срока может быть указана конкретная дата (а не промежуток времени) без указания на взаимосвязь с датой официального опубликования, например, *Настоящий Закон вступает в силу с 1 января 2018 года* (закон Пензенской области от 08.12.2017 № 3118-ЗПО). Порядок вступления в силу закона распространяется и на начало действия документа, утвержденного этим законом.

Как правило, действие законов в юридическом дискурсе бессрочное, за исключением тех, которые принимаются на определенный временной период, в частности: законов о бюджете (*Закон об областном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов*), законов о мерах социальной поддержки (*Закон о величине прожиточного минимума пенсионера на 2019 год*). Предметом нашего рассмотрения являются законы, которыми, как правило, утверждаются документы на определенный срок или период. Актуальность таких «временных» законов ограничена обозначенным сроком / периодом, по истечении которого как тексты данных законов, так и тексты утвержденных ими документов используются лишь в качестве справочного материала, поскольку являются фактически недействующими.

Формально-содержательные особенности утверждаемых документов. Прежде всего, отметим, что тексты данных документов (программ, стратегий и проч.), несмотря на размещение в виде приложения к закону, лишены «жанровых примет» (термин Т. В. Шмелевой [11: 547]) законодательных текстов.

В утверждаемых документах совмещены элементы официально-делового, научного, публицистического и художественного стилей, отражены способы изложения, свойственные различным функционально-смысловым типам речи (повествованию, описанию, рассуждению, сообщению (информированию), волеизъявлению, определению, убеждению). Словесная информация сопровождается наглядной: цифрами, схемами, графиками, рисунками. Такое «нетипичное» приложение – характерный субжанровый признак программно-утверждающих законов, отличающий их от законов иных субжанров: базовых, норморазъясняющих, нормоизменяющих и др.

На титульном листе утверждаемого документа последовательно указываются: в правом верхнем углу – реквизит приложения (отсылка) к закону, которым утвержден данный документ; посередине – название документа, далее следует основной текст документа[11].

В отличие от текста программно-утверждающего закона, который, как правило, занимает одну страницу, объем утвержденного документа исчисляется десятками, в некоторых случаях сотнями страниц. Чем больше объем документа и соответственно передаваемой информации, тем сложнее внутриструктурное деление на тома, разделы, части и т. д. При этом, какими бы ни были объем и выраженная структура, в тексте документа могут быть условно выделены либо вводная и описательная части, либо вводная, описательная и заключительная части.

Вводная часть (в некоторых документах именуется «введением», «паспортом») содержит информацию о правовой основе и подходах к разработке документа, его цели, исполнителях, этапах реализации, уровне

[11] Текст Стратегии социально-экономического развития города Севастополя до 2030 года предваряет отрывок из стихотворения Льва Ошанина «Дума о Севастополе»: *Ты стоишь, / полон завтрашней думы большой, / Навсегда недоступный врагу. / Как ты славою стар, как ты молод душой, / Белый город на синем морском берегу* (см. закон г. Севастополя от 21.07.2017 № 357-ЗС).

развития регулируемой сферы общественных отношений.

Положения, в которых формулируются цели и задачи, строятся на базе отглагольных существительных с общим значением «государственного строительства» (наиболее частотны: *повышение, обеспечение, развитие, совершенствование*, *модернизация, создание, формирование, реализация, введение, разработка*), с зависимыми словами в форме родительного падежа, напр.: *развитие рынка сервисных и инжиниринговых услуг* (закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 41-ЗРТ); *создание эффективной системы управления проектами развития* (закон города Севастополя от 21.07.2017 № 357-ЗС).

В описательной части излагаются предпосылки утверждения документа, пояснение его необходимости и своевременности, основные проблемы сферы регулируемых отношений, которые будут решены после принятия закона и реализации документа. В данной части преобладающими являются речевые штампы (напр.: *мировой масштаб, историческое наследие, передовые технологии, значительный вклад, приоритетные направления, долгосрочная перспектива, преимущественное развитие, опережающий рост, уровень жизни населения*), а также специальные термины и понятия, отражающие сферу правового регулирования (напр.: *ресурсоэффективность, геологоразведка, реинжиниринг, наукоемкие технологии, SWOT-анализ, платежеспособный спрос, потребители продукции, доходная часть бюджета*).

Отмечается употребление вводных слов, конструкций и оборотов, не характерных для законодательных текстов (напр.: *как показывает мировой опыт*, *по сути, однако, в первую очередь, учитывая изложенное*), а также слов, передающих экспрессию, оценочность, сравнение (напр.: *причем, уникальные характеристики, исключительно благоприятные, неизбежно влечет за собой, значительно меньше, острейшая проблема*). Нередко используются не общеупотребительные, а внутритекстовые сокращения используемых понятий. Примеры: *ЗЭБ – зона экономического благоприятствования, ИЧР – индекс человеческого развития, н/д – нет данных* (закон Кемеровской области от 26.12.2018 № 122-ОЗ).

В заключительной части, как правило, описываются ожидаемые результаты реализации утвержденного документа, а также действия, которые будут предприниматься субъектами юридического дискурса в определенные сроки для достижения обозначенных в документе целей. При этом используются такие опорные слова и словосочетания, как *планируется, результатом должно стать, будут созданы, будут продолжены*.

Заключительные положения

Тексты российских законов характеризуются рядом общих универсальных признаков, свойственных жанру закона в целом (унификация структуры и предметного содержания, терминированность, генерализация, интертекстуальность, модальность долженствования, состав реквизитов и др.). Между тем любой текст закона функционирует в дискурсивном пространстве как представитель определенного субжанрового текстотипа. Общежанровые и субжанровые особенности законов обусловлены законотворческими интенциями, стратегиями и тактическими средствами их реализации.

Частотность законов определенного субжанра, обязательность и регулярность воспроизводства субжанровых маркеров и типовых конструкций свидетельствуют о продуктивности того или иного способа формализации правовой семантики, генризации внутреннего пространства законодательных текстов.

Принятие на уровне ряда субъектов Российской Федерации законов программно-утверждающего типа (несмотря на их невысокую частотность) демонстрирует развитие региональных терминотворческих и в целом законотворческих традиций, имеющих некоторые отличия от общефедеральной правотворческой практики и нуждающихся в дополнительном исследовании с учетом корреляции жанрово-стилистического, дискурсивного и иных подходов.

Критерием отнесения законодательного текста к субжанру программно-утверждающих законов является наличие идентификационных функциональных и формально-содержательных признаков:

– во-первых, субжанровых маркеров: заголовочного «*Об утверждении»* и внутритекстового *«утвердить»*, в которых объективируется активное институциональное действие адресанта по отношению к тексту закона и его предмету (утверждаемому документу) и определенный институциональный процесс, отражающий традиции законотворчества. Данные субжанровые маркеры, как и иные речевые маркеры, используемые в пространстве российских законов, локализованы, устойчивы по структуре, лаконичны и целостны по значению, выполняют информативную, интерпретирующую, выделительную и связующую функции;
– во-вторых, в наименовании и тексте программно-утверждающего закона выражена прямая взаимосвязь с текстом утвержда-

емого документа: с одной стороны, с помощью воспроизводства названия данного документа (в заголовке и тексте), с другой – с помощью клишированной ссылки на приложение (в тексте). Как наименование, так и текст закона (статьи об утверждении и внутрисистемной адаптации) моделируются с учетом воспроизводства сложившихся синтаксически однотипных конструкций. Этот признак сближает программно-утверждающие законы с законами иных субжанров (норморазъясняющими, нормоизменяющими, нормоотменяющими и др.);

– в-третьих, программно-утверждающие законы и прилагаемые к ним документы, несмотря на функциональные и формально-содержательные различия, представлены в пространстве российских законов одновременно как элементы единого законодательного целого. Это, в частности, отличает данный подтип законов от законов, которыми ратифицируются договоры (тексты договоров не приводятся в приложении к закону), а также от законов иных субжанровых типов.

Безусловно, в рамках одной статьи не могут быть отражены все результаты проведенного исследования. В связи с рассмотрением функций, содержания и формы программно-утверждающих законов возникло немало вопросов: о совмещении в текстах программно-утверждающих законов жанровых характеристик текстов законов и подзаконных актов; о предметно-содержательных и композиционных особенностях утверждаемых документов; об эквивалентном переводе – в случае если предполагается публикация закона на нескольких государственных языках; об особенностях лингвоэкспертной оценки текста программно-утверждающего закона.

В силу специфики, многогранности, значимости для теории и практики моделирования и лингвистической экспертизы законодательных текстов, а также для процесса подготовки и дальнейшего профессионального развития специалистов правотворческой сферы, судебного дискурса, эти и другие вопросы заслуживают особого внимания и специального рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Комарова Р. Н.* Язык закона : лингвистические характеристики (на материале текста Германского гражданского уложения) : автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2000. 21 с.

2. *Киянова О. Н.* Русский язык как государственный язык Российской Федерации в современных условиях // Вестник Московского университета. Сер. 9 : Филология. 2016. № 2. С. 106–116.

3. *Дементьев В. В.* Жанры в меняющемся мире : креационистские потенции речевых жанров и эпистемиологические потенции теории речевых жанров // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 6–21. DOI : https : // doi.org/10.18500/2311–0740–2019–1-21–6-21.

4. *Голев Н. Д.* Юридическая терминология в контексте доктринального толкования // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 138–148.

5. *Батюшкина М. В.* Жанрообразующие параметры законодательных текстов : к постановке проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 5–12. DOI: https://doi.org/10.17223/15617793/416/1

6. *Голев Н. Д.* Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 5–17.

7. *Голев Н. Д.* О взаимодействии русской общенародной лексики и юридической терминологии в аспекте их юридизации и деюридизации // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 141–146.

8. *Кушнерук С. П.* Лингвистические корреляты документационных реквизитов как основной объект документационной лингвистики // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2016. № 1(30). С. 28–36.

9. *Сологуб О. П.* Официальность как организующее начало документной коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2016. № 1 (30). С. 18–27.

10. *Чуеакаев Т., Шереметьева Е. С.* Производный предлог «в соответствии с» : специфика сочетаемости // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9–1 (63). С. 173–177.

11. *Шмелева Т. В.* Речевые жанры // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : Словарь-справочник / Сибирский федеральный университет ; под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 547–548.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:
(приводится в последовательности цитирования)

1. Федеральный закон от 10.04.2000 № 51-ФЗ «Об утверждении Федеральной программы развития образования» // Собрание законодательства РФ. 2000. 17 апреля. № 16.

2. Указ Президента РФ от 09.06.2010 № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. 2010. 15 июня. № 128.

3. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 327 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Управление федеральным имуществом”» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2014. 24 апреля. № 0001201404240004.

4. Приказ Росгвардии от 06.02.2019 № 33 «Об утверждении типовых программ профессионального обучения для работы в качестве частных детективов» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2019. 7 марта. № 0001201903070034.

5. Постановление Законодательной Думы Томской области от 26.03.2015 № 2580 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Томской области до 2030 года» // Официальные ведомости Законодательной Думы Томской области. 2015. 28 апреля. № 40 (216).

6. Постановление правительства Тульской области от 04.03.2019 № 75 «Об утверждении государственной программы Тульской области “Развитие культуры и туризма Тульской области”» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2019. 7 марта. № 7100201903070001.

7. Закон Калужской области от 25.07.1995 № 12 «О нормативных правовых актах органов государственной власти Калужской области» // Весть. 1995. 1 августа. № 157.

8. Закон Республики Хакасия от 11.03.2015 № 18-ЗРХ «О нормативных правовых актах Республики Хакасия // Вестник Хакасии. 2015. 11 марта. № 16.

9. Закон Сахалинской области от 16.10.2000 № 221 «Об утверждении Программы «Картофель Сахалина» на 2000–2005 годы» // Губернские ведомости. 2000. 27 октября. № 210 (1112).

10. Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 41-ЗРТ «Об утверждении Стратегии развития топливно-энергетического комплекса Республики Татарстан на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2015. 22 июня. № 1600201506220001.

11. Закон Пензенской области от 08.12.2017 № 3118-ЗПО «Об утверждении Прогнозного плана (программы) приватизации имущества Пензенской области на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2017. 11 декабря. № 5800201712110009.

12. Закон Алтайского края от 15.04.2005 № 26-ЗС «Об утверждении краевой программы “О государственной поддержке и развитии малого предпринимательства в Алтайском крае на 2005–2007 годы”» // Алтайская правда. 2005. 26 апреля. № 117–118.

13. Закон Калининградской области от 30.09.2005 № 654 «Об утверждении областной целевой программы “О совершенствовании организации обеспечения мировых судей в Калининградской области на 2006–2010 годы”» // Российская газета («Запад Сибири»). 2005. 7 октября. № 225.

14. Закон Калининградской области от 30.11.2004 № 460 «Об утверждении областной целевой программы “Здоровый ребенок” на 2005–2008 годы» // Российская газета. («Запад Сибири»). 2004. 24 декабря. № 286.

15. Закон Алтайского края от 12.02.2002 № 8-ЗС «Об утверждении краевых целевых программ в области здравоохранения» // Алтайская правда. 2002. 28 февраля. № 54.

16. Закон Республики Алтай от 23.07.2007 № 39-РЗ «О республиканской целевой программе «Автомобильные дороги Республики Алтай (2008–2010 годы)» // Звезда Алтая. 2007. 31 июля. № 175–176.

17. Закон Алтайского края от 21.11.2012 № 86-ЗС «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2025 года» // Алтайская правда. 2012. 29 ноября. № 350–354.

18. Областной закон Архангельской области от 18.02.2019 № 57–5-ОЗ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2019. 20 февраля. № 2900201902200003.

19. Закон Калининградской обл. от 30.03.2017 № 54 «Об утверждении прогнозного плана (программы) приватизации государственного имущества Калининградской области на 2017–2019 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2017. 4 апреля. № 3900201704040004.

20. Закон города Севастополя от 21.07.2017 № 357-ЗС «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Севастополя до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2017. 24 июля. № 9200201707240001.

21. Закон Ульяновской обл. от 03.06.2010 № 80-ЗО «Об утверждении отчета о выполнении Прогнозного плана (программы) приватизации государственного имущества Ульяновской области на 2009 год» // Ульяновская правда. 2010. 9 июня. № 43–44.

22. Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс] http://publication.pravo.gov.ru/Document/ View/ 0001201408010002 (дата обращения: 10.10.2019).

23. Закон Удмуртской Республики от 06.12.2001 № 60-РЗ «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики» // Известия Удмуртской Республики. 2001. 18 декабря. № 196.

24. Закон Ульяновской области от 21.12.2018 № 172-ЗО «Об утверждении Программы управления государственной собственностью Ульяновской области на 2019 год» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2018. 26 декабря. № 7300201812260021.

25. Устав Ульяновской области // Ульяновская правда. 2005. 24 мая. № 51 (22.365).

26. Закон Кемеровской области от 26.12.2018 № 122-ОЗ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2018. 28 декабря. № 4200201812280049.

REFERENCES

1. Komarova R. N. *Yazyk zakona : lingvisticheskiye kharakteristiki (na materiale teksta Germanskogo grazhdanskogo ulozheniya)* [Language of the law : linguistic characteristics (based on the text of the German Civil Code)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). St. Petersburg, 2000. 21 p. (in Russian).

2. Kiyanova O. N. Russian language as the state language of the Russian Federation in modern conditions. *Bulletin of Moscow University. Series 9 : Philology*, 2016, no. 2, pp. 106–116 (in Russian).

3. Dementyev V. V. Genres in Changing World : Creationistic Potentials of Speech Genres and Epistemological Potentials of the Theory of Speech Genres. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 6–21 (in Russian). DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21

4. Golev N. D. Legal terminology in the context of doctrinal interpretation. *Siberian Journal of Philology*, 2015, no. 4, pp. 138–148 (in Russian).

5. Batyushkina M. V. Legislation texts in the genre aspect : the problem statement. *Tomsk State University Journal*, 2016, no. 416, pp. 5–12 (in Russian). DOI: https://doi.org/10.17223/15617793/416/1

6. Golev N. D. Features of modern everyday metalanguage consciousness in the mirror of discussion of issues of language construction. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2008, no. 3 (4), pp. 5–17 (in Russian).

7. Golev N. D. On the interaction of Russian national vocabulary and legal terminology in the aspect of their legalization and legalization. *Dynamics of linguistic and Cultural Processes in Modern Russia*, 2018, no. 6, pp. 141–146 (in Russian).

8. Kushneruk S. P. Linguistic Correlates of Documentary Details as the Main Object of Documentary Linguistics. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*, 2016. № 1 (30), pp. 28–36 (in Russian).

9. Sologub O. P. Officialness as the organizing beginning of document communication. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*, 2016, no. 1 (30), pp. 18–27 (in Russian).

10. Chueekaev T., Sheremetyeva E. S. Derivative preposition "in accordance with": specificity of compatibility. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 2016, no. 9-1 (63), pp. 173–177 (in Russian).

11. Shmeleva T. V. Rechevyye zhanry [Speech genres]. In: A. P. Skovorodnikov, ed. *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii), slovar' spravochnik. Sibirskii federal'nyi universitet* [Effective speech communication (core competencies) Reference dictionary. Siberian Federal University]. Krasnoyarsk, 2014, pp. 547–548 (in Russian).

SOURCES

1. Federal Law dated 10.04.2000 No. 51-ФЗ "On Approval of the Federal Program for the Development of Education". *Meeting of the legislation of the Russian Federation*, 2000, April 17, no. 16 (in Russian).

2. Ukaz Prezidenta RF ot 09.06.2010 No. 690 "Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoy antinarkoticheskoy politiki Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda" [Presidential Decree dated 09.06.2010 No. 690 "On approval of the Strategy of the state anti-drug policy of the Russian Federation until 2020"]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2010, June 15, no. 128 (in Russian).

3. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 No. 327 "Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii 'Upravleniye federal'nym imushchestvom'" [Decree of the Government of the Russian Federation dated 15.04. 2014 No. 327 "On Approval of the State Program of the Russian Federation 'Management of Federal Property'"]. *Official Internet portal of legal information*, 2014, April 24, no. 0001201404240004 (in Russian).

4. Prikaz Rosgvardii ot 06.02.2019 No. 33 "Ob utverzhdenii tipovykh programm professional'nogo obucheniya dlya raboty v kachestve chastnykh detektivov" [Order of the Russian Guard dated 06.02.2019 No. 33 "On approval of model programs of vocational training to work as private detectives"]. *Official Internet portal of legal information*, 2019, March 7, no. 0001201903070034 (in Russian).

5. Postanovleniye Zakonodatel'noy Dumy Tomskoy oblasti ot 26.03.2015 No. 2580 "Ob utverzhdenii Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Tomskoy oblasti do 2030 goda" [Resolution of the Legislative Duma of the Tomsk Region dated 26.03.2015 No. 2580 "On Approval of the Strategy of Socio-Economic Development of the Tomsk Region until 2030"]. *Official Gazette of the Tomsk Region Legislative Duma*, 2015, April 28, no. 40 (216) (in Russian).

6. Postanovleniye pravitel'stva Tul'skoy oblasti ot 04.03.2019 № 75 "Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Tul'skoy oblasti 'Razvitiye kul'tury i turizma Tul'skoy oblasti'" [Decree of the Government of the Tula region dated 04.03.2019 No. 75 "On approval of the state program of the Tula region"Development of culture and tourism of the Tula region""]. *Official Internet portal of legal information*, 2019, March 7, no. 7100201903070001 (in Russian).

7. Zakon Kaluzhskoy oblasti ot 25.07.1995 No. 12 "O normativnykh pravovykh aktakh organov gosudarstvennoy vlasti Kaluzhskoy oblasti" [The law of the Kaluga region dated 07.25.1995 No. 12 "On regulatory legal acts of state authorities of the Kaluga region"]. *Vesti* [News], 1995, August 1, no. 157 (in Russian).

8. Zakon Respubliki Khakasiya ot 11.03.2015 No. 18-ZRKH "O normativnykh pravovykh aktakh Respubliki Khakasiya [The Law of the Republic of Khakassia dated March 11, 2015 No. 18-ЗРХ «On regulatory legal acts of the Republic of Khakassia"]. *Bulletin of Khakassia*, 2015, March 11, no. 16 (in Russian).

9. Zakon Sakhalinskoy oblasti ot 16.10.2000 No. 221 "Ob utverzhdenii Programmy "Kartofel' Sakhalina" na 2000–2005 gody" [Sakhalin Oblast Law dated 16.10.2000 No. 221 "On Approval of the "Sakhalin Potato" Program for 2000–2005"]. *Provincial Gazette*, 2000, October 27, no. 210 (1112) (in Russian).

10. Zakon Respubliki Tatarstan ot 17.06.2015 No. 41-ZRT "Ob utverzhdenii Strategii razvitiya toplivno-energeticheskogo kompleksa Respubliki Tatarstan na period do 2030 goda" [Law of the Republic of Tatarstan dated 17.07.2015 No. 41-ZRT "On Approval of the Strategy for the Development of the Fuel and Energy Complex of the Republic of Tatarstan for the Period until 2030"]. *Official Internet portal of legal information*, 2915, June 22, no. 1600201506220001 (in Russian).

11. Zakon Penzenskoy oblasti ot 08.12.2017 No. 3118-ZPO "Ob utverzhdenii Prognoznogo plana (programmy) privatizatsii imushchestva Penzenskoy oblasti na 2018 god i na planovyy period 2019 i 2020 godov" [Law of the Penza Region dated 08.12.2017 No. 3118-ZPO "On Approval of the Forecast Plan (Program) of Privatization of the Property of the Penza Region for 2018 and for the Planning Period of 2019 and 2020"].*Official Internet portal of legal information*, 2017, December 11, no. 5800201712110009 (in Russian).

12. Zakon Altayskogo kraya ot 15.04.2005 No.26-ZS "Ob utverzhdenii krayevoy programmy 'O gosudarstvennoy podderzhke i razvitii malogo predprinimatel'stva v Altayskom kraye na 2005–2007 gody'" [The Law of the Altai Territory dated 15.04.2005 No. 26-ZS "On Approval of the Regional Program 'On State Support and Development of Small Business in the Altai Territory for 2005–2007'"]. *Altai Pravda*, 2005, April 26, no. 117–118 (in Russian).

13. Zakon Kaliningradskoy oblasti ot 30.09.2005 No. 654 "Ob utverzhdenii oblastnoy tselevoy programmy 'O sovershenstvovanii organizatsii obespecheniya mirovykh sudey v Kaliningradskoy oblasti na 2006–2010 gody'" [The Law of the Kaliningrad Region dated 30.09.2005 No. 654 "On Approval of the Regional Target Program 'On Improving the Organization of Supporting Magistrates' Judges in the Kaliningrad Region for 2006–2010'"]. *Russian newspaper ("West of Siberia")*, 2005, October 7, no. 225 (in Russian).

14. Zakon Kaliningradskoy oblasti ot 30.11.2004 No. 460 "Ob utverzhdenii oblastnoy tselevoy programmy

‘Zdorovyy rebenok’ na 2005–2008 gody” [The Law of the Kaliningrad Region dated 30.11.2004 No. 460 “On Approval of the Regional Target Program ‘Healthy Child’ for 2005–2008”]. *Russian newspaper. (“West of Siberia”)*, 2004, December 24, no. 286 (in Russian).

15. Zakon Altayskogo kraya ot 12.02.2002 No. 8-ZS “Ob utverzhdenii krayevykh tselevykh programm v oblasti zdravookhraneniya” [The Law of the Altai Territory dated 12.02.2002 No. 8-ЗС “On Approval of Regional Target Programs in the Field of Healthcare”]. *Altai Pravda*, 2002, February 28, no. 54 (in Russian).

16. Zakon Respubliki Altay ot 23.07.2007 No. 39-RZ “O respublikanskoy tselevoy programme “Avtomobil’nyye dorogi Respubliki Altay (2008–2010 gody)” [The Law of the Republic of Altai dated 23.07.2007 No. 39-RZ «On the Republican Target Program ‘Roads of the Republic of Altai (2008–2010)’”]. *Star of Altai*, 2007, July 31, no. 175–176 (in Russian).

17. Zakon Altayskogo kraya ot 21.11.2012 No. 86-ZS “Ob utverzhdenii strategii sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Altayskogo kraya do 2025 goda” [The Law of the Altai Territory dated 21.11.2012 No. 86-ZS “On Approval of the Strategy of Social and Economic Development of the Altai Territory until 2025”]. *Altai Pravda*, 2012, November 29, no. 350–354 (in Russian).

18. Oblastnoy zakon Arkhangel’skoy oblasti ot 18.02.2019 No.57–5-OZ “Ob utverzhdenii Strategii sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Arkhangel’skoy oblasti do 2035 goda” [The regional law of the Arkhangelsk region dated 18.02.2019 No. 57–5-OZ “On approval of the Strategy for the socio-economic development of the Arkhangelsk region until 2035”]. *Official Internet portal of legal information*, 2019, February 20, no. 2900201902200003 (in Russian).

19. Zakon Kaliningradskoy obl. ot 30.03.2017 No. 54 “Ob utverzhdenii prognoznogo plana (programmy) privatizatsii gosudarstvennogo imushchestva Kaliningradskoy oblasti na 2017–2019 gody” [Law of the Kaliningrad region dated 30.03.2017 No. 54 “On approval of the forecast plan (program) for the privatization of state property of the Kaliningrad region for 2017–2019”]. *Official Internet portal of legal information*, 2017, April 4, no. 3900201704040004 (in Russian).

20. Zakon goroda Sevastopolya ot 21.07.2017 No. 357-ZS “Ob utverzhdenii Strategii sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya goroda Sevastopolya do 2030 goda” [Law of the City of Sevastopol dated 21.07.2017 No. 357-ZS “On Approval of the Strategy for Socio-Economic Development of the City of Sevastopol to 2030”]. *Official Internet portal of legal information*, 2017, July 24, no. 9200201707240001 (in Russian).

21. Zakon Ul’yanovskoy obl. ot 03.06.2010 No. 80-ZO “Ob utverzhdenii otcheta o vypolnenii Prognoznogo plana (programmy) privatizatsii gosudarstvennogo imushchestva Ul’yanovskoy oblasti na 2009 god” [Law of the Ulyanovsk region dated 03.06.2010 No. 80-ZO “On approval of the report on the implementation of the Forecast Plan (Program) of the Privatization of State Property of the Ulyanovsk Region for 2009”]. *Ulyanovskaya Pravda*, 2010, June 9, no. 43–44 (in Russian).

22. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (v aktual’noy redaktsii) [Constitution of the Russian Federation (current version)] *Official Internet portal of legal information*. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408010002 (accessed 10 November 2019) (in Russian).

23. Zakon Udmurtskoy Respubliki ot 06.12.2001 No. 60-RZ “O gosudarstvennykh yazykakh Udmurtskoy Respubliki i inykh yazykakh narodov Udmurtskoy Respubliki” [Law of the Udmurt Republic dated 06.12.2001 No. 60-RZ “On the State Languages of the Udmurt Republic and Other Languages of the Peoples of the Udmurt Republic”]. *News of the Udmurt Republic*, 2001, December 18, no. 196 (in Russian).

24. Zakon Ul’yanovskoy oblasti ot 21.12.2018 No. 172-ZO “Ob utverzhdenii Programmy upravleniya gosudarstvennoy sobstvennost’yu Ul’yanovskoy oblasti na 2019 god” [Law of the Ulyanovsk region dated 21.12.2018 No. 172-ZO “On approval of the State property management program of the Ulyanovsk region for 2019”]. *Official Internet portal of legal information*, 2018, December 26, no. 7300201812260021 (in Russian).

25. Ustav Ul’yanovskoy oblasti [Charter of the Ulyanovsk region]. *Ulyanovskaya Pravda*, 2005, May 24, no. 51 (22.365) (in Russian).

26. Zakon Kemerovskoy oblasti ot 26.12.2018 No. 122-OZ “Ob utverzhdenii Strategii sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Kemerovskoy oblasti do 2035 goda” [The Law of the Kemerovo Region dated 26.12.2014 No. 122-OZ “On Approval of the Strategy for Social and Economic Development of the Kemerovo Region Until 2035”]. *Official Internet portal of legal information*, 2018, December 28, no. 4200201812280049 (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Батюшкина М. В. Законы об утверждении документов программно-целевого характера : жанровый подход // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 263–277. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-263-277

For citation

Batyushkina M. V. Laws on Approval of Program-goal Documents : Genre Approach. *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 263–277 (in Russian). DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-263-277

Поступила в редакцию: 04.10.2019 / Принята: 04.12.2019 / Опубликована: 30.11.2020

Received: 4 October 2019 / Accepted: 4 December 2019 / Published: 30 November 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

УДК 811.161.1'367'42
ББК 81.2Рус-2
DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-278-286

Т. И. Стексова
Новосибирск, Россия

Изъяснительные конструкции в научном дискурсе: жанровые предпочтения

Автор статьи понимает изъяснительные предложения как смысловой тип предложений с набором разных способов выражения семантики: сложноподчиненное, бессоюзное сложные предложения, предложение с вводными компонентами, простое предложение. Высказывается предположение о зависимости набора используемых конструкций в научном дискурсе от жанра научного текста. В качестве материала сопоставительного исследования выбираются жанры аннотации и автореферата как вторичные тексты (текст о тексте). Выявляется неполная парадигма изъяснительных конструкций во вторичных научных текстах. Проанализированный языковой материал позволяет говорить о том, что жанр научной аннотации не использует всю парадигму способов выражения изъяснительной семантики, выбирая в качестве базовых только две модели, причем с большей частотностью модели простого предложения. В жанре автореферата отмечается меньшая частотность использования простых предложений с делиберативной семантикой и большая частотность сложноподчиненных изъяснительных предложений, содержащих скрытую рефлексию автора текста. Анализируемый материал свидетельствует, что скрытая авторская рефлексия чаще проявляется через употребление квазибезличных предложений. Автор статьи считает, что наблюдается тенденция в анализируемых жанрах к всё большей обезличенности, устранению субъективной авторской позиции, стремлению объективировать излагаемую информацию. Отмечаются конструкции, активно функционирующие в жанре научной статьи, но не используемые в аннотациях и авторефератах. Отмечается, что не все из зафиксированных в научной литературе вводящих предикатов функционируют в анализируемых жанрах. Эти особенности объясняются жанровой принадлежностью текстов, их коммуникативной задачей. Формулируются задачи дальнейшего исследования.

Ключевые слова: *изъяснительные конструкции, модус, диктум, научный дискурс, авторизация, смысловой тип, способы выражения.*

Сведения об авторе: *Стексова Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания.*

Tatiana I. Steksova
Novosibirsk, Russia

Object Clauses in Academic Discourse: Genre Preferences

The author of the article understands object clauses as a semantic type of sentences with a set of different ways of expressing semantics: polypredicative subordinate clauses, asyndetic clauses, monopredicative clauses, clauses with parenthesis.
It is suggested that the set of constructions used in academic discourse depends on the genre of the academic text. The genres of article abstracts and thesis summaries as secondary texts (texts about texts) were chosen as a material for a comparative study. The author reveals the incomplete paradigm of object clauses in secondary academic texts. The analyzed language material allows us to state that the genre of the academic article abstract does not use the entire paradigm of the ways of expressing explanatory semantics, choosing only two models as the basic ones, with a higher frequency of the monopredicative model. In the genre of thesis summaries there is a lower frequency of monopredicative clauses with deliberative semantics and a higher frequency of polypredicative subordinate clauses containing hidden reflection of the author of the text. The analyzed material indicates that the hidden author's reflection is more often manifested through the use of quasi-impersonal sentences. The author of the article believes that there is a tendency in the analyzed genres towards increasing impersonality, the elimination of the subjective author's position, and the desire to objectify the presented information. The research has found out certain constructions which function actively in the genre of the academic article, but are not used in article abstracts and thesis summaries. It is noted that not all introducing predicates recorded in the academic literature function in the analyzed genres. This can be explained by the genre affiliation of the texts and their communicative task. The author determines a number of objectives of the further research.

Keywords: *object clause, modus, dictum, academic discourse, authorization, semantic type, methods of expression.*

About the author: *Steksova Tatiana Ivanovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Modern Russian Language and Methods of Teaching it.*

© Стексова Т. И., 2020

Место работы: Новосибирский государственный педагогический университет.
E-mail: *steksova@inbox.ru*
https://orcid.org/0000-0003-4275-7450

Place of employment: Novosibirsk State Pedagogical University.
E-mail: *steksova@inbox.ru*
https://orcid.org/0000-0003-4275-7450

Изъяснительную конструкцию (далее – ИК) предлагаем понимать широко как смысловой тип предложений, способами выражения которого являются не только сложноподчиненное предложение, но и бессоюзное предложение, предложение с вводными конструкциями и даже простое предложение. Они все объединены наличием модус-диктумных компонентов: источник/автор информации (модус) + сама сообщаемая информация (диктум). Изъяснительная конструкция отражает рефлексивную деятельность человека, она антропоцентрична по своей сути. Так как «ментальный модус – обязательный компонент научного текста, в нем сосредотачивается субъектность познания» [1: 51], научный дискурс является благодатным материалом для исследования ИК. Анализируя высказывания с глаголом *считать*, И. П. Матханова отмечает возможность варьирования модального оператора: от модальной рамки, вводной конструкции до конструкций с инкорпорированным модусом. По замечанию исследователя, каждой конструкции свойственна своя степень экспликации модуса и диктума, в зависимости от которой автор выявляет определенные закономерности в характеристике диктумной части высказывания [2]. Нас же в данном случае в большей степени интересует способ выражения модусного компонента.

Автор любого научного текста всегда обращается к научному опыту своих предшественников и современников, цитирует или излагает их точку зрения. Медиатексты со сложным авторским началом Т. В. Шмелева называет полифоничными [3]. Это свойство характерно и для научных текстов, в которых автор обязан отделять свою информацию от чужой. Категория авторизации проявляется не только через обязательную маркированность своей и чужой информации, но и через выбор самой конструкции, а также через выбор вводящего слова (модусного показателя, рефлексива). Н. Н. Чайковская выделила «набор рефлексивов, соответствующих алгоритму мыслительной деятельности ученого (наблюдение, научная дискуссия, аргументация, научные результаты)» [4: 85–86]. К рефлексивам она отнесла глаголы и предикативы следующих групп: обнаружения, актуализации, мнения, знания, процедурные, эвристические рефлексивы, вербального выражения мнения и знания. Исследователь замечает, что «в научной речи преобладают рефлексивы мыслительной деятельности, однако практически отсутствуют эмотивные рефлексивы, весьма органичен круг рефлексивов речи» [4: 86].

Задачей данной статьи является попытка проанализировать, какие изъяснительные конструкции используются в научном тексте, есть ли зависимость выбора конструкции от жанра научного текста.

Проведенный ранее лингвистический эксперимент [5] позволил причины выбора определенной конструкции разделить на несколько групп:

- содержательно-позиционные (тезис, вывод, ситуация дискуссии; ссылка на достоверный источник/ авторитетное мнение, начало нового фрагмента и под.);
- жанровые (обзор научной литературы, рецензия, аннотация и под.);
- прагматические (личные предпочтения, необходимость введения ссылки, манипулятивная функция и под.).

Так как, по мнению респондентов, жанр оказывается значимым для выбора одной из возможных изъяснительных конструкций, необходимо проверить это предположение на сопоставлении разных научных жанров. В качестве объекта исследования были выбраны следующие жанры: аннотация и автореферат. Выбор для сравнения именно этих жанров обусловлен тем, что это вторичные тексты, текст о тексте, а не о объекте исследования, как в статье. Поэтому сразу можно было предположить, что в текстах этих жанров вряд ли можно ожидать прямого цитирования.

Были проанализированы аннотации двух научных журналов[1]. В первом журнале представлены 10 статей, в аннотациях к которым функционируют 13 изъяснительных конструкций, среди них только две имеют структуру сложноподчиненного предложения: ***Изучение*** *толкований притчи о неводе в православной и протестантской традициях* ***показало, что*** *протестантскому субдискурсу, в отличие от православного, свойствен эсхатологический трагизм, тогда как в православном преобладает морально-этический акцент.* ***Материал****, который приводит автор статьи, преимущественно в рамках*

[1]См.: 1) Жанры речи. 2018. № 1; 2) Вестник ТГУ. Филология. 2018. № 51.

жанра утешения, ***показывает, что*** *нередко согласие имеет знак минус, а несогласие – плюс.*

Остальные изъяснительные конструкции строятся по модели простого предложения: *Основное внимание уделяется основным средствам реализации этих тенденций. В статье рассматриваются функции согласия и несогласия в естественном непринужденном общении.*

Вербально невыраженный модус авторизации свидетельствует о том, что вся эта информация принадлежит самому автору, но в одних случаях для выражения авторской позиции выбирается пассивная конструкция (*внимание уделяется, функции рассматриваются* и под.), а в других случаях используется квазисубъект (*материал показывает, анализ приводит к выводу* и под.).

Встречаются примеры, где модус авторизации вербально выражен, но он встроен в диктум, становится его составной частью: *В качестве примера действия данных механизмов автор приводит траекторию становления жанра эссе в России в XX–XXI веках.* Подобные предложения легко трансформируются в предложения с модусной рамкой: *В качестве примера автор пишет о том, как происходило становление жанра эссе в России.*

Во втором журнале, включающем 19 статей, в аннотациях встретились 24 изъяснительных конструкции, из них 6 по типу сложноподчиненного предложения, остальные по модели простого. Обращает на себя внимание тот факт, что и в том, и в другом журналах выбираются одни и те же способы выражения изъяснительной семантики и способы устранения автора. Представляется, что это не случайно. С одной стороны, жанр предполагает запрет на использование прямого цитирования, ссылок на чужую информацию, так как аннотация призвана актуализировать то, что сделано самим автором статьи. С другой стороны, стремление завуалировать позицию автора, поставить в позицию субъекта квазисубъект (который, по сути, является объектом деятельности самого автора) свидетельствует о попытке понизить градус субъективности, объективизировать излагаемую информацию, тем самым повысить ее достоверность. Ср.: *Установлена гипотетическая возможность говорить о принадлежности перу Майкова трех публикаций в «Гражданине».* Если в этом предложении вербализовать модус авторизации, то получим следующее предложение: *Я считаю, что гипотетически можно говорить о принадлежности перу Майкова трех публикаций в «Гражданине».* Но в подобном виде приводимая информация отражает только субъективную точку зрения автора текста, выбранный же им вариант изложения делает акцент на установлении, обосновании предполагаемой возможности.

Проанализированный языковой материал позволяет говорить о том, что жанр научной аннотации не использует всю парадигму способов выражения изъяснительной семантики, выбирая в качестве базовых только две модели, причем с большей частотностью модели простого предложения.

Для сопоставительного анализа были выбраны два автореферата диссертаций: на соискание ученой степени доктора философских наук (1) и кандидата филологических наук (2)[2]. Любопытно количество использования изъяснительных конструкций: в автореферате докторской всего 27 ИК, а в автореферате кандидатской, который меньше по объему, использовано 44 ИК. Весь собранный языковой материал был разделен на две группы: к первой мы отнесли ИК, вводящие чужую информацию, ко второй – ИК, сообщающие свою информацию.

При том что любая научная работа опирается на опыт предшественников, анализируемые тексты показали, что ссылки на авторов чужой информации довольно редко используются в тексте авторефератов, причем ни тот, ни другой автор ни разу не использовали бессоюзные сложные предложения (БСП) (прямую речь). Ранее проведенный нами опрос студентов и преподавателей показал, что для студентов конструкция *S+ Pr: «….»* предпочтительна, наиболее привычна и частотна, а вот авторы авторефератов не используют эту конструкцию.

Наши наблюдения над современным научным дискурсом показывают, что авторы текстов все чаще чужую информацию встраивают в свой текст, делают закавыченной частью своего высказывания, а автора чужой информации просто указывают в скобках, как сделал это автор анализируемого автореферата докторской диссертации: *Человек «принадлежит одновременно и органично трем мирам – природе, обществу и культуре» (М. С. Каган).* Для указания автора чужой информации используются **вводные слова и конструкции** (3 примера в автореферате

[2]См.: (1) *Фортунатов А. Н.* Взаимодействие субъектов социальной коммуникации в медиареальности : автореф. дис. … д-ра философ. наук. Нижний Новгород, 2009. 44 с.; (2) *Никишина Е. А.* Речевой жанр писем читателей в газеты (на материале эмигрантских и советских газет 20-х гг. XX в.) : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2013. 29 с.

докторской диссертации и всего один в автореферате кандидатской):

(*1*) *По Лассвеллу, реакции аудитории на воздействия СМК группируются в зависимости от того, какие направления: разум, чувство или действия (thinking, feeling or doing), активизируются в аудитории информацией.*

(*2*) *Как считают социальные психологи, в центре мира каждого индивида находится прежде всего восприятие его собственного Я.*

(*3*) *С точки зрения ЮНЕСКО, медиаобразование (media education) подразумевает обучение теории и навыкам обращения с современными средствами массовой коммуникации, и это определение сегодня оказывается недостаточным для обозначения всего комплекса проблем отношений с медиареальностью, которые может и должна подвергать научно-методологическому анализу данная дисциплина.*

(*4*) *Напротив, как показывают исследования Е. А. Земской и др., культура и язык эмиграции очень консервативны.*

Нужно отметить, что выбор «вводящего» слова при передаче чужой информации вместе с тем характеризует и позицию самого автора научного текста. Так, в примерах (*1*) и (*3*) вводная словоформа указывает на источник вводимой информации без указания на какую-либо рефлексию автора автореферата. В примере (*2*) выбор рефлексива *считать* означает, что чужая информация является выводным знанием социальных психологов, это их логическое умозаключение. А в примере (*4*) модусный показатель указывает на то обстоятельство, которое позволило автору научного текста прийти к определенному умозаключению: вывод о том, что «культура и язык эмиграции очень консервативны» делает не Е. А. Земская, а автор автореферата на основе наблюдений Е. А. Земской.

Указание на чужую информацию может быть оформлено в виде простого предложения (тематическая чужая речь). Этот способ выражения изъяснительной семантики один раз использовался в автореферате 1 и четырежды в автореферате 2:

(*5*) *С. И. Гиндин обосновывает возможность объединения двух подходов к трактовке речевых жанров – подхода М. М. Бахтина и подхода А. Вежбицкой, сформировавшегося в русле теории речевых актов.*

(*6*) *В частности, С. И. Гиндин указывает на необходимость учитывать речеактовую природу жанров и, следовательно, при их классификации ориентироваться в первую очередь на их типовые интенции (по А. Вежбицкой), принимая при этом во внимание также структурные и формальные параметры жанров, то есть их тематику, стиль и композицию (по М. М. Бахтину).*

(*7*) *Большинство исследователей называет речевыми жанрами относительно устойчивые и, соответственно, легко узнаваемые носителями типы высказываний, характеризующиеся тематической общностью, схожим композиционным оформлением и определенным набором языковых средств.*

(*8*) *Автор письма-отречения сообщает о своем выходе из той или иной политической партии (небольшевистской) и тем самым заявляет о своей лояльности по отношению к советской власти.*

Кроме глаголов речи, как в примерах (*7*) и (*8*), которые только вводят чужую информацию, используются и другие вводящие глаголы, смысловая нагрузка которых неоднозначна. Так, в примере (*5*) автор использует глагол *обосновывать*, который, с одной стороны, указывает на рефлексию С. И. Гиндина и, с другой стороны, показывает, что автор научного текста согласен с этим обоснованием, считает его достоверным. В примере же (*6*) выбор глагола *указывать* демонстрирует значимость диктумной информации для С. И. Гиндина, но никоим образом не проявляет авторского отношения к ней.

Языковая рефлексия преподавателей вузов показала, что для передачи чужой информации они предпочитают использовать не прямую речь, а косвенную, т. е. сложноподчиненное предложение, но анализируемый языковой материал противоречит этому утверждению. Сложноподчиненное изъяснительное предложение, действительно, очень часто используется авторами научного текста, но для передачи своей собственной информации, а не чужой. В анализируемом материале не встретилось ни одного примера с косвенной речью.

Даже эти небольшие статистические данные позволяют говорить об особенностях авторов научного текста, но еще более информативным в этом плане предстает анализ изъяснительных конструкций, которыми авторы передают свою информацию. Прежде чем рассматривать способы выражения своей информации, остановимся на конструкциях «переходного» типа: особенности этой конструкции заключаются в том, что автор не просто излагает чужую информацию, но при этом вербально выражает свое собственное оценочное отношение к ней. В автореферате 1 встречается несколько таких примеров:

(*9*) ***Не вызывает возражения точка зрения многих авторов на то, что*** *общение есть процесс, присущий всей целостности общества и культуры и что оно представляет собой нечто более высокое и сложное, чем информационно-обменные связи.*

Представляется, что неслучайно подобные примеры отмечены только в автореферате докторской диссертации. Явное оценивание чужой точки зрения позволяют себе далеко не все авторы научных текстов. Как отмечали все респонденты, эта конструкция активно проявляет авторскую позицию, а молодые ученые зачастую боятся или стесняются это делать. Состоявшиеся же ученые приписывают этой конструкции манипулятивную функцию, активное воздействие на читателя, попытку навязать ему свою точку зрения и поэтому используют ее довольно редко.

Перейдем к группе примеров, где диктумная часть передает собственно авторскую информацию. Теоретически возможно использование прямой речи для передачи своей информации, например, подобным образом: *В своей ранней статье я писал: «„„».* Но в анализируемых авторефератах не встретилось ни одной подобной конструкции.

Достаточно редко используется конструкция с вводными словами: нет ни одного случая использования данной конструкции в автореферате 1 и всего два примера в автореферате 2:

(*10*) *Как* ***выясняется****, общение читателей с газетой может быть охарактеризовано следующим набором признаков…*

Единично использование изъяснительной конструкции в виде простого предложения с прямым объектом (инкорпорированный модус):

(*11*) ***Подчеркивается*** *не только воздействующий* ***характер*** *высказывания, но и его влияние на самого медиума….*

(*12*) *В первом параграфе «Манипулятивность как форма духовного воздействия»* ***проводится анализ*** *существующих исследований манипуляции и* ***определяются*** *ее современные* ***дефиниции*** *исходя из ее нового онтологического статуса в медиареальности.*

Автор автореферата 2 семь раз воспользовался данной конструкций:

(*13*) *В последнем разделе главы* ***приведены критерии*** *отбора материала для настоящего исследования, а также* ***изложены принципы*** *построения корпуса писем.*

Во всех этих примерах (*10–13*) независимо от конструкции значимым является тот факт, что автор как бы скрывается, маскируется. Понятно, что *выясняет, подчеркивает, проводит анализ, приводит данные, определяет дефиниции* сам автор научного текста, но выбор вводящего слова призван не только завуалировать роль автора, но и тем самым повысить значимость диктумной информации, представить ее достоверность не только для самого автора, но и для читателей, которые как бы объединяются, солидаризируются с автором.

Большего внимания требует анализ функционирования сложноподчиненной изъяснительной конструкции не только по причине ее частотности, но и по причине разнообразия способов выражения авторского начала.

Автор научного текста может впрямую указать на автора излагаемой информации (на себя), причем чаще всего выбирая форму мн.ч.; может использовать определенно-личную конструкцию, безличную конструкцию, которая, согласно Н. Н. Чайковской, может выступать в трех видах: квазибезличной пассивной конструкции (*выше было показано*), квазибезличной конструкции с рефлексивным предикативом (кратким прилагательным: *ясно, что…*) и безличным модальным словом категории состояния (далее – СКС) (*можно, нельзя, необходимо*) и модальными безличными глаголами + инфинитив (следует заметить) [4: 87–88].

В анализируемом материале нет ни одного случая прямого указания на свое авторство ни в ед., ни во мн. ч., нет и определенно-личных конструкций с изъяснительной семантикой. Но, как ни стремится автор научного текста «к самоустранению в пользу предмета речи», он «никогда не достигает этой цели в полной мере» [6: 35.] Самым используемым способом оказывается безличная конструкция во всех своих разновидностях.

Квазибезличная пассивная конструкция:

(*14*) ***Подчеркивается****, что сосуществование двух автономных реальностей невозможно – в противном случае это будет нарушать принцип единства созерцаний, данных субъекту, и онтологические основания реальностей будут подменяться эпистемологическими.*

(*15*) *В третьем параграфе «Коэволюционные особенности медиаэпистемологии»* ***отмечается,*** *что важнейшим коэволюционным свойством медиареальности является естественный отбор, требующий от современников приращения знаний о медиасфере, а также развития навыков рефлексии по поводу информсобытий.*

(*16*) *В диссертации* ***показано,*** *в какой мере на содержание письма и на реализацию иллокутивного намерения автора влияет социокультурный контекст, степень вла-*

дения литературным языком, социальный статус автора и пр.

(*17*) *В данном подразделе также* ***показано****, что вопрос о функциональной принадлежности писем в газеты не может быть разрешен однозначно.*

(*18*) *Такое различие статуса авторов в эмиграции и в метрополии* ***объясняется****, видимо, тем, что советская пресса отражает идеологию, где «общественное» преобладает над «частным», в эмигрантской же прессе оба эти аспекта находятся в равновесии.*

(*19*) *Именно поэтому при описании композиции для каждого поджанра* ***указывается,*** *какие элементы являются обязательными, а какие факультативными, поскольку одним из показателей сформированности жанра является устойчивость его композиции.*

Квазибезличная конструкция с рефлексивным предикативом:

(*20*) *Важно, что на определенных участках коммуникативной деятельности субъект может становиться объектом и наоборот.*

Безличная модальная ИК: с СКС + инфинитив:

(*21*) *В данном контексте особенно* ***важно подчеркнуть****, что медиапедагогика не является и не должна являться обвинительной трибуной в отношении массмедиа, что зачастую происходит в упоминавшихся нами педагогических практиках.*

(*22*) *Поскольку в это время и советское общество, и эмигрантское сообщество были ещё очень молодыми****, можно сказать****, что именно 1920-е годы – время формирования двух различных коммуникативных пространств, а значит, и двух типов дискурса.*

(*23*) ***Нужно иметь в виду****, что развитие бахтинской концепции жанра в отечественной лингвистике происходит одновременно с освоением прагматики и теории речевых актов Остина – Сёрля, поэтому основные положения этой концепции во многом осмыслялись через призму теории речевых актов.*

(*24*) *Иначе говоря, на материале писем* ***можно проследить*** *за тем, как в новых социальных условиях складываются новые речевые практики.*

(*25*) ***Можно сказать****, что медийное решение проблемы глобального коммуникативного пространства состоялось, но сублимация гуманитарных смыслов временнóго процесса – это задача нашего времени.*

с модальными безличными глаголами + инфинитив:

(*26*) ***Следует отметить****, что далеко не все письма читателей в газету можно однозначно отнести к тому или иному жанровому блоку.*

(*27*) *Сразу* ***следует отметить****, что и в эмигрантских, и в советских газетах первый тип представлен гораздо шире, чем второй.*

(*28*) *При этом* ***следует подчеркнуть,*** *что актуальными и все более важными аспектами современных информационных контактов человека являются его связи с вымышленными, виртуальными, фиктивными, манипулятивно-обусловленными видами «новых» реальностей.*

Стремление авторов научных текстов объективировать излагаемую информацию приводит к повышенной частотности конструкций, в которых личность автора скрыта за квазисубъектами. Такой прием Н. Н. Чайковская называет скрытой рефлексией.

(*29*) ***Анализ*** *писем в газеты* ***позволяет****, помимо прочего, наблюдать за формированием и устройством эмигрантских и советских дискурсивных практик. Таким образом, анализ одного конкретного речевого жанра позволяет проследить за формированием новых дискурсивных практик. Сопоставительный подход, выбранный в диссертации, позволяет подчеркнуть различия между языковой культурой эмиграции, сохраняющей дореволюционные речевые стандарты, и советской языковой культурой….*

(*30*) ***Анализ*** *писем читателей в редакцию* ***показал****, что роль газеты в советском обществе крайне велика и отличается от её роли в эмиграции.*

(*31*) *Таким образом****, анализ*** *одного конкретного речевого жанра* ***позволяет проследить*** *за формированием новых дискурсивных практик.*

(*32*) ***Сравнение*** *писем читателей в «русском Париже» с письмами в метрополии* ***показывает,*** *что эти различия проявляются и в устройстве самого жанра «письмо в газету».*

(*33*) ***Возникает вывод, что*** *медиареальность – это различные формы онтологизации социальной информации, превращения ее в механизм социального действия и общественной динамики, в том числе и через технические средства «опредмечивания», «цифровизации» и передачи информации на расстояния по каналам связи.*

Понятно, что *анализировал, прослеживал, сравнивал* (примеры *29–32*) сам автор текста, в результате чего он пришел к каким-то выводам, которые и представил в ИК, где результат познавательной и логической деятельности человека выступает в роли субъекта-каузатора. Примечательно, что выражен этот субъект пропозитивным существительным, что семантически осложняет первую предикативную единицу в составе сложноподчиненного предложения (СПП). Эту свернутую пропозицию легко развернуть, тогда модусный компонент становится более объемным: *Я проанализировал письма читателей в редакцию и выявил/увидел, что роль газет в советском обществе крайне велика…*

Особое место среди предложений подобного типа занимает пример *33*, который отличается не только отсутствием дополнительной пропозитивности, но и выбором вводящего глагола: *возникает (вывод)*, который выражает семантику невольности, независимости этого вывода от желания автора.

Для авторской рефлексии активно используется и изъяснительная конструкция, не отмеченная Н. Н. Чайковской, а именно сложноподчиненное предложение вмещающего типа. Этот тип предложений в составе местоименно-соотносительных был выделен и описан В. А. Белошапковой [7], их дифференцирующими признаками являются наличие в главной части конструктивно-обязательного местоимения ТО и союзов ЧТО, ЧТОБЫ или относительных местоимений в придаточной части. Этот единый структурно-семантический тип предложений включает в себя разные семантические разновидности, одной из которых является изъяснительная. В. А. Белошапкова обратила внимание на то, что только один случай образует соответствие с изъяснительными конструкциями. В научных статьях достаточно регулярно функционируют предложения подобного типа: *Можно ли согласиться с тем, что перед нами действительно грамматическое значение словосочетания?* (Ю. И. Фоменко); *У некоторых авторов проскальзывает мысль о том, что только подчинительные словосочетания выполняют номинативную функцию* (Ю. В. Фоменко); *Таким образом, самой общей характеристикой интересующих нас сверток можно считать то, что они значат больше, чем они значат…*(В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурникова).

Нецелесообразность квалификации всех вмещающих конструкций как изъяснительных убедительно доказывается Т. В. Шмелевой [8]. В таких предложениях придаточная часть имеет семантику делиберативa, если распространяет лексемы речи/ мысли/восприятия/оценки.

Во вторичных научных текстах (аннотациях и авторефератах) активно используются предложения вмещающего типа, но придаточная часть имеет семантику не делиберативa, а скорее характеризации.

(*34*) ***Письма-отклики отличаются*** *от всех уже рассмотренных поджанров* ***тем, что*** *их содержание касается не только непосредственно действительности, но и объектов, отражающих её, т. е. других письменных текстов.*

(*35*) *Другая* ***цель*** *работы* ***состоит в том, чтобы*** *выявить сходства и различия в наборе поджанров, в тематическом, композиционном и языковом их воплощении в эмиграции и в России.*

(*36*) *Практическая* ***значимость*** *работы* ***состоит в том, что*** *её результаты могут быть использованы при преподавании курсов академического письма, культуры речи, а также учебных дисциплин, связанных с анализом жанров речи, языка эмиграции и советского общества.*

Современные требования к текстам авторефератов, заключений диссертационных советов превратили подобные вмещающие конструкции в клише, стилистически маркированные устойчивые обороты. При этом личность автора текста, его субъективное видение подменяются обезличенным оборотом, который призван субъективное мнение представить как общепринятую точку зрения, более «объективную». Текст при этом как бы «отрывается» от автора. Любопытно, что в отзывах на диссертации или авторефераты рецензенты часто возвращаются к исходной конструкции: *Не останавливаясь на перечислении всех научных результатов, полученных X,* ***попытаюсь охарактеризовать*** *то, что…* ***Достоинством*** *работы* ***я считаю*** *то, что обвинение рассмотрено в ряду жанров…* и под.

Обратимся теперь к характеристике вводящих предикатов. Анализируемый языковой материал не подтвердил утверждения других исследователей [4] о преобладании в научном тексте рефлексивов мыслительной деятельности. Из названных семи групп рефлексивов в нашем материале отмечены лишь три: рефлексивы актуализации (*подчеркивается, отмечается* и под.); рефлексивы вербального выражения мнения (*объясняется, можно сказать*) и рефлексивы обнаружения (*показать* и производные формы), что согласуется с наблюдением о частотности этого глагола [9: 47–53]. Не встретилось ни одного употребления рефлексивов мнения (*думать, полагать* и под.), знания (*знать, помнить* и под.)

Как видим, авторы текстов авторефератов, в которых активно функционируют изъяс-

нительные конструкции, все-таки используют не весь спектр возможных конструкций. Более частотным является проявление скрытой авторской рефлексии через употребление квазибезличных предложений. В связи с этим не полностью используются возможности языковой системы рефлексивных предикатов.

Представляется, что эти особенности связаны с жанром научного текста: аннотация и автореферат предполагают обобщенное изложение итогов научного исследования. Поэтому информация максимально обобщена и объективирована. Перед автором нет задачи показать ход своей мыслительной деятельности, ему важнее продемонстрировать результат, который представляется как доказанный, бесспорный. Можно предположить, что в других жанрах научного дискурса, подчиняясь коммуникативной задаче, автор будет использовать другой набор изъяснительных конструкций и вводящих предикатов. Это предположение требует проверки не только путем сопоставления текстов одного жанра разных авторов, но и текстов разных жанров одного автора. В подобном исследовании полезными окажутся элементы статистики, которые давно и вполне эффективно используются в филологических исследованиях [10].

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-00126 А Русская изъяснительная конструкция: полидискурсивная парадигма).

ACKNOWLEDGEMENTS

This work was supported by the Russian Fundation for Basic Research (project No. 20-012-00126 A “Russian object clause: the polydiscursive paradigm”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рябцева Н. К.* Ментальный модус : от лексики к грамматике // Логический анализ языка. Ментальные действия : сб. ст. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М. : Наука, 1993. С. 51–57.

2. *Матханова И. П.* Выражение инференции в высказываниях с глаголом считать // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц : сб. ст. в честь проф. Т. А. Колосовой. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2008. С. 278–291.

3. *Шмелева Т. В.* Авторское начало в стилистике медийного текста // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации : труды и материалы Второй Всерос. науч.-практ. конф. 30 сент. – 2 окт. 2010 г. : в 2 ч. / под ред. О. В. Трофимовой. Тюмень : Мандр и К°, 2010. Ч. 2. С. 207–215.

4. *Чайковская Н. Н.* Сложная изъяснительная конструкция в аспекте языковой рефлексии // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц : сб. ст. в честь проф. Т. А. Колосовой. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2008. С. 82–89.

5. *Стексова Т. И.* Изъяснительные конструкции, вводящие чужую информацию, в научном дискурсе// Сибирский филологический журнал. 2020. № 3. С. 261–274.

6. *Матвеева Т. В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 168 с.

7. Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука, 1970. 767 с.

8. *Шмелева Т. В.* Вмещающая конструкция // Вест. Моск. ун-та, Сер. 9. Филология. 2008. № 4. С. 58–67.

9. *Окушева К. К.* Рефлексивы обнаружения в текстах научного стиля как способ презентации интеллектуально-аналитической деятельности человека // Вестн. КазГПУ им. Абая. Сер. Филол. науки. 2006. С. 47–53.

10. *Мухин М. Ю.* На перекрестке статистики, идиостилистики и психолингвистики // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2019. Вып. 17. С. 146–155.

REFERENCES

1. Ryabceva N. K. Mental’nyj modus: ot leksiki k grammatike [Mental modus: from vocabulary to grammar]. In: *Logicheskij analiz yazyka. Mental’nye dejstviya: sb. st.; otv. red. N. D. Arutyunova, N. K. Ryabceva* [Arutyunova N. D., Ryabceva N. K., eds. Logical analysis of the language. Mental actions]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 51–57 (in Russian).

2. Mathanova I. P. Vyrazhenie inferencii v vyskazyvaniyah s glagolom schitat’ [The expression of inference in the statements with the verb consider]. In: *Asimmetriya kak princip funkcionirovaniya yazykovyh edinic: sb. st. v chest’ prof. T. A. Kolosovoj* [Asymmetry as a principle of functioning of linguistic units: coll. arts. in honor of Professor T. A. Kolosova]. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t, 2008, pp. 278–291 (in Russian).

3. Shmeleva T. V. Avtorskoe nachalo v stilistike medijnogo teksta [Authoring in media text styling]. *Russkij yazyk kak faktor stabil’nosti gosudarstva i nravstvennogo zdorov’ya nacii : trudy i materialy Vtoroj Vserossijskoj nauc.-prak. konf. 30 sentyabrya – 2 oktyabrya 2010 g. : v 2 chastyah ; pod red. O. V. Trofimovoj* [Trofimovoj O. V., ed. The Russian language as a factor of state stability and the moral health of the nation: works and materials of the Second All-Russian Scientific Practical. conf. September 30 – October 2, 2010 : in 2 parts]. Tyumen’, Mandr i K° Publ., 2010, p. 2, pp. 207–215 (in Russian).

4. Chajkovskaya N. N. Slozhnaya iz”yasnitel’naya konstrukciya v aspekte yazykovoj refleksii [Complex explanatory construction in the aspect of linguistic reflection]. In: *Asimmetriya kak princip funkcionirovaniya yazykovyh edinic : sb. st. v chest’ prof. T. A. Kolosovoj* [Asymmetry as a principle of functioning of linguistic units: coll. arts. in honor of Professor T. A. Kolosova]. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t, 2008, pp. 82–89 (in Russian).

5. Steksova T. I. Explanatory constructions that introduce someone else’s information in scientific discourse.

Siberian Journal of Philology, 2020, no. 3, pp. 261–274 (in Russian).

6. Matveeva T. V. *Funkcional'nye stili v aspekte tekstovyh kategorij* [Functional styles in terms of text categories]. Sverdlovsk, Izd-vo Ural. un-ta, 1990. 168 p. (in Russian).

7. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka, pod. red. N. Yu. Shvedova* [N. Yu. Shvedova, ed. Grammar of the modern Russian literary language]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 767 p. (in Russian).

8. Shmeleva T. V. Enclosing structure. *The Moscow University Herald. Ser. 9. Philology*, 2008, no. 4, pp. 58–67 (in Russian).

9. Okusheva K. K. Detection reflexives in scientific style texts as a way of presenting human intellectual and analytical activity. *Scientific Publications Kazakh National Pedagogical University Abai. Ser. Philological Sciences*, 2006, pp. 47–53 (in Russian).

10. Muhin M. Yu. At the crossroads of statistics, idiostylistics and psycholinguistics. *Psycholinguistic aspects of the study of speech activity*, 2019, iss. 17, pp. 146–155 (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Стексова Т. И. Изъяснительные конструкции в научном дискурсе : жанровые предпочтения // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 278–286. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-278-286

For citation

Steksova T. I. Object Clauses in Academic Discourse : Genre Preferences. *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 278–286 (in Russian). DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-278-286

Поступила в редакцию: 27.04.2020 / Принята: 12.06.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Received: 27 April 2020 / Accepted: 12 June 2020 / Published: 30 November 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

УДК 81’38’42
ББК 81
DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-287-294

Е. Ю. Викторова
Саратов, Россия

Гендерная специфика в использовании авторизующих конструкций самоупоминания (на материале жанра TED talks)

В статье представлены результаты исследования гендерной специфики в использовании английских авторизующих конструкций – авторских самоупоминаний, содержащих личное или притяжательное местоимение 1-го лица (I, we, me, us, my, our). Исследование выполнено на материале англоязычных TED лекций, прочитанных мужчинами и женщинами – экспертами в разных областях знания (медицины, психологии, политологии, бизнеса, нейробиологии) во время TED конференций. Конструкции самоупоминания, будучи непосредственно ориентированными на образ автора, отражают субъективно-модальную сторону коммуникации. Однако они активно используются лекторами не только для проявления своего авторского я – демонстрации своих оценок, мнений и отношений, но и для создания отношений близости, доверия, солидарности с аудиторией.
В ходе применения методов качественного и количественного анализа функционирования конструкций самоупоминания в речи мужчин и женщин установлено, что при небольших различиях общих показателей частотности в мужских и женских лекциях эти конструкции демонстрируют существенные гендерные различия в употреблении различных типов этих конструкций. В мужских лекциях зафиксировано гораздо более частое использование I-конструкций и эксклюзивного (экспертного) we. Для женщин использование I характерно в меньшей степени, но у них намного более частотны инклюзивные конструкции с we, среди которых были выделены we-общечеловеческое, we-общенациональное, we-гендерное. Полученные результаты подтверждают известные данные о специфике мужского и женского коммуникативных стилей: о большем стремлении к построению общности во взаимодействии с адресатом, поиске солидарности, свойственным женскому речевому поведению, и о большей склонности к демонстрации индивидуальности, авторитетности и статусности в мужском.
Ключевые слова: *авторизующие конструкции, конструкции самоупоминания, TED, лекции, речевой жанр, научно-популярный дискурс, гендер, мужской коммуникативный стиль, женский коммуникативный стиль.*

Elena Yu. Viktorova
Saratov, Russia

Gender Aspects in the Use of Selfmentions (based on the Genre of TED Talks)

The article deals with gender aspects in the use of English selfmentions – phrases containing first person pronouns and possessive adjectives (I, we, me, us, my, our). The research is based on TED talks given by men and women, experts in different areas of expertise (medicine, psychology, politics, business, and neuroscience). Selfmentions are directly oriented to the image of the author and reflect the subjective-modal side of communication. However, speakers widely use them not only to present their own selves – to demonstrate their personal opinions, attitudes or assessments, but also to create the relations of credibility, confidence, and solidarity with the audience. Selfmentions are crucial in improving the efficiency of language persuasion and of communication in general.
The applied methods of quantitative and qualitative analysis of the use of selfmentions in men’s and women’s talks allowed to claim that while overall frequency rates of these phrases in the speech of men and women differ only slightly, gender differences in the use of certain selfmention types are significant. Men’s talks demonstrate high frequency of I-phrases and exclusive (expert) we-phrases. Women use I-phrases less frequently, however, they are more likely to choose inclusive we-phrases, where we can refer to the whole humanity, a certain nation or gender. The obtained results prove the well-known facts about the specific features of masculine and feminine communicative styles: the desire to develop closeness and solidarity in the interaction with the addressee typical of women’s speech behaviour and the inclination to demonstrate individuality, authority, status orientation commonly found in men’s language performance.
Keywords: *selfmentions, TED talks, popular-science discourse, gender, masculine communicative style, feminine communicative style.*

Сведения об авторе: *Викторова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры*

About the author: *Viktorova Elena Yurievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of*

© Викторова Е. Ю., 2020

романо-германской филологии и переводоведения.
Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.
E-mail: *helena_v@inbox.ru*
https://orcid.org/0000-0002-3989-1897

Romance-Germanic Philology and Translation Theory.
Place of employment: Saratov State University.
E-mail: *helena_v@inbox.ru*
https://orcid.org/0000-0002-3989-1897

Введение

Конструкции самоупоминания – фразы или словосочетания, в которых автор упоминает себя посредством личных или притяжательных местоимений 1-го лица (*I, we, me, us, my, our – I/we think; I/we believe; I remember; I have to admit; in my judgement; I'm convinced; I wish; I guess; we used to think* и мн. др.), являются, на наш взгляд, элементами дискурсивно-прагматического каркаса коммуникации [1]. Мы рассматриваем эти конструкции как одну из разновидностей авторизующих средств, актуализирующих автора и создающих его «портрет» как языковой личности и как субъекта речевой деятельности [2, 3]. Конструкции самоупоминания исследуются нами как дискурсивные единицы (дискурсивы) синкретичного типа, совмещающие функции основных коммуникативных единиц, ориентированных на фактуальное содержание дискурса, и вспомогательных, в задачи которых входит композиционная и логическая организация коммуникации и регулирование взаимодействия автора с адресатом [4, 5]. Иными словами, эти конструкции участвуют не только в создании смыслового содержания, но и обладают прагматическим эффектом, структурируя речь и управляя вниманием адресата [6]. Авторизующие конструкции самоупоминания являются одним из средств реализации образа автора, отражают субъективно-модальную сторону коммуникации и играют важную роль, во-первых, в выражении авторского мнения, отношения, оценки, и во-вторых, в создании отношений с адресатом, основанных на взаимопонимании и доверии и способствующих эффективному взаимодействию. По мнению К. Хайланда, конструкции самоупоминания эксплицируют авторское присутствие в тексте: чем эти конструкции более частотны, тем более выраженное авторское присутствие в этом тексте можно обнаружить [7].

Исследование выполнено на **материале** текстов TED talks, которые мы условно называем лекциями, прочитанных в рамках конференций, проводимых TED (*Technology. Entertainment. Design*) фондом – частной американской некоммерческой организацией, миссия которой состоит в распространении уникальных идей: *ideas worth spreading*. В данных конференциях, которые проводятся с 1984 года, участвуют эксперты в разных областях знаний. Их выступления публикуются на сайте https://www.ted.com, снабжаются переводами на разные языки. В ходе нашего исследования проанализировано 30 англоязычных лекций по медицине, нейробиологии, политологии, лингвистике, педагогике, бизнесу, женской проблематике, психологии общим объемом около 66 000 словоупотреблений. Лекции, прочитанные мужчинами, и лекции, прочитанные женщинами, были отобраны методом случайной выборки с учетом принципа тематического разнообразия и исследованы в равном объеме. **Цель исследования** заключалась в выявлении специфики функционирования конструкций самоупоминания и их подтипов в TED лекциях и зависимости этой специфики от гендера лектора. В качестве основного **метода** исследования использовался метод дискурсивного анализа с применением сравнительных и количественных методик. Конструкции самоупоминания отбирались методом сплошной выборки с подсчетом количества их употребления в целом, количества употребления их подтипов, а также их частотности.

Проблема зависимости употребления конструкций самоупоминания от гендера уже исследовалась лингвистами. Те работы, с которыми нам удалось ознакомиться, все выполнены на материале английского языка (исключением, видимо, является наша более ранняя работа на материале русских лингвистических статей [8]). Однако большинство англоязычных исследований основано на письменной научной речи [9]. Кроме того, проводились исследования на материале речи не-носителей английского языка [10, 11]. На материале устного научно-популярного дискурса, к которому мы относим исследуемые нами TED лекции, подобные исследования нам не попадались.

Научно-популярный дискурс и его особенности

Устный научно-популярный дискурс сочетает в себе черты научного, публицистического, художественного и разговорного дискурсов [12, 13]. По сравнению с собственно научным научно-популярный дискурс характеризуется некоторой облегченностью содержания, особым вниманием к адресату, а потому и боль-

шей доступностью, экспрессивностью, наглядностью, ориентацией не только на информирование адресата, но и на его развлечение [14]. Главная задача научно-популярной коммуникации – популяризация научного знания. Характер взаимодействия автора с адресатом здесь можно описать как гетерогенный: лектор – профессионал в своей научной области, слушатели – люди, хоть и интересующиеся наукой, но специалистами в этой области не являющиеся. Лектор и аудитория обладают разным статусом в отношении уровня и глубины знания в рамках темы коммуникации. Именно из этой асимметрии и вытекает необходимость для лектора, если он хочет быть правильно понятым, изобретать особый язык популярной науки. Одной из особенностей этого языка является частое использование конструкций самоупоминания. По сравнению с лекциями, прочитанными в учебных аудиториях для студентов (для этого исследовались лекции британского академического корпуса: http://www.reading.ac.uk/AcaDepts/ll/base_corpus/), частотность этих конструкций в TED лекциях выше в три раза.

Связь гендера с использованием *I*-конструкций

В ходе исследования 30 TED лекций было зарегистрировано 1329 самоупоминаний в лекциях мужчин и 1071 в лекциях женщин. Изученные нами работы других исследователей, изучавших зависимость использования авторизующих конструкций от гендера в научных статьях, в студенческих эссе, в речи студентов на защите дипломных работ, также демонстрируют бóльшую частотность этих конструкций в речи мужчин [9–11].

Интересно, что различия в полученных нами данных вытекают главным образом из гораздо более частого использования мужчинами местоимений *I/my*: у мужчин *I*-конструкций 654, у женщин 375, т. е. у мужчин их в 1,7 раза больше. При этом количество использованных *we*-конструкций примерно одинаковое: 675 у мужчин и 684 у женщин. Такие данные явно говорят в пользу того, что «якание» (точнее «айкание») является скорее чертой мужского коммуникативного поведения, а не женского. И это подтверждает многочисленные выводы, сделанные в области гендерной лингвистики за последние десятилетия [15, 16].

Частое употребление местоимения *I* в англоязычной академической культуре обычно не связывается с нескромностью или самовосхвалением, а подразумевает глубокую личную вовлеченность автора в повествование, когда он много и подробно рассказывает о своих действиях и своих достижениях, о своем опыте, включает в лекцию истории из своей жизни, шутки, высказывает свои мнения, оценки, сомнения. Всё это сокращает дистанцию между автором и адресатом, помогает завоевать доверие аудитории и донести до нее суть своих идей. Кроме того, местоимение *I* транслирует различные субъективно-личностные смыслы, связанные с высказыванием мнений, убеждений, оценок, отношения к тем или иным фактам, а также указывает на эмоциональную вовлеченность автора. Важно также, что местоимение *I* – это и способ подчеркнуть свою ответственность за сделанное и сказанное, это демонстрация открытости и прямоты. Судя по полученным нами результатам, авторы-мужчины проявляют в своих лекциях данные качества в среднем в гораздо большей степени, чем женщины.

Приведем примеры использования *I*-конструкций из лекции нейробиолога Даниэля Левитина, в которой зафиксировано максимальное содержание *I*-конструкций – 75 (ср.: есть в нашем материале лекции, где этих конструкций всего 10 или 15). Лекция начинается с нарратива – истории о личном опыте, связанной с темой лекции – как оставаться спокойным в стрессовых ситуациях. Автор рассказывает о том, как он однажды забыл дома ключи и был вынужден забираться в дом через разбитое окно. Приведем самое начало лекции: *A few years ago, **I** broke into **my** own house. **I** had just driven home, it was around midnight in the dead of Montreal winter, **I** had been visiting **my** friend, Jeff, across town, and the thermometer on the front porch read minus 40 degrees – <…> And as **I** stood on the front porch fumbling in my pockets, **I** found **I** didn't have **my** keys. In fact, **I** could see them through the window, lying on the dining room table where **I** had left them* (D. Levitin).

Личные истории подобные этой довольно частотны в исследованных нами лекциях. В этой лекции они необходимы автору, чтобы на практике показать, что именно происходит с человеческим мозгом в ситуации стресса – нехватки времени, неприятных событий, забывчивости и т. д. Автор показывает это на своем собственном примере. Поскольку описываемые ситуации представляют автора не в лучшем свете – как забывчивого, невнимательного, неаккуратного человека, то они не только помогают проводить содержательные параллели в рассказе автора (случаи забывчивости – стресс – поведение мозга), но и играют роль в налаживании контакта с аудиторией. Как правило, когда человек признается в своей неидеальности, это вызывает сочувствие собеседника и даже симпатию. Слушающий понимает, что говорящий – такой

же, как он, ведь никто не идеален, а значит, ему можно доверять. Подкупают также искренность и открытость лектора. Заканчивается лекция Д. Левитина в том же стиле, что и начинается – окончанием истории, начатой в первой части лекции: *Getting back to that snowy night in Montreal, when **I** got back from **my** trip, **I** had **my** contractor install a combination lock next to the door, with a key to the front door in it, an easy to remember combination. And **I** have to admit, **I** still have piles of mail that haven't been sorted, and piles of emails that **I** haven't gone through. So **I**'m not completely organized, but **I** see organization as a gradual process, and **I**'m getting there. Thank you very much* (D. Levitin).

Следует подчеркнуть, что для англоязычной научной речи авторизующие *I/we*-конструкции особенно типичны не только потому, что англосаксонская, как и преимущественно вся западная, культура демонстрирует культ индивидуальности, личной ответственности и уважения к отдельной личности, но и потому, что английский язык не допускает предложений без подлежащего (особенно в формальных стилях), а также имеет особое пристрастие к использованию притяжательных местоимений, что увеличивает количество использований местоимений в целом.

Связь гендера с использованием *we*-конструкций

Как мы уже отметили выше, *we*-конструкции в целом используются в лекциях мужчин и женщин с одинаковой частотой. Но их использование отличается бóльшим количеством нюансов по сравнению с *I*-конструкциями. Дело в том, что при использовании *I* не возникает сомнения, кого говорящий имеет в виду – конечно, самого себя. В случае с *we* всё намного сложнее: оно может быть инклюзивным или эксклюзивным, т. е. может включать адресата, а может и исключать. Кроме того, в случае включения адресата может варьироваться и уровень (масштаб) его включения. Поэтому можно говорить о некоторой семантической размытости местоимения *we*, что позволяет его использовать в качестве манипулятивного средства [17]. Заметим, что в большинстве случаев использования *we*, интерпретация референции используемого местоимения у слушающего сомнений не вызывает, однако некоторые случаи, как нам кажется, требуют особого внимания.

Начнем с очень простого для интерпретации случая использования *we*, когда из предыдущего контекста слушающий может четко и недвусмысленно понять, какой у этого местоимения референт. Такое употребление зафиксировано в лекции Билла Гейтса, где под *we* подразумеваются упомянутые ранее в лекции автор и его супруга: *There's one group of people who get almost no systematic feedback to help them do their jobs better, and these people have one of the most important jobs in the world. I'm talking about teachers. When **Melinda and I** learned how little useful feedback most teachers get, **we** were blown away* (B. Gates). Из лекции можно понять, что лектор, видимо, уверен, что все слушающие знают имя его супруги, поскольку он в своей лекции не поясняет, кто такая упоминаемая им Мелинда. Можно допустить, что американцы, учитывая статус и известность Б. Гейтса, действительно знакомы с деталями его личной жизни. Хотя автору данной статьи пришлось для правильной интерпретации этого фрагмента воспользоваться Википедией.

Рассмотрим разновидность *we*, исключающего адресата – эксклюзивное *we*. Такое *we,* объединяющее говорящего с той общностью людей, которых он представляет во время своей лекции и от имени кого он выступает, можно назвать «экспертным». Как правило, речь идет о коллективе единомышленников, ученых или членах какой-то общественной организации. В лекции психиатра и нейробиолога Томаса Инсела употреблений *we*-экспертного зарегистрировано довольно много (38 случаев). Лектор рассказывает о достижениях группы ученых, частью которых он является. Использование местоимения множественного числа создает об авторе и его работе впечатление большей масштабности, авторитетности и убедительности. Опора на соратников и единомышленников придает идеям ученого гораздо больший вес и солидность и, следовательно, помогает более эффективно воздействовать на адресата: *There are changes in the brain a decade or more before you see the first signs of a behavioral change. The tools that **we** have now allow **us** to detect these brain changes much earlier, long before the symptoms emerge. <…> If **we** waited until the heart attack, **we** would be sacrificing 1.1 million lives every year in this country to heart disease. That is precisely what **we** do today when **we** decide that everybody with one of these brain disorders, brain circuit disorders, has a behavioral disorder* (T. Insel).

Такого рода *we*-конструкции намного более типичны для лекций мужчин, где их зафиксировано 345. В речи женщин их в три раза меньше (114), хотя, напомним, что в целом конструкций с *we* в мужской и женской речи примерно одинаковое количество. Возможно, стоит говорить о том, что причисление себя к авторитетным группам экспертов и постоянное упоминание этого факта, подчеркивание своего статуса как члена этой группы и, возможно, противопоставление этой группы

адресату, не имеющему к этой группе никакого отношения, а также стремление через всё это к демонстрации масштабности и глубины своих исследований больше типично для мужского коммуникативного поведения, для которого в целом характерны статусность и доминирование.

Представляется, что выбор именно такой риторики с четким доминированием экспертной позиции объясняется как содержанием лекций, рассказывающих о достижениях группы экспертов, так и личностью лектора, ориентированного на статусность, выделенность, исключительность. В таких лекциях очень четко ощущается противопоставление «мы» – «вы», исключающее какую-либо совместность или общность. Чаще всего темы таких лекций сложно назвать общепопулярными, они, как правило, посвящены узконаучным, весьма специфическим проблемам: например, исследованию стволовых клеток, головного мозга, генетическим заболеваниям и т. п. Экспертное *we* способствует восприятию лектора как авторитетного исследователя, принадлежащего группе людей особого статуса, отличных от адресата.

В отличие от *we*-эксклюзивного *we*-инклюзивное, включающее говорящего и адресата, более типично для женских лекций, где таких случаев обнаружено 492, что в два раза больше, чем у мужчин (237). Употребление такого *we* – общепризнанное проявление солидарности, общности, близости с адресатом. В отличие от *we*-экспертного *we*-инклюзивное подчеркивает единство выступающего и слушающих, общность их жизненных позиций, нацеленность на сотрудничество, а не на конкуренцию. Инклюзивные *we*-конструкции чаще встречаются в лекциях женщин, возможно потому, что женщины чаще мужчин (по крайней мере, в нашем материале) говорят на общественно-политические темы, близкие многим людям, сидящим в аудитории и слушающим лекции в записи. Лекторы знают, что среди аудитории есть единомышленники или люди, на которых их лекции могут и должны оказать то или иное воздействие, поэтому для них важно использование различных языковых приемов, направленных на создание уз общности и солидарности, близости и доверия. Среди этих приемов и исследуемые нами инклюзивные конструкции самоупоминания.

Примерно в половине случаев инклюзивных конструкций у мужчин и в трети случаев у женщин *we* подразумевает общность говорящего и адресата в целом без какой-либо спецификации. Пример из лекции врача Элисон Макгрегор, посвященной необходимости учитывать пол людей при тестировании и назначении лекарственных препаратов: ***We*** *all go to doctors. And* ***we*** *do so with trust and blind faith that the test they are ordering and the medications they're prescribing are based upon evidence – evidence that's designed to help* ***us*** (A. McGregor).

Однако в большом количестве случаев говорящий с помощью *we* объединяет себя с конкретной группой людей. В ряде ситуаций имеется в виду национальная или гендерная принадлежность лектора и адресата. Когда речь идет о национальных ценностях или идеях, законах или организациях, участники TED конференций, подавляющее большинство которых американцы, под *we* подразумевают «мы-американский народ». В лекции Б. Гейтса, посвященной проблемам американских учителей, под «нашими» учителями имеются в виду американские учителя, а местоимение *we* подразумевает людей, живущих в США: ***Our*** *teachers deserve better. The system* ***we*** *have today isn't fair to them. It's not fair to students, and it's putting America's global leadership at risk. So today I want to talk about how* ***we*** *can help all teachers get the tools for improvement they want and deserve* (B.Gates).

В следующем примере из той же лекции *we*-конструкции подразумевают не весь американский народ, а американскую систему образования: *So I looked at the countries whose students perform well academically, and looked at what they're doing to help their teachers improve. Consider the rankings for reading proficiency. The U. S. isn't number one.* ***We****'re not even in the top 10.* ***We****'re tied for 15th with Iceland and Poland. The U. S. is tied for 15th in reading, but* ***we'****re 23rd in science and 31st in math* (B. Gates).

Особенно эффектно «общенациональные» *we*-конструкции ощущаются в финале лекции Б. Гейтса, где благодаря этим конструкциям мотивы единения нации, достижения национального успеха, становления справедливого общества звучат более отчетливо и ярко: *The impact for teachers would be phenomenal.* ***We*** *would finally have a way to give them feedback, as well as the means to act on it. But this system would have an even more important benefit for* ***our*** *country. It would put* ***us*** *on a path to making sure all* ***our*** *students get a great education, find a career that's fulfilling and rewarding, and have a chance to live out their dreams. This wouldn't just make* ***us*** *a more successful country. It would also make* ***us*** *a more fair and just one, too* (B. Gates). Встречаются случаи использования «общенационального» *we* и в других лекциях, например, о медицине, когда речь идет об общенациональных проблемах или ситуациях, типичных для медицины США. Интересно, что в лекциях женщин случаев использования «общенационального» *we* не зафиксировано.

Однако в лекциях женщин встречаются *we*-конструкции гендерного типа (48 случаев). В лекциях, посвященных женским вопросам, лекторы-женщины с помощью *we* объединяют себя с женской частью аудитории и обращаются преимущественно к женщинам. Пример из лекции Сесиль Ричардс о женском равноправии: *I think what women want today, not just only in the United States but around the globe, is to no longer be an afterthought.* ***We*** *don't want to continue to try to, like, look at the next 100 years and be granted, grudgingly, small legal rights and accommodations.* ***We*** *simply want true and full equality. I think that women are tired of retrofitting* ***our****selves into institutions and governments that were built by men, for men, and* ***we****'d rather reshape the future on* ***our*** *own terms* (C. Richards).

Далее в этой же лекции мы встречаем еще более узкое использование *we* – для указания не просто на женщин, а на белых женщин. С. Ричардс, будучи сама белой женщиной, призывает всех других белых женщин равняться на женщин-афроамериканок в их упорстве в борьбе за свои права: *So as I mentioned earlier, women of color in this country didn't even get the right to vote until much further along than the rest of* ***us****. But since they did, they are the most reliable voters, and women of color are the most reliable voters for candidates who support women's rights, and* ***we*** *need to follow their lead. Because their issues are* ***our*** *issues. And as white women,* ***we*** *have to do more, because racism and sexism and homophobia, these are issues that affect all of* ***us*** (C. Richards). В этом фрагменте инклюзивные *we*-конструкции объединяют автора не со всеми женщинами, а только с белыми, что подтверждается использованием местоимения 3-го лица *they* и *their* для указания на чернокожих женщин: *since* ***they*** *did,* ***they*** *are the most reliable voters;* ***their*** *issues are our issues.*

Кроме вышеотмеченных типов инклюзивных *we*-конструкций встречаются конструкции, ориентированные на все человечество целиком – «общечеловеческое» *we*, когда речь идет, например, об общечеловеческих способностях. В примере из лекции лингвиста Леры Бородицки референт местоимения *we* становится понятным благодаря следующему за ним уточняющему существительному *humans*: *So, I'll be speaking to you using language because I can. This is one these magical abilities that* ***we*** *humans have.* ***We*** *can transmit really complicated thoughts to one another. <…> So because of this ability,* ***we*** *humans are able to transmit* ***our*** *ideas across vast reaches of space and time.* ***We****'re able to transmit knowledge across minds* (L. Boroditsky).

Заключение

Проведенное исследование текстов TED лекций показало, что конструкции самоупоминания являются очень частотным подтипом вспомогательных коммуникативных единиц и в речи лекторов-мужчин, и в речи лекторов-женщин. В мужских лекциях одно самоупоминание встречается в среднем через каждые 25 слов, в женских – через 30 слов, т. е. в речи мужчин эти конструкции на 15% более частотны, чем у женщин, и связано это с более частым использованием мужчинами *I*-конструкций. *We*-конструкции в лекциях мужчин и женщин зарегистрированы приблизительно в одинаковом количестве, однако нами отмечаются существенные гендерные различия в отношении типов используемого *we* и частотности этих типов в речи мужчин и женщин. Бóльшая часть *we*-конструкций в речи мужчин относится нами к эксклюзивному (экспертному) *we*, исключающему адресата, но объединяющего говорящего с группой экспертов, которую он представляет. У женщин, напротив, большинство использованных *we*-конструкций относится к инклюзивному типу, включающего адресата в том или ином масштабе. Это может быть вся аудитория в целом (присутствующая в зале и слушающая лекции в записи в Интернете) либо часть аудитории, объединенная с говорящим одним гендером, гражданством либо все человечество целиком. В связи с этим мы сочли возможным выделить такие разновидности инклюзивного *we*, как *we*-общечеловеческое, *we*-гендерное, *we*-общенациональное. Как правило, единственным указанием на верную интерпретацию местоимения *we* в изученном нами материале является контекст и общее содержание текста.

Таким образом, качественный и количественный анализ текстов TED лекций, прочитанных мужчинами и женщинами, показал, что гендер является важным фактором, обусловливающим специфику использования конструкций самоупоминания. По нашему мнению, различия в речи мужчин и женщин как в плане общей частотности этих конструкций, так и в плане частотности их подтипов следуют признать существенными. Функционирование самоупоминаний действительно во многом обусловлено гендером, поскольку в этих единицах в значительной мере сконцентрировано личностное, индивидуальное начало говорящего, гендерная составляющая которого в коммуникации проявляется довольно ярко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Викторова Е. Ю.* Дискурсивно-прагматическая специфика жанра лекции TED TALK (сквозь призму функционирования в ней дискурсивов) // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 254–266. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-254-266

2. *Барляева Е. А.* Средства актуализации автора научного текста (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 1993. 16 с.

3. *Миколайчик М. В.* Местоимения первого лица и другие средства самоупоминания в англоязычном научном экономическом дискурсе: корпусное исследование на материале англо-американских и российских аннотаций // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2018. № 5. С. 90–99.

4. *Андреева С. В.* Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2005.192 с.

5. *Викторова Е. Ю.* Синкретизм дискурсивных слов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 14–21.

6. *Гричин С. В.* Текстостроительная функция авторизации // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2010. № 4 (12). С. 5–14.

7. *Hyland K.* Metadiscourse: Exploring interaction in writing. L. ; N.Y.: Continuum, 2005. 240 p.

8. *Викторова Е. Ю.* Влияет ли гендер на использование дискурсивов? (на материале письменного научного дискурса) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2011. Т. 11, вып. 3. С. 8–14.

9. *Tse P., Hyland K.* 'Robot Kung Fu': Gender and professional identity in biology and philosophy reviews // Journal of Pragmatics. 2008. № 40. P. 1232–1248.

10. *Pasaribu T. A.* Gender differences and the use of metadiscourse markers in writing essays // International Journal of Humanity Studies. 2017. Vol. 1, № 1, September. P. 93–102.

11. *Zareifard R.* A Study of Interactional Metadiscourse Markers and Gender in the Defense Seminars of Persian Speakers // Journal of Educational and Social Research. 2014. Vol. 4, № 1. P. 231–238.

12. *Caliendo G.* The popularization of science in web-based genres // The Language of Popularization: Theoretical and Descriptive Models / ed. by G. Bongo and G. Caliendo. Bern: Peter Lang, 2012. P. 101–132.

13. *Scotto di Carlo G.* New trends in knowledge dissemination: TED Talks // Acta Scientiarum Language and Culture. 2014. № 36 (2). P. 121–130.

14. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта, 2003. 696 с.

15. *Coates G.* Women, Men and Language. 2nd ed. L.: Longman, 1993. 228 p.

16. *Горошко Е. И.* Информационно-коммуникативное общество в гендерном измерении. Харьков: ФЛП Либуркина Л. М., 2009. 816 с.

17. *Маркасова Е. В., Тянь Вэньцзюань*. Манипулятивная функция местоимения «мы» в русском и китайском языках (прагматический аспект) // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 80–87. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-80-87

REFERENCES

1. Viktorova E. Yu. Pragmatic aspects of TED talks as a specific speech genre. *Speech Genres*, 2019, no. 4 (24), pp. 254–266 (in Russian). DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-254-266

2. Barljaeva E. A. *Sredstva aktualizacii avtora nauchnogo teksta (na materiale anglijskogo jazyka)* [The means of actualization of the author of the academic text (based on English texts)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 1993. 16 p. (in Russian)

3. Mikolajchik M. V. First person pronouns and other means of selfmentioning in English economic discourse: a corpus research based on English and Russian abstracts. *Cherepovets State University Bulletin*, 2018, no. 5, pp. 90–99 (in Russian).

4. Andreeva S. V. *Konstruktivno-sintaksicheskie edinicy ustnoj russkoj rechi* [Construcive Syntactic Units of Russian Speech]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2005. 192 p. (in Russian).

5. Viktorova E. Yu. Syncretic discourse markers. *Izv. Saratov. Univ. (N. S.), Ser. Phylology. Journalism*, 2014, vol. 14, iss. 3, pp. 14–21 (in Russian).

6. Grichin S. V. Text building function of authorization. *Tomsk State University. Journal of Philology*, 2010, no. 4 (12), pp. 5–14 (in Russian).

7. Hyland K. Metadiscourse: Exploring interaction in writing. London, New York, Continuum, 2005. 240 p.

8. Viktorova E. Yu. Does gender influence the use of discourse markers? (based on written academic discourse. *Izv. Saratov. Univ. (N. S.), Ser. Phylology. Journalism*, 2011, vol. 11, iss. 3, pp. 8–14 (in Russian).

9. Tse P., Hyland K. 'Robot Kung Fu': Gender and professional identity in biology and philosophy reviews. *Journal of Pragmatics*, 2008, no. 40, pp. 1232–1248.

10. Pasaribu T. A. Gender differences and the use of metadiscourse markers in writing essays. *International Journal of Humanity Studies*, 2017, vol. 1, no. 1, September, pp. 93–102.

11. Zareifard R. A Study of Interactional Metadiscourse Markers and Gender in the Defense Seminars of Persian Speakers. *Journal of Educational and Social Research*, 2014, vol. 4, no. 1, pp. 231–238.

12. Caliendo G. The popularization of science in web-based genres. In: G. Bongo, G. Caliendo, eds. *The Language of Popularization: Theoretical and Descriptive Models*, Bern, Peter Lang, 2012, pp. 101–132.

13. Scotto di Carlo G. New trends in knowledge dissemination: TED Talks. *Acta Scientiarum Language and Culture*, 2014, no. 36 (2), pp. 121–130.

14. *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka, pod. red. M. N. Kozhina* [M. N. Kozhina, ed. Stylistic Encyclopedian Dictionary of Russian]. Moscow, Flinta Publ., 2003. 696 p. (in Russian).

15. Coates G. *Women, Men and Language*. 2nd ed. London, Longman, 1993. 228 p.

16. Goroshko E. I. *Informacionno-kommunikativnoe obshchestvo v gendernom izmerenii* [Informational-Communicational Society Viewed Through the Gender]. Har'kov, FLP Liburkina L. M., 2009. 816 p. (in Russian).

17. Markasova E. V. Tian' Ven'tsziuan'. Manipulative function of the pronoun my in Russian and Chinese. *Speech Genres*, 2016, no. 2, pp. 80–87 (in Russian). DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-80-87

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ
Викторова Е. Ю. Гендерная специфика в использовании авторизующих конструкций самоупоминания (на материале жанра TED talks) // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 287–294. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-287-294

For citation
Viktorova E. Yu. Gender Aspects in the Use of Selfmentions (based on the Genre of TED Talks). *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 287–294 (in Russian). DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-287-294

Поступила в редакцию: 28.04.2020 / Принята: 28.06.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Received: 28 April 2020 / Accepted: 28 June 2020 / Published: 30 November 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

УДК 821.161.1.09-7-92|17|
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-7
DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-295-301

Л. А. Трахтенберг
Москва, Россия

Жанровая система русских сатирических журналов XVIII века

Сатирические журналы занимают особое место в литературе XVIII века. Находясь вне пределов господствующей в этот период нормативной поэтики, они разделяют ее дидактическую установку. В них создается своеобразная жанровая система, включающая малые литературные формы. Задача исследования – разработать структурную модель этой системы. Ее важнейшая черта – многофакторность: литературные формы, входящие в ее состав, определяются по нескольким несводимым друг к другу критериям. Основные жанры сатирических журналов – эссе от лица издателя, читательское письмо, пародии. Субъект речи в эссе – издатель как литературный образ. Письма читателей, кто бы ни был в действительности их автором, сосуществуют с эссе издателя в едином фикциональном пространстве. Объектами пародирования становятся, например, ведомости, рецепты, словари. Ключевой элемент системы – характер, который, свертываясь и развертываясь, может быть представлен как описание или повествование. И характер, и другие типы жанрового содержания могут облекаться в формы эссе, письма, пародии. Многие формы в сатирических журналах демонстрируют тенденцию к циклизации. Журнал как целое представляет собой художественное единство, скрепляемое с помощью различных механизмов. Среди них образы издателя и читателей, формальные и смысловые межтекстовые связи, а иногда единый для всего журнала конструктивный принцип или даже общий сюжет. Разнообразие одновременно действующих принципов структурирования жанровой системы в сатирических журналах придает ей сложность и гибкость, позволяя варьировать эстетические впечатления ради достижения единой дидактической цели.

Ключевые слова: *русская литература XVIII века, сатирические журналы, жанровая система, характер, эссе, письмо, пародия, цикл.*

Сведения об авторе: *Трахтенберг Лев Аркадьевич, доктор филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы.*
Место работы: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Lev A. Trakhtenberg
Moscow, Russia

Genre System of Russian XVIII Century Satirical Magazines

Satirical magazines are a unique form of the XVIII century literature. Standing outside the dominant in the XVIII century normative poetics, they share its didactic intent. They develop a specific genre system consisting of short literary forms. The research aims to create a structural model of this system. It involves multiple factors: the literary forms it includes are defined on several irredundant criteria. Its main genres are the editor's essay, the reader's letter, and parodies. The editor as the subject of an essay is a fictional character. Readers' letters, whoever their real authors might be, coexist with editor's essays in a common fictional space. Such genres as newspaper articles, recipes, dictionaries are objects of parody. A character sketch is the basic element of the system. Compressed or extended, it can appear as a description or a narrative. A character sketch as well as other genre modes may take the shape of essays, letters, parodies. Many short forms show a tendency towards cyclization. The magazine as a whole is a literary unity held together with the help of several mechanisms: the editor's and readers' personae, formal and thematic parallels between texts, sometimes a common constructive principle or even a single plot. The diversity of simultaneous structuring principles makes the genre system of the satirical magazines complex and flexible, so as to vary aesthetic impressions for the sake of a common didactic goal.

Keywords: *Russian XVIII century literature, satirical magazines, genre system, character sketch, essay, letter, parody, cycle.*

About the author: *Trakhtenberg Lev Arkad'evich, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of History of Russian Literature.*
Place of employment: Lomonosov Moscow State University.

© Трахтенберг Л. А., 2020

E-mail: *Lev_A_T@inbox.ru*
https://orcid.org/0000-0002-4345-0955

E-mail: *Lev_A_T@inbox.ru*
https://orcid.org/0000-0002-4345-0955

Введение

Сатирический журнал – особая литературная форма, характерная для эпохи Просвещения. Это периодическое издание, выходящее чаще всего еженедельно; каждый номер имеет небольшой объем. По этим признакам он напоминает газету, однако по содержанию принципиально от нее отличается. Задачи сатирического журнала – не информационные, а дидактические. Он воспитывает в читателях нравственность и прививает им правила поведения в обществе. Эти задачи он разделяет со многими другими литературными формами своей эпохи: в XVIII веке дидактическая установка в литературе обычна.

Этот тип издания зарождается в английской литературе. Классические образцы – журналы Дж. Аддисона и Р. Стиля «Болтун», «Зритель» и «Опекун». Очень популярные на родине, они быстро приобретают известность по всей Европе и вызывают множество подражаний, особенно в английской и немецкой литературе. Традиционное название этой формы в английском языке – *periodical essays* («периодические эссе»), в немецком – *moralische Wochenschriften* («моралистические еженедельники») [1–4].

В России подобные издания появляются в 1769 году. Первым из них становится «Всякая всячина» – журнал, инициатива публикации которого принадлежит Екатерине II. За ним в том же году следуют и другие: «И то и сё» М. Д. Чулкова, «Ни то ни сё» В. Г. Рубана, «Полезное с приятным» И. Ф. Румянцева и И. А. де-Тейльса, «Поденщина» В. В. Тузова, «Смесь», издатель которой неизвестен, «Трутень» Н. И. Новикова, «Адская почта» Ф. А. Эмина. Имена большинства авторов сейчас установлены, но в момент публикации они неизвестны публике, эти журналы выходят анонимно. Из этих восьми журналов только два, «Всякая всячина» и «Трутень», продолжаются в начале следующего года: сатирические журналы недолговечны, это особенность и зарубежных, и русских изданий. В следующие годы сатирических журналов меньше, чем в 1769-м, но среди них есть интересные: например, «Живописец» Н. И. Новикова (1772–1773), «Почта духов» И. А. Крылова (1789), «Сатирический вестник» Н. И. Страхова (1790–1792).

Первые литературоведческие исследования сатирических журналов создаются еще в середине XIX века: это книги Н. Н. Булича [5: 203–288] и А. Н. Афанасьева [6]. К числу важнейших можно отнести работы В. П. Семенникова [7], П. Н. Беркова [8: 156–307, 432–461], Ю. В. Стенника [9: 199–285], Й. Клейна [10].

Форма сатирических журналов своеобразна. Отличительная особенность этих изданий – разнообразие малых литературных форм, входящих в их состав. Небольшой объем статьи обусловлен как внешними, так и внутренними факторами. Внешний фактор – объем номера: у еженедельного журнала это обычно восемь страниц небольшого формата, к тому же в номере часто не одна статья, а несколько. Но внутренний фактор едва ли не важнее. Считается («Всякая всячина» прямо об этом пишет [11: № 18, 136]), что произведение небольшого объема легче воспринимать, чем длинное, и потому оно заинтересует читателя, которому было бы скучно читать пространное рассуждение на темы морали.

В сатирических журналах создается особая жанровая система. С основной жанровой системой литературы XVIII века она не совпадает, прежде всего потому, что нормативная поэтика этого периода кодифицирует преимущественно стихотворные жанры, тогда как в большинстве сатирических журналов представлена прежде всего проза. Система оказывается устойчивой, сохраняясь вместе с типом сатирического журнала на протяжении нескольких десятилетий и реализуясь в каждом издании в индивидуальных модификациях. Описать структурные принципы этой системы – задача работы.

Парадигма жанров

Базовый жанр сатирической журналистики – эссе [например, 11: № 1, 1–8; № 2, 9–13; 12: № 1, 3–8; № 2, 1–8; 13: № 1, 3–5; № 2, 13–16; 14: № 1, 3–8; 15: ч. 1, № 2, 9–16]. Для эссеистики характерна свобода формы [16: xxx]: эссе может включать и рассуждение, и описание, и повествование. В ходе становления и развития изданий такого типа сначала на Западе, а затем и в России формируются типичные для них устойчивые разновидности эссе, состав и структура которых заданы субъектной парадигмой этих изданий.

Характерной чертой журналов является условный образ издателя. Этот образ в сознании читателя должен заместить фигуру издателя реального, имени которого читатель часто даже не знает. Реальный издатель, таким образом, скрывается под маской. Основ-

ным типом статьи в журнале является эссе от лица издателя.

Начиная с первых образцов – изданий Аддисона и Стиля – в подобных журналах печатаются и материалы, фиктивному издателю не принадлежащие. Это письма читателей [например, 11: № 2, 14–16; № 5, 25–28; 13: № 5, 33–37; № 10, 73–79; 17: № 4, 31–32; № 6, 43–45; 14: № 5, 33–36; № 7, 49–55; 15: ч. 1, № 7, 51–56; № 9, 65–69]. В условном мире журнала они представляют иную точку зрения, нежели та, которая принадлежит издателю. Действительно ли авторы этих писем – не участники редакции, а посторонние, как правило, неизвестно, но в контексте поэтики журналов и не важно. Письмо читателя обычно обладает внешними приметами эпистолярного жанра: обращением, подписью, соответствующими формулами вежливости. В отношении же литературной системы его можно рассматривать как разновидность эссе, но структурно иную, нежели статьи от лица издателя.

Также типичны для этих журналов разнообразные малые формы сатиры, каждая из которых обладает особыми формальными признаками, отличающими ее от прочих. Это, прежде всего, характер как особый литературный жанр [16: 353–356; 18].

Суть жанра – в описании социально-психологического типажа. Это еще не тип в том понимании, которое обычно для реалистической словесности XIX века. Если реалистическая типизация соединяет общие черты с индивидуальными, что придает образу правдоподобие, то в литературе XVII–XVIII веков характеристики преимущественно абстрактны. Античным образцом авторам XVII–XVIII веков служат «Характеры» Феофраста, ученика Аристотеля. Образец жанра в новой литературе – книга Ж. де Лабрюйера «Характеры, или нравы нынешнего века», писавшаяся вначале как продолжение Феофраста.

Набор типажей в основном постоянный: щеголь, кокетка, скупец, взяточник, бесталанный писатель и т. д. Этот набор в сатирической журналистике тот же, что и в комедии, и в поэтической сатире XVIII века.

Характеры очень часто выступают не поодиночке, а в составе циклов кумулятивной структуры, то есть включающих ряд однотипных по форме статей [например, 17: № 2, 13–15; № 29, 229–232; 12: № 23, 3–8; 14: № 17, 129–132]. Характер может быть представлен в разнообразных формальных модификациях. Например, в «Трутне» есть цикл «Каковы мои читатели», в котором характеристики персонажей определяются тем, как они воспринимают журнал [14: № 35, 273–280; № 36, 281–284], и цикл «Картины», где характеристики даются в экфрастической форме описания вымышленных произведений живописи [19: № 12, 90–96; № 13, 97–100].

Широко распространены пародийные модификации характера, в большинстве случаев, но не всегда образующие циклы. Часто пародируются ведомости, то есть газеты [14: № 4, 28–32; № 6, 41–48; № 9, 65–72; № 16, 121–128; № 18, 137–144; 12: № 29, 1–8; № 30, 1–8; 20: 84–89, 142–149, 200–209, 266–272; 15: ч. 1, № 6, 41–48; № 20, 153–160; ч. 2, № 12, 297–304; 21: № 18, 8; № 19, 1–2], реже – рецепты [14: № 23, 177–184; № 24, 185–192; № 26, 201–202; № 27, 209–216; № 31, 241–243; 22: ч. 2, 100–112; ч. 7, 62–74], частные письма [14: № 2, 12–16; № 15, 113–120; 15: ч. 1, № 15, 113–120; № 23, 178–184, № 24: 186–192], в «Сатирическом вестнике» есть пародийное завещание [22: ч. 2, 31–42].

Циклизация однородных материалов – прием, выходящий за пределы формы характера. Так, в сатирических журналах иногда можно встретить перечни правил поведения, иногда серьезных [15: ч. 1, № 9, 69–72], а иногда пародийных [23: № 10, 145–148; № 16, 241–250]. По циклической схеме строятся и пародийные словари, складывающиеся из отдельных статей [14: № 5, 36–40; 15: ч. 1, № 10, 73–80; 23: № 3, 33–44; № 26, 401–414].

Малые формы сатиры XVIII века с трудом поддаются общему жанровому определению. Это происходит потому, что они не имеют общего набора признаков. Можно выделить по меньшей мере пять признаков, свойственных этим формам, относящихся к разным уровням их эстетической организации: сатирико-дидактическое содержание, малый объем, принадлежность к жанровому типу характера, объединение в циклы на основе кумулятивной модели и пародийность. Однако из этих признаков первые два присущи в той же мере и другим жанрам сатирической журналистики – эссе и письму (а кроме того, жанрам, широко известным за пределами сатирических журналов, например некоторым модификациям эпиграммы), а из трех последних ни один не может считаться обязательным. Так, в журнале «Трутень» представлен цикл под общим заголовком «Смеющийся Демокрит» [14: № 28, 217–224; № 33, 257–264]; все составляющие его статьи воспроизводят одну и ту же композиционную модель, но эта модель не пародийна. В том же журнале помещены «Копия с отписки», «Копия с другой отписки» и «Копия с помещичьего указа» [14: № 26, 202–208; № 30, 233–240], которые пародируют соответствующие формы документов; обе пародийных формы представлены в «Трутне» лишь единичными примерами, и к жанру характера эти тексты не принадле-

жат. Не относятся к характерам и правила поведения, организованные по кумулятивному принципу; пародийность некоторым из них присуща, а другим – нет.

Дополнительную сложность задача определения приобретает из-за того, что очень часто названные формы входят в состав эссе или письма, выступающих по отношению к ним в качестве композиционной рамки. Характеристика часто составляет основное содержание эссе и писем, и не приходится говорить о формальной границе, отделяющей рамочную часть текста, которая вводит характеристику, от центральной – собственно описания типажа. Но если, например, письмо обрамляет пародийный текст, содержание которого составляют характеры (именно так вводится цикл «Рецептов» в «Трутне»), то граница между рамочной структурой и центральной частью статьи хорошо заметна.

К сказанному следует добавить, что кумулятивная структура может объединять элементы разных типов. Примером может служить уже упоминавшийся цикл «Смеющийся Демокрит» из «Трутня»: большинство статей в нем – характеры, но в составе цикла есть и сценки, содержание которых составляет сюжетный эпизод с несколькими действующими лицами. Характеры и сценки замкнуты общей рамочной структурой, что и придает циклу единство.

Несмотря на трудность определения, строевая роль подобных малых форм для сатирической журналистики значительна. Есть свидетельства того, что она осознается уже современниками как заметная черта сатирических журналов.

Так, в одном из последних номеров «Трутня» помещено адресованное издателю письмо от лица читателя, в котором говорится: «В прошлогоднем твоем Трутне большая часть сочинений были очень хороши, и им отдавали справедливость, например: ведомости, портреты, рецепты; твой Демокрит, некоторые пиески в стихах, также и многие письма в прозе» [19: № 15, 115]. «Ведомости» и «рецепты» – циклы пародийных характеров; «Смеющийся Демокрит» и «Портреты» – также циклы однотипных статей, представляющих собой характеры, но уже не пародийных. Появление этого письма именно в «Трутне» не случайно: среди восьми сатирических журналов, выходящих в 1769 году, именно в «Трутне» больше всего подобных форм. Новиков, помещая в журнале такое письмо (кто бы в действительности ни был его автором – он сам или действительно кто-то из читателей), указывает на то, что публикацию подобного рода материалов считает своим важным художественным достижением, можно даже сказать – преимуществом своего издания в соперничестве с другими за внимание аудитории.

Еще одним доказательством внимания к подобным формам служит предисловие к переводному пародийному словарю, помещенному в журнале «И то и сё». В предисловии указано: «Немецкий писатель Рабнер показал первый опыт такого словаря» [12: № 10, 1]. Из этого замечания следует: индивидуальность формы, в данном случае пародийной, осознается настолько, что имя впервые обратившегося к ней автора помнят, признавая ее создание его литературной заслугой.

В сатирических журналах нередко встречаются и неспецифичные для этих изданий жанры, принадлежащие основной парадигме классицистической нормативной эстетики. Это, например, басни [11: № 6, 34; 14: № 2, 9–11], стихотворные сказки [14: № 11, 81–88; № 12, 89–94], эпиграммы [13: № 6, 42–43; № 7, 56; 14: № 4, 27–28; № 7, 56], похвальные надписи [14: № 14, 105–106; 15: ч. 1, № 23, 177], даже торжественные оды [17: № 7, 49–52; 15: ч. 1, № 26, 201–207] и речи [15: ч. 2, № 1, 211–213; №№ 3–4, 225–239]. Граница между журналом сатирическим и не сатирическим проницаема и условна. Так, во «Всякой всячине» и в «Трутне» жанры классицистической поэзии представлены лишь немногими образцами, тогда как подавляющее большинство статей принадлежат к типичным для сатирического журнала жанрам: во «Всякой всячине» это эссе и письма, в «Трутне» – письма и разнообразные (пародийные или нет) модификации характера. Напротив, в журнале «Что-нибудь», который в 1780 году издает В. В. Лазаревич, типичные для сатирических журналов формы от номера к номеру уступают место привычным жанрам классицизма. Там публикуется даже переводная комедия – «Смирнинский купец» Н. Шамфора [21: №№ 6–9]. Таким образом, это издание постепенно теряет характер сатирического журнала.

Публикуются в сатирических журналах, наконец, и произведения повествовательной прозы. Например, в нескольких номерах журнала «И то и сё» печатается повесть о Нетоне [12: №№ 10–11, 13–15], а в журнале «Что-нибудь» из номера в номер переходит повесть «Гонима, или Опыт добродетели» [21: №№ 11–16]; оба произведения – авантюрно-фантастические романы.

Отдельные статьи в сатирическом журнале характеризуются композиционной замкнутостью, но в то же время они скрепляются многообразными связями. Благодаря этому журнал как целое приобретает черты художественного единства.

Единство журнала

Единство журнала – это прежде всего единство замысла. Работу над сатирическим журналом может вести один писатель или устойчивый авторский коллектив, занимающий единую литературную позицию.

Композиционной предпосылкой единства сатирического журнала является его ограниченный объем: продолжительность выхода русских изданий такого типа не превышает трех лет, а чаще всего ограничивается одним годом и даже меньше. Это дает читателю возможность охватить весь текст от начала до конца издания в акте восприятия. Такому восприятию способствует форма издания: как правило, комплект журнала снабжается титульным листом, то есть рассчитан на то, чтобы собрать его, переплести и хранить как книгу. Во многих изданиях, например, во «Всякой всячине», «Смеси», «Трутне», впечатление непрерывности усиливает сквозная пагинация, не прерывающаяся в пределах годового комплекта.

Единство сатирического журнала – это факт эстетический. Механизмы, поддерживающие его, разнообразны. Их основа – объединение статей на разнообразных основаниях. В результате этого статьи складываются в комплексы – циклы. Действие одних из этих механизмов распространяется только на часть журнала, тогда как действие других – на весь его текст; журнал как целое, таким образом, приобретает черты цикла. Кроме того, одни механизмы соответствуют трем базовым классам жанровых форм, типичных для журналов, другие же выходят за их рамки.

Образ издателя служит основой не только отдельного эссе, но и журнала в целом. Сохраняя самотождественность на всем протяжении текста, он скрепляет журнал единством точки зрения и стиля.

Читатели, напротив, сменяют друг друга. Но в журнале может быть помещено не одно, а несколько писем от лица одного и того же читателя, следующих не подряд, а через некоторое, иногда значительное время [например, 11: № 3, 14–16; № 7, 46–47; 14: № 5, 33–36; № 8, 57–59; № 25, 193–199]. Такие письма устанавливают между выпусками журнала структурные и смысловые связи.

Художественное единство журнала поддерживает тенденция к кумуляции – многократному повторению одних и тех же конструктивных схем, варьирующих жанр сатирического характера. Например, в «Трутне» помещено девятнадцать пародийных рецептов, которые распределены по пяти номерам на протяжении почти двух месяцев. Такое повторение одной и той же модели усиливает ощущение целостности текста.

Еще один прием, упрочивающий композиционные связи, основан на соединении текстов разных жанров. В первую очередь это относится к эссе и письму. Письма читателей очень часто выступают не самостоятельно, а в сопровождении текста от лица издателя журнала. Такой текст может предварять письмо, следовать за ним или охватывать его с обеих сторон. Так между читателем и издателем возникает диалог.

Тексты других жанров могут быть связаны как с эссе, так и с письмами по принципу рамочной структуры: текст от имени издателя либо читательское письмо мотивирует помещение произведения другой формы, часто имеющего собственный заголовок.

Действие названных механизмов распространяется лишь на часть материалов журнала. Даже образ издателя хотя и господствует над текстом, и раскрывается во многих, даже в большинстве материалов, но все же представлен не во всех статьях. Однако есть журналы, весь текст которых подчинен единой жанровой модели или даже сюжетному замыслу: таковы «Поденщина», «Адская почта», «Почта духов», «Сатирический вестник». «Поденщина» написана как дневник от лица «маляра», то есть художника, приехавшего из Алатора на заработки в Петербург. Основу «Адской почты» составляет переписка двух вымышленных персонажей – бесов. Как переписка фантастических персонажей – волшебника Маликульмулька и стихийных духов: гномов, сильфов и ондина, а также других действующих лиц, построена и «Почта духов», при этом некоторые из писем связаны сквозным сюжетом. «Сатирический вестник» представляет собой пародию на газеты, включающую, подобно «Ведомостям» в «Трутне» [9: 266], комические известия и объявления.

Заключение

В сатирических журналах вырабатывается гибкая, вариативная система литературных средств. Вариативность реализуется, прежде всего, в жанровом составе журналов. Используемые в них литературные формы различны по своей природе, отличаясь друг от друга не только принципами художественной структуры, но и мерой определенности этих принципов. На одном краю спектра форм находится эссе, жанр предельно свободный, на другом – пародии, структура которых непосредственно зависима от пародируемых текстов.

Многие из форм, встречающихся в журналах, не образуют прочной литературной

традиции, а те, за которыми стоит длинный ряд образцов (эссе, характер), ускользают от обычной для XVIII века регламентации в нормативных поэтиках. Это позволяет им сохранять неустойчивость, текучесть, способность к взаимодействию и совмещению. Так, пародия может облекать собою характер, а может становиться рамкой для сюжета. Характер также свободно входит в состав эссе и письма, вводится с помощью разнотипных рамочных конструкций.

Одновременно дифференцирующую и унифицирующую роль играют в структуре журнала механизмы циклизации. С одной стороны, проходя сквозь ряд разных по форме циклов, дидактическая идея и устойчивый образ предстают в разных обликах. Неоднородное распределение механизмов циклизации, как и организуемых ими структурных форм, определяет и художественную индивидуальность каждого из журналов на фоне прочих. С другой стороны, скрепляя текст многообразными связями, эти механизмы не дают ему распасться, придавая журналу единство.

В чем состоит художественная задача этой структуры? Авторам сатирических журналов приходится решать сложную задачу: поддерживать интерес аудитории несмотря на то, что дидактическая установка делает содержание неизбежно однообразным. И правила, которые пропагандируют журналы, и их нарушения, выраженные в сатирических типажах, всегда одни и те же. Постоянство содержания авторы возмещают изменчивостью формы. Одни и те же идеи и типажи предстают каждый раз в новом облике, сохраняя, насколько возможно, свежесть художественного впечатления. Это позволяет авторам журналов достигать своей главной цели – дидактического воздействия на читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Rau F.* Zur Verbreitung und Nachahmung des «Tatler» und «Spectator». Heidelberg : Winter, 1980. 449 S.

2. *DeMaria R., Jr.* The Eighteenth-Century Periodical Essay // The Cambridge History of English Literature, 1660–1780 / ed. by J. Richetti. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 527–548. DOI: https://doi.org/10.1017/CHOL9780521781442.022

3. *Ertler K.-D.* Moralische Wochenschriften // Europäische Geschichte Online (EGO), hg. vom Leibniz-Institut für Europäische Geschichte. Mainz, 2012. URL: http://www.ieg-ego.eu/ertlerk-2012-de (дата обращения: 23.04.2020).

4. Regards sur les «spectateurs» / K.-D. Ertler, A. Lévrier, M. Fischer (éds.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2012. 372 p. DOI: https://doi.org/10.3726/978-3-653-02732-7

5. *Булич Н. Н.* Сумароков и современная ему критика. СПб. : Тип. Э. Праца, 1854. XIV. 290 с.

6. *Афанасьев А. Н.* Русские сатирические журналы 1769–1774 годов. Эпизод из истории русской литературы прошлого века. М. : Тип. Э. Барфкнехта и комп., 1859. 282 с.

7. *Семенников В. П.* Русские сатирические журналы 1769–1774 гг. Разыскания об издателях их и сотрудниках. СПб. : Тип. «Сириус», 1914. 90 с.

8. *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 572 с.

9. *Стенник Ю. В.* Русская сатира XVIII века. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. 360 с.

10. *Клейн Й.* «Немедленное искоренение всех пороков» : о моралистических журналах Екатерины II и Н. И. Новикова // XVIII век : сб. ст. и материалов. Сб. 24. СПб. : Наука, 2006. С. 153–165.

11. Всякая всячина. [СПб. : Тип. Акад. наук, 1769]. 408 с.

12. И то и сё. [СПб. : Тип. Морск. кад. корпуса, 1769]. 448 с.

13. Ни то ни сё в прозе и стихах. [СПб. : Тип. Акад. наук, 1769]. 160 с.

14. Трутень… на 1769 год. СПб. : [Тип. Акад. наук, 1769]. 284 с.

15. Живописец : [в 2 ч.]. СПб. : [Тип. Акад. наук, 1772–1773]. 419 с.

16. Encyclopedia of the Essay / ed. by T. Chevalier. L. : Fitzroy Dearborn Publishers, 1997. 1024 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9780203303689

17. Смесь. [СПб. : Тип. Акад. наук, 1769]. 320 с.

18. *Jensen K.* Reforming Character: William Law and the English Theophrastan Tradition // Eighteenth Century Fiction. 2010. Vol. 22, № 3. P. 443–476. DOI: https://doi.org/10.3138/ecf.22.3.443

19. Трутень… на 1770 год. СПб. : [Тип. Акад. наук, 1770]. 136 с.

20. *Эмин Ф. А.* Адская почта, или Переписки хромоногого беса с кривым / подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. Д. Рака. СПб. : Пушкинский Дом, 2013. 480 с.

21. Что-нибудь. 2-е изд. СПб. : Тип. Артиллер. и инж. кадетского корпуса, 1782. 208 с.

22. Сатирический вестник… : [в 9 ч.]. М. : Унив. тип. у В. Окорокова, 1790–1792. 131 (ч. 1) + 142 (ч. 2) + 123 (ч. 3) + 115 (ч. 4) + 103 (ч. 5) + 100 (ч. 6) + 96 (ч. 7) + 92 (ч. 8) + 104 (ч. 9) с.

23. *Осипов Н. П.* Что-нибудь от безделья на досуге. СПб. : [Тип. Губ. правления], 1800. 416 с.

REFERENCES

1. Rau F. *Zur Verbreitung und Nachahmung des “Tatler” und “Spectator”*. Heidelberg, Winter, 1980. 449 S.

2. DeMaria R., Jr. The Eighteenth-Century Periodical Essay. In: J. Richetti, ed. *The Cambridge History of English Literature, 1660–1780.* Cambridge, Cambridge University Press, 2005, pp. 527–548. DOI: https://doi.org/10.1017/CHOL9780521781442.022

3. Ertler K.-D. Moralische Wochenschriften. In: *Europäische Geschichte Online (EGO),* hg. vom Leibniz-Institut für Europäische Geschichte. Mainz, 2012. Available at: http://www.ieg-ego.eu/ertlerk-2012-de (accessed 23 April 2020).

4. K.-D. Ertler, A. Lévrier, M. Fischer, éds. *Regards sur les "spectateurs"*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2012. 372 p. DOI: https://doi.org/10.3726/978-3653-02732-7.

5. Bulich N. N. *Sumarokov i sovremennaia emu kritika* [Sumarokov and the critics of his age]. Saint Petersburg, Tip. E. Pratsa, 1854. XIV, 290 p. (in Russian).

6. Afanas'ev A. N. *Russkie satiricheskie zhurnaly 1769–1774 godov. Epizod iz istorii russkoi literatury proshlogo veka* [Russian satirical magazines of 1769–1774. An episode of Russian literary history of the previous century]. Moscow, Tip. E. Barfknekhta i komp., 1859. 282 p. (in Russian).

7. Semennikov V. P. *Russkie satiricheskie zhurnaly 1769–1774 gg. Razyskaniia ob izdateliakh ikh i sotrudnikakh* [Russian satirical magazines of 1769–1774: a study of their publishers and contributors]. Saint Petersburg, Tip. "Sirius", 1914. 90 p. (in Russian).

8. Berkov P. N. *Istoriia russkoi zhurnalistiki XVIII veka* [History of Russian 18th–century journalism]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1952. 572 p. (in Russian).

9. Stennik Iu. V. *Russkaia satira XVIII veka* [Russian satire of the 18th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 360 p. (in Russian).

10. Klein I. "Nemedlennoe iskorenenie vsekh porokov": o moralisticheskikh zhurnalakh Ekateriny II i N. I. Novikova ["Immediate eradication of all vices": on the moralistic magazines of Catherine II and N. I. Novikov]. In: *XVIII vek* [The 18th century]. Iss. 24. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2006, pp. 153–165 (in Russian).

11. *Vsiakaia vsiachina* [All sorts]. [Saint Petersburg, Tip. Akad. nauk, 1769]. 408 p. (in Russian).

12. *I to i se* [This and that]. [Saint Petersburg, Tip. Morsk. kad. korpusa, 1769]. 448 p. (in Russian).

13. *Ni to ni se v proze i stikhakh* [Neither this nor that in prose and in verse]. [Saint Petersburg, Tip. Akad. nauk, 1769]. 160 p. (in Russian).

14. *Truten'... na 1769 g.* [The drone… for 1769]. Saint Petersburg, [Tip. Akad. nauk, 1769]. 284 p. (in Russian).

15. *Zhivopisets* [The painter. In 2 parts]. Saint Petersburg, [Tip. Akad. nauk, 1772–1773]. 419 p. (in Russian).

16. T. Chevalier, ed. *Encyclopedia of the Essay.* London, Fitzroy Dearborn Publishers, 1997. 1024 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9780203303689

17. *Smes'* [The medley]. [Saint Petersburg, Tip. Akad. nauk, 1769]. 320 p. (in Russian).

18. Jensen K. Reforming Character: William Law and the English Theophrastan Tradition. *Eighteenth Century Fiction*, 2010, vol. 22, no. 3, pp. 443–476. DOI: https://doi.org/10.3138/ecf.22.3.443

19. *Truten'... na 1770 g.* [The drone… for 1770]. Saint Petersburg, [Tip. Akad. nauk, 1770]. 136 p. (in Russian).

20. Emin F. A. *Adskaia pochta, ili Perepiski khromonogogo besa s krivym* [Mail from hell, or the correspondence of a lame devil with a one-eyed one]. Text preparation, introductory article and commentary by V. D. Rak. Saint Petersburg, Pushkinskii Dom, 2013. 480 p. (in Russian).

21. *Chto-nibud'* [Something]. 2nd ed. Saint Petersburg, Tip. Artiller. i inzh. kadetskogo korpusa, 1782. 208 p. (in Russian).

22. *Satiricheskii vestnik*... [The satirical herald… In 9 parts]. Moscow, Univ. tip. u V. Okorokova, 1790–1792. 131 + 142 + 123 + 115 + 103 + 100 + 96 + 92 + 104 p. (in Russian).

23. Osipov N. P. *Chto-nibud' ot bezdel'ia na dosuge* [Something for idleness at leisure]. Saint Petersburg, [Tip. Gub. pravleniia], 1800. 416 p. (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Трахтенберг Л. А. Жанровая система русских сатирических журналов XVIII века // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 295–301. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-295-301

For citation

Trakhtenberg L. A. Genre System of Russian XVIII Century Satirical Magazines. *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 295–301 (in Russian). DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-295-301

Поступила в редакцию: 30.04.2020 / Принята: 23.06.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Received: 30 April 2020 / Accepted: 23 June 2020 / Published: 30 November 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

УДК 821.161.1.09-92-98
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-5
DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-302-309

Т. В. Струкова
Орел, Россия

Анаграмма как энигматический жанр

Исследование посвящено рассмотрению структурно-семантических и композиционных особенностей поэтической анаграммы, в которой находят отражение когнитивная и языковая картина мира, а также национальная концептосфера. Отмечается, что жанр анаграммы зарождается в русской поэзии в 1820-е гг. на страницах журнала «Благонамеренный». В нем было опубликовано первое теоретическое обоснование таких энигматических жанров, как загадка, логогриф, шарада и омоним. Его автором выступил известный государственный деятель Н. Ф. Остолопов. Именно им, а также другими поэтами, активно сотрудничавшими с «Благонамеренным», были апробированы и введены в литературный обиход жанровые разновидности анаграммы: омоним-анаграмма, шарада-анаграмма, анаграмма-логогриф. Они представляли собой не только поэтический эксперимент, но и отражали литературный быт эпохи, имели полемическую направленность. Для того чтобы расшифровать кодирующую часть этих энигматических текстов, адресант должен был обладать общим уровнем когнитивного и языкового мышления с адресатом. При этом отличительной особенностью жанра анаграммы является его диалогическая структура (субъектно-адресатный строй), а неотъемлемым композиционным элементом выступают побудительные (императивные) формулировки, представляющие собой обращение к читателю, где автор дает необходимые рекомендации по правильному преобразованию закодированного описания. В статье предлагаются первые классификации анаграмм по способам представления энигматов (зашифрованных слов) и по способам создания кодирующей части (интерпретационного поля). Делается вывод о том, что анаграмма является культурно-маркированным типом текста, к художественным особенностям которого относятся стереотипность, ассоциативность, прецедентность, смысловая завершенность, прямое преобразование зашифрованного смысла.

Ключевые слова: *анаграмма, энигматический жанр, кодирующая часть, интерпретационное поле, языковая игра.*

Tatyana V. Strukova
Orel, Russia

Anagram as an Enigmatic Genre

This article studies structural-semantic and compositional aspects of the poetic anagram, which reflects the cognitive and linguistic picture of the world, as well as the national conceptual sphere. It is noted that the anagram genre originated in Russian poetry in the 1820s on the pages of the magazine "Blagonamerenny". It published the first theoretical justification of such enigmatic genres as a riddle, a logogriff, a charade and a homonym. Its author was the famous statesman N. F. Ostolopov. It was he, as well as other poets, who actively collaborated with "Blagonamerenny", who tested and introduced into the everyday life the genre varieties of the anagram: homonym-anagram, charade-anagram, anagram-logogriff. They were not only a part of the poetic experiment, but also reflected the literary life of the era and had a polemical orientation. In order to decipher the coding part of these enigmatic texts, the addressee had to have a common with the addressee level of cognitive and linguistic thinking. At the same time, a distinctive feature of the anagram genre is its dialogical structure (subject-addressing system). Besides, the compelling (imperative) formulations are integral compositional elements, which serve as an appeal to the reader, where the author gives the necessary recommendations for the correct conversion of the encoded description. The author proposes first classifications of anagrams based on the ways of representing enigmatics (encrypted words) and on the methods of creating the coding part (interpretation field). There is a conclusion that the anagram is a culturally marked type of the text, characterized by stereotypical nature, associativity, precedence, semantic completeness, direct transformation of the encrypted meaning.

Keywords: *anagram, enigmatic genre, coding part, interpretation field, language play.*

Сведения об авторе: *Струкова Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.*
Место работы: Орловский государственный институт культуры.

About the author: *Strukova Tatyana Viktorovna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages.*
Place of employment: Orel State Institute of Culture.

© Струкова Т. В., 2020

E-mail: *tatynassss@mail.ru*
https://orcid.org/0000-0002-4623-6911

E-mail: *tatynassss@mail.ru*
https://orcid.org/0000-0002-4623-6911

Анаграмма занимает особое место в парадигме энигматических жанров, представляющих собой систему, которая не вызывает трудностей в ее идентификации, так как обязательными структурными элементами всех существующих энигматических жанров являются кодирующая (описательная) часть и отгадка.

С позиций прагматики энигматические тексты в современной науке классифицируются исходя из специфики знаковых и вербальных систем и художественного кода как цифровые, или числовые (судоку, виндоку, какуро, пятнашки, сангоку, числовые кроссворды и антикроссворды и др.) и словесные (словесные кроссворды, сканворды, филворды, чайнворды циклосканворды, кроссчайнворды, антикроссворды), а также – игровые (головоломки, загадки, шарады, анаграммы, метаграммы, логогрифы и т. п.) [1: 12].

При этом основным жанровоопределяющим признаком энигматического текста, по мнению большинства исследователей (М. В. Волкова, Е. А. Денисова, Е. А. Селиванова, Н. Г. Титова и др.), оказывается двухсоставная структура: наличие энигмата (объекта действительности, закодированного в загадке) и энигматора (предмета «замещения»).

Стоит также отметить, что практически все перечисленные разновидности энигматических текстов (кроме числовых) имеют сходное функциональное назначение (испытание догадливости и сообразительности, интеллектуальный тренинг, развлечение, игра), коммуникативный компонент (наличие адресата и адресанта высказывания). Дифференциальными признаками энигматического текста в такой системе координат могут быть признаны вопросно-ответная структура, особая коммуникативная направленность, информационная самодостаточность и содержательная завершенность [2: 9].

Жанр анаграммы, наряду с логогрифом, шарадой и омонимом зарождается в русской поэзии в первой половине XIX в. Построенный по принципу языковой игры, он представляет собой «перестановку в слове или группе слов букв, в результате чего образуется новое слово или ряд слов иного значения» [3: 28–29]. Анаграммой также называют и «словесную игру, в которой возможно обратное чтение слов или фраз» [1: 18]. В отличие от логогрифа, в основе которого лежит «словесная игра, заключающаяся в том, что из букв одного длинного слова составляются другие короткие слова» [3: 146–147], расшифровка кодирующей части анаграммы предполагает перестановку букв в исходном слове посредством чего адресант образует ряд новых слов. Интерпретационное поле анаграммы воссоздает стереотипные представления образованного общества в разные периоды его развития с учетом специфики национальной концептосферы. Процесс преобразования описательной части анаграммы предполагает апелляцию к когнитивной и языковой картине мира адресанта.

Первые примеры стихотворных анаграмм появились в печати в 1820 г. на страницах журнала «Благонамеренный», редактором которого был Александр Измайлов. Этот журнал активно полемизировал с «Невским зрителем» В. К. Кюхельбекера, но конкретной художественной программы не имел: по мнению исследователей, за этой неопределенностью «скрывалась его охранительная идеология» [4: 189]. Постоянным автором «Благонамеренного» был Н. Ф. Остолопов – крупный государственный деятель, «в часы отдохновения» занимавшийся литературой и журналистикой. Именно он был автором «программного документа» о развлекательных жанрах – статьи «О загадке, логогрифе, шараде и омониме» [5:21]. Художественной особенностью загадки Остолопов считал описание некоего образа, который в тексте не назван и который раскрывается посредством указания на его функции и характерные действия: «Загадка есть краткое сочинение, большею частью в стихах, в котором без наименования вещи изъясняют ее через подобно значащие слова, через описание причин, действий, свойств и тем побуждают желание к открытию его значения. Загадка не должна быть так ясна, чтобы отгадать ее не стоило почти никакого труда; она не должна быть и столь темна, чтоб отгадать ее было невозможно» [6: 95–96]. Логогриф, по верному замечанию автора статьи, отличается от жанра классической загадки тем, что в нем зашифровано «не вещь, а слово». Принцип словесной (буквенной) игры, служащий основой преобразования кодирующей части этого жанра, заключается «в отделении некоторых букв от слова или в переставлении слов и букв», в результате чего «выходят другие слова, ясный смысл заключающие, и каждое из сих вновь открытых слов, так же как и то, от коего произошли они, описываются в виде загадки» [6: 98]. Становится очевидным, что логогриф рассматривается Остолоповым

как жанровая разновидность загадки, имеющая сходную семантическую и структурную организацию, но предполагающая иные механизмы расшифровки ее кодирующей части.

Основные тезисы статьи Н. Ф. Остолопова подтверждались многочисленными логогрифами, анаграммами, шарадами, омонимами, опубликованными в журнале в 1820–1824 гг. В основе многих анаграмм, созданных авторами «Благонамеренного», лежит принцип языковой игры, заключающийся в обратном чтении зашифрованных слов (или слова), а также в перестановке слогов в исходном слове:

В шкафах и сундуках нередко обитаю;
На солнце не смотрю и света убегаю,
И хоть животное невидное собой,
Но причиняю вред большой.
Прочти наоборот – иду в употребленье:
Коль нужно лед колоть или ломать строенье
(*моль – лом*) [7: 176].

Читатель! Просто я скажу,
Что обонянию служу;
Обратно – днем я ухожу,
А вместе с ночью прихожу
(*нос-сон*) [8: 204].

Как есть читай меня – я буду житель вод,
Которым в пост питается народ;
А слоги разместя мои наоборот,
Прочтешь, как чернь зовет своих господ
(*рыба–бары*) [9: 80].

В анаграммах отдельных авторов «Благонамеренного» находит отражение литературная полемика 1820-х гг. В одной из анаграмм Ф. Слуткин, используя прием иронии, призывает современных поэтов объективно оценивать свой творческий потенциал, поскольку это позволит им избежать негативных отзывов со стороны читающей публики и литературных критиков. С этой целью в качестве одного из энигматоров им используется имя персонажа древнегреческой мифологии Икара – сына мастера Дедала, соорудившего крылья, скрепленные воском, чтобы спастись с острова Миноса. Икар проигнорировал наставления своего отца и, увлекшись полетом, поднялся очень высоко, прямо к солнцу, лучи которого растопили воск. В результате он упал в воду и утонул [10]. Использование прецедентной образности, а также упоминание горы Парнас подчеркивает сатирический пафос концовки анаграммы:

Там, древни где Цари Египта обитали,
Меня вы, странствуя, найдете без труда;
Перемешав, меня на стол ваш подавали
И при себе имеете всегда;
Перемешав еще, животных тех представлю,
Что в пищу можете и в пост употреблять.
Еще перемешав – род сводов я составлю;
Но ежели меня в четвертый раз смешать,
Урок подам собой, как стихотворцам должно
Взбираться на Парнас умно и осторожно
(*Каир-икра-раки-арки-Икар*) [11: 79].

В отличие от предыдущей анаграммы языковая игра, принять участие в которой автор побуждает читателя, заключается в перестановке букв в начальном слове и образовании новых слов. При этом в тексте сохраняется установка на стереотипность отраженной в нем языковой картины мира, а также на стандартность мышления.

Встречаются в журнале «Благонамеренный» примеры омонима-анаграммы, в основе которого лежит не только механизм одинакового обратного прочтения зашифрованных слов, но и принцип смысловой многозначности:

Оружье древних я – и я же горький плод,
Который в кушаньи у нас употребляют
И очень часто насыпают
В ту вещь, которую мой кажет оборот
(*лук – кул*) [7: 268].

Согласно определению Н. Остолопова, омоним представляет собой «тождеслов или соименник», который создается следующим образом: «должно найти слово, которое имело бы различные значения и каждому из сих значений делать особенное определение по правилам простых загадок, т. е. стараться, чтобы сии определения не были слишком ясны, ни слишком темны и затруднены для отгадывания» [6: 103]. В своем определении Остолопов, как специалист в области поэзии, делает акцент на том, что зашифрованное в омониме слово непременно должно являться многозначным, а кодирующая часть должна обязательно содержать указание на дифференциальные признаки художественного образа, но при этом не называть их прямо.

В творчестве авторов, сотрудничавших с журналом «Благонамеренный», встречается также такая жанровая разновидность, как шарада-анаграмма. Отличие шарады от анаграммы заключается в том, что в ней зашифровано несколько слов, одно из которых «разделенное на составляющие оное слоги, производит другие слова полный смысл имеющие, и когда во первых каждая их таковых частей, а потом и целое слово, объясняются, или описываются по правилам загадки, то есть без наименования самой вещи, а посредством подобно значащих слов…» [6: 99–100]. В своем определении Н. Остолопов поясняет, что закодированное в шараде слово разбивается на несколько составных смысловых частей, которые представляют собой полноценные слова. В шараде-анаграмме анонимного автора журнала закодировано пять разных слов,

первое из которых разделяется на составляющие его слоги, каждому из которых при этом свойственно самостоятельное (законченное) лексическое значение. В результате получаются три отдельных слова: Со (предлог) – Кол (орудие труда и быта) = Сокол – птица из семейства хищников:

Начальное свое в предлогах нахожу;
Концом же я своим крестьянину служу:
Им пажить от скота его оберегаю,
Дрова ему и свет нередко доставляю;
А *весь* в Естественной Истории найдусь
И к хищным птицам отнесусь.
Но чтобы городом явиться,
В порядке только букв мне стоит измениться.
Нас двое одного
В Губернии одной названья; для того
Эпитеты всегда почти к нам прибавляют
И тем от одного другой град отличают.
Теперь в другой ряд вас прошу меня смешать
И летом па полях, на пашнях всех искать:
Крестьянами на них всегда я засеваюсь,
Притом же не один, во множестве рождаюсь
И множество детей на свет произвожу,
От коих после вновь я сам происхожу.
Когда бываю я с детьми, то уважаюсь –
Без них и с стебельком я под ноги бросаюсь
(*Со-кол – Оскол – Колос*) [12: 286–287].

Для того чтобы расшифровать кодирующую часть шарады-анаграммы, адресант должен обладать общим уровнем когнитивного и языкового мышления с адресатом. Поэтический текст предназначен для образованного читателя, располагающего определенным уровнем знаний по грамматике, географии, естественным наукам. Очевидно, что функциональным назначением шарады-анаграммы становится не только языковая игра, но и интеллектуальный тренинг.

В творчестве поэтов XIX в. (в частности В. Алферьева, автора книги «Загадки на святки» 1831 г.) есть также примеры анаграммы-логогрифа, расшифровка кодирующей части которой заключается не только в обратном чтении зашифрованного слова, скрывающего новые смыслы, но и «в отделении некоторых букв от слова» (удалении первой буквы или первого слога, именуемого «головой»):

Прочти меня вперед: я званье небольшое,
При том смешное;
Когда ж назад меня изволишь прочитать:
То можешь мною ты писать и рисовать. –
А кто без головы смешное прочитает:
По музыке меня, наверно, угадает
(*шут–тушь–Ш*) [13: 7–8].

Как показывают приведенные примеры, отличительной чертой жанра анаграммы является его диалогическая структура (субъектно-адресатный строй). Неотъемлемым композиционным элементом выступают побудительные (императивные) формулировки, представляющие собой обращение к читателю, где автор дает необходимые рекомендации по правильному преобразованию закодированного описания и нахождению его вербального обозначения: «Прочти наоборот…»; «Как есть читай меня…»; «Прочти меня вперед…»; «А слоги разместя мои наоборот,/Прочтешь…»

В творчестве поэтов XX в. преобладает жанр классической анаграммы. Он активно разрабатывается И. Рябовым («В часы досуга» 1955 г.), А. С. Шлыковичем («Нам не скучно» 1964 г.), В. Кремневым («Русская красавица» 1992 г.), а также авторами, сотрудничавшими с периодическими изданиями для детей: «Для наших детей», «Жаворонок», «Незабудка», «Труд и забава», «Пионерская правда». Названия книг и журналов указывают на то, что их авторы и составители делали акцент на развлекательной направленности анаграмматического жанра и рассматривали его как средство заполнения досуга.

По способу представления энигматов (зашифрованных слов) русские поэтические анаграммы XIX–XX вв. подразделяются на номинативные, локативные, темпоративные, дестинативные и каузативные.

Кодирующая часть *номинативных* анаграмм, как правило, включает упоминание стереотипных фактов и наименований, географических названий, имен и фамилий известных личностей и исторических деятелей:

Я то ж, что были между Россов
Бессмертны славою Державин, Ломоносов;
Переверни меня:
Я тот, кто изобрел Славянски письмена
(*лирик – Кирилл*) [14: 182].

Если прямо ты прочтешь,
Город русский назовешь,
Если слог лишь переставишь,
То в Америку направишь
(Баку – Куба) [15: 59].

Кто по воде так быстро мчится?
Найди название ему.
Прочти иначе – превратится
Он в детский лагерь, что в Крыму
(*Катер – Артек*) [16:152].

Распознать смысл зашифрованного описания и найти его вербальное обозначение может только адресат, обладающий развитой когнитивной базой и общим языковым уровнем мышления с адресантом.

В *дестинативных* анаграммах импликация и одновременно экспликация энигматов осуществляется посредством указания их целевого предназначения:

Пособием его и зрячий и слепой,
Не видя, распознает розы;

Его страшат зимой морозы;
Наоборот, он в тьме ночной
Покоит сладкой тишиной
(*нос-сон*) [17: 322].

Меня употребляют
Хирург, столяр и плотник.
Меня здесь каждый знает,
Хозяин и работник;
Но буквы переставишь –
Садов я украшенье.
В лесу ж меня оставишь.
Служу отдохновеньем
Я путникам-туристам,
Коль под мой кров тенистый
Спешат они укрыться
И сладким сном забыться
(*пила-липа*) [18: 14].

Интерпретационное поле *локативных* анаграмм предполагает апелляцию к ассоциациям по смежности в пространстве, отражающим взаимосвязь между объектами и реалиями материального мира:

Я украшаю луг, поляну,
Цветок для всех знакомый я,
А буквы переставь, я стану
Презлое насекомое
(*ромашка-мошкара*) [16: 155].

Если просто прочитаешь,
Я расту в лесу, в саду;
Но лишь буквы ты смешаешь –
Я помощница труду
(*липа-пила*) [19: 536].

Временная характеристика вербализуемых понятий (указание характерного времени года) лежит в основе кодирующей части *темпоративных* анаграмм:

Легко дыша в моей тени
Меня ты летом часто хвалишь.
Но буквы переставь мои –
И целый лес ты мною свалишь
(*липа-пила*) [16: 152].

Весеннею иль летнею порой
Я тешу взор, читатель, твой
Разнообразием и вместе простотой;
Но спустится зима, ты близь меня проходишь,
И уж ничто тебя не веселит во мне,
Лишь глыбы снежные одне,
Унынье и печаль находишь
И обнаженную природу там,
Где прежде прелестей соединенье
Являлося глазам.
Оборотив меня, найдешь, что по лесам,
По долам, по горам
Нередко раздается
И в отдаление, теряяся, несется
(*луг-гул*) [9: 230].

Каузативные анаграммы являются самой малочисленной группой и представляют собой апелляцию к причинно-следственным отношениям, характеризующим специфику взаимосвязи между двумя зашифрованными понятиями и лексемами их обозначающими:

Причина, коею бунтовщики мечтают
Быть вправе взволновать народ
Показывает им сама на обороте
Чем казнь за это совершают
(*ропот-топор*) [14: 192].

Как и другие разновидности энигматического дискурса, жанр анаграммы характеризуется наличием прецедентной (мифологической) образности, посредством которой создается переосмысленная номинация, цель которой – указать на сложные ассоциативные и оценочные отношения, существующие в мировоззрении читателя и отраженные в языковой картине мира:

Читай меня направо:
Я утверждаю все, что истинно и право;
Но быв прочитан слева,
Владенье я Эрева
(*да-ад*) [13: 219].

Я грозный бог войны; полки на брань веду.
А если трус от страха задрожит,
И с поля битвы побежит,
Переверну – клеймо на лоб ему кладу
(*Марс-срам*) [20: 219].

Упоминание прецедентной образности: имени Эрева, сына Хаоса и брата Ночи, который в греческой мифологии выступал персонификацией мрака, преисподней [21: 123], и апелляция к имени бога войны выступают в анаграммах своеобразными семантическими маркерами, вызывающими в сознании читателя определенные культурно-исторические ассоциации.

Мифопоэтическая картина мира изображена в анаграмме о потопе, отгадка к которой представляет собой палиндром, на что указывает автор в зачине:

Как ни читай меня, читатель,
А смысла я не изменю:
Читай вперед – я злой каратель,
Весь род людской собой гублю.
Читай назад – все то же слово,
Все тот же бич я для людей:
Через меня все в мире ново,
Хотя для мира я злодей
(*потоп*) [22: 234].

Создавая энигматический образ, поэт опирается на прецедентные мифологические сюжеты. Концепт «потоп» является неотъемлемой частью исторического и религиозно-философского менталитета христианина. Автор

обращается к ветхозаветному сюжету о Всемирном потопе. Согласно Книге Бытия, потоп явился Божественным возмездием за нравственное падение человечества. Он стал «катаклизмом мирового значения», повлекшим за собой гибель всего живого [23: 819]. Для описания разрушительного воздействия изображаемого им феномена поэт использует когнитивные метафоры, имеющие негативную оценочную семантику: «каратель», «злодей». Несомненно, потоп трактуется им как природная стихия, уничтожающая все на своем пути.

Вместе с тем автор указывает на созидательные последствия репрезентируемого им образа: «Через меня все в мире ново». И это уточнение также в полной мере соответствует содержанию эсхатологических мифов, согласно которым, после окончания ливня, продолжавшегося в течение очень длительного периода времени, «начинается новая, часто более праведная жизнь в соответствии с божественными заповедями» [23: 819].

Анализ интерпретационного поля анаграммы позволяет сделать вывод о том, что основная функция этого энигматического жанра заключается в «образной переосмысленной номинации», цель которой состоит в указании на «сложные ассоциативные, оценочные и иерархические отношения, существующие в народном мировоззрении и отраженные в языковой картине мира» [24: 18]. Прецедентный потенциал энигматического текста обусловлен архетипическим значением художественного образа, созданного в ней.

Рассматривая сходство анаграммы с другими энигматическими жанрами, нужно указать на имеющиеся дифференциальные признаки. В отличие от жанра шарады, в котором завуалированное описание энигмата создается посредством апелляции к ассоциациям по сходству, в основе анаграммы, как правило, лежат ассоциации по контрасту:

В дни лета, жаркою порою,
Могу от зноя вас укрыть;
Прочти назад, могу собою
Обогатить и разорить
(*грот-торг*) [6: 202].

Прямо ты меня прочтешь –
Я безжалостно морю;
Если же перевернешь,
Оживленьем я дарю
(*мор-ром*) [25: 28].

Отдельного внимания заслуживает структурно-композиционная организация анаграммы, а также – способы создания ее кодирующей части, в которой не только раскрываются дифференциальные свойства имплицитных образов, но и характеризуется специфика их вербального обозначения (или преобразования). Большинство анаграмм представляют собой разделительно-категорические высказывания, в которых делается акцент не только на разности семантической нагрузки энигматов, но и на отличии в их вербальной репрезентации.

В кодирующей части *императивных* анаграмм утверждается абсолютная идентичность вербальной номинации имплицитных образов:

Направо ли меня, налево ли прочтете,
Одно и то ж во мне найдете.
Природа всех людей,
Всех птиц, всех рыб и всех зверей
Вдвое мной наградила,
И только камбала чудесно отличила
(*око*) [25: 15].

Как меня не прочитай,
Все одно и то же.
Нами занят целый край…
Угадайте, что же?
(*казак*) [25: 116].

Интерпретационное поле *репрезентативных* анаграмм содержит указание характерных признаков и свойств энигматов. В ней отсутствуют авторские рекомендации по вербализации зашифрованных понятий, что, несомненно, усложняет процесс преобразования закодированного смысла:

Меня часто при слове лиса употребляют,
А меня в пирогах поедают
(*кума-мука*) [18: 14].

На взгляд я небольшая птица,
Охотник это знает всякий,
Но мне нетрудно превратиться
В породу комнатной собаки
(*дупель-пудель*) [16: 155].

Отдельные анаграммы по способу представления энигматов и их вербального обозначения напоминают жанр метаграммы, отличительной особенностью которого является замена начальной буквы в исходном слове:

Невелика я, все ж, взгляните, –
Весь мир в себе я отражаю,
А «К» на «Ц» перемените –
Я по болоту зашагаю
(*капля-цапля*) [16: 152].

Подобный подход к изображению имплицитных образов и их эксплицитных аналогов, во-первых, существенно упрощает процесс преобразования кодирующей части, а во-вторых, рассчитан не столько на слуховое восприятие поэтического текста, сколько на визуальное.

Таким образом, анаграмма является культурно-маркированным типом текста. Процесс

преобразования кодирующей части анаграммы предполагает не только привлечение образно-ассоциативного мышления, но и обусловлен языковым опытом адресата. К художественным особенностям анаграммы относятся стереотипность, ассоциативность, прецедентность, смысловая завершенность, прямое преобразование зашифрованного смысла. Во многих анаграммах реализуется механизм языковой игры, заключающийся не только в составлении новых слов посредством перестановки букв, но и реализующийся в процессе поиска (подбора) слов, имеющих одинаковое прочтение как справа налево, так и слева направо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Селиванова Е. А.* Энигматический дискурс : вербализация и когниция. Черкассы : Изд-во Ю. Чабаненко, 2014. 224 с.

2. *Денисова Е. А.* Структура и функции энигматического текста (на материале русских загадок и кроссвордов) : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2008. 27 с.

3. *Квятковский А. П.* Поэтический словарь. М. : Сов. энцикл., 1966. 376 с.

4. *Проскурин О. А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. (Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 6). М. : ОГИ, 2000. 368 с.

5. *Жеребнов А. А.* А. Е. Измайлов и его журнал «Благонамеренный» в журнальной полемике 1820-х годов // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 4. С. 21–23.

6. Благонамеренный. СПб., 1820. Ч. 9. 448 с.

7. Благонамеренный. СПб., 1821. Ч. 14. 381 с.

8. Благонамеренный. СПб., 1821. Ч. 15. 428 с.

9. Благонамеренный. СПб., 1820. Ч. 10. 457 с.

10. *Овидий.* Наука любви II 45–96 ; Метаморфозы VIII 211–235 ; *Сенека.* Эдип 892–908.

11. Благонамеренный. СПб., 1824. Ч. 25. 459 с.

12. Благонамеренный. СПб., 1824. Ч. 26. 438 с.

13. *Алферьев В.* Загадки на святки. М. : Тип. С. Селивановского, 1831. 30 с.

14. Подарок на святки 1820–1821 годов : увеселительные игры, загадки, шарады и прочее. СПб. : В тип. И. Байкова, 1820. 195 с.

15. Труд и забава. 1906. № 4. 64 с.

16. *Шлыкович А. С.* Нам не скучно. М. : Дет. лит., 1964. 270 с.

17. *Федоров Б. М.* Стихотворения для детей, от младшего до старшего возраста, расположенные в двадцати двух отделах : в 2 ч. 2-е изд. Ч. 2. СПб. : Паньков, 1858. 316 с.

18. *Деркачев И. П.* Забава всему приправа. М. : Изд. А. Д. Ступина, 1897. 32 с.

19. Детское чтение. Т. XIX / под ред. В. П. Острогорского. СПб. : Изд-во В. П. Богородина, 1878.

20. Детская настольная книга, в которой заключаются повести, разговоры, басни, надписи к государям и великим мужам, лирические стихотворения, детский пролог, анекдоты, вопросы, шарады и проч. М. : В тип. Лазаревых, 1843. 256 с.

21. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М. : Сов. энцикл., 1990. 672 с.

22. Час досуга. 1860. № 2.

23. *Топоров В. Н.* Потоп // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Сов. энцикл, 1980–1982. Т. 2 : К-Я, 1982. 719 с.

24. *Семененко Н. Н.* Прецедентный потенциал паремий как проблема семантического исследования // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2009. № 2 (10). С. 17–23.

25. Сфинкс. Сборник шарад, загадок, ребусов и пр. Занимательное времяпрепровожденье для всех возрастов. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1889. 227 с.

REFERENCES

1. Selivanova Ye. A. *Enigmaticheskiy diskurs : verbalizatsiya i kognitsiya* [Enigmatic Discourse: Verbalization and Cognition]. Cherkassy, Izd-vo Yu. Chabanenko, 2014. 224 p. (in Russian).

2. Denisova Ye. A. *Struktura i funktsii enigmaticheskogo teksta (na materiale russkikh zagadok i krossvordov)* [The structure and functions of the enigmatic text (based on Russian riddles and crossword puzzles)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2008. 27 p. (in Russian).

3. Kvyatkovskiy A. P. *Poeticheskiy slovar'* [Poetic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1966. 376 p.

4. Proskurin O. A. *Literaturnyye skandaly pushkinskoy epokhi* [Literary scandals of the Pushkin era (Materials and research on the history of Russian culture. Iss. 6)]. Moscow, OGI, 2000. 368 p. (in Russian).

5. Zherebnov A. A. A. A. E. Izmaylov and his Magazine "Blagonamerenniy" in the Magazine Controversy of the 1820s. *RSUH/RGGU Bulletin. Ser. History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, 2015, no. 4, pp. 21–23 (in Russian).

6. Blagonamerennyy [Well-meaning]. Saint Petersburg, 1820. Ch. 9. 448 p. (in Russian).

7. Blagonamerennyy [Well-meaning]. Saint Petersburg, 1821. Ch. 14. 381 p. (in Russian).

8. Blagonamerennyy [Well-meaning]. Saint Petersburg, 1821. Ch. 15. 428 p. (in Russian).

9. Blagonamerennyy [Well-meaning]. Saint Petersburg, 1820. Ch. 10. 457 p. (in Russian).

10. Ovidiy. *Nauka lyubvi II* [Ovid. Science of Love II] 45–96; *Metamorfozy VIII* [Metamorphoses VIII] 211–235; *Seneka. Edip* [Seneca. Oedipus] 892–908 (in Russian).

11. Blagonamerennyy [Well-meaning]. Saint Petersburg, 1824. Ch. 25. 459 p. (in Russian).

12. Blagonamerennyy [Well-meaning]. Saint Petersburg, 1824. Ch. 26. 438 p. (in Russian).

13. Alfer'yev V. *Zagadki na svyatki* [Riddles for Christmastide]. Moscow, Tip. S. Selivanovskogo, 1831. 30 p. (in Russian).

14. *Podarok na svyatki 1820–1821 godov : uveselitel'nyye igry, zagadki, sharady i procheye* [Gift for Christmastide 1820–1821 : fun games, riddles, charades and more]. Saint Peterburg, Tip. I. Baykova, 1820. 195 p. (in Russian).

15. *Trud i zabava* [Work and fun], 1906, no. 4, 64 p. (in Russian).

16. Shlykovich A. S. *Nam ne skuchno* [We are not bored]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1964. 270 p. (in Russian).

17. Fedorov B. M. *Stikhotvoreniya dlya detey, ot mladshego do starshego vozrasta, raspolozhennyye v dvadtsati dvukh otdelakh: v 2 ch. 2-ye izd.* [Poems for children, from younger to older, located in twenty-two sections : in 2 h. 2nd ed.] Saint Petersburg, Pan'kov, 1858. Vol. 2. 316 p. (in Russian).

18. Derkachev I. P. *Zabava vsemu priprava* [Fun for everything]. Moscow, Izd. A. D. Stupina, 1897. 32 p. (in Russian).

19. *Detskoye chteniye* [Children's reading], vol. XIX. Saint Petersburg, Izd-vo V. P. Bogorodina, 1878 (in Russian).

20. *Detskaya nastol'naya kniga, v kotoroi zaklyuchayutsya povesti, razgovory, basni, nadpisi k gosudaryam i velikim muzham, liricheskie stikhotvoreniya, detskii prolog, anekdoty, voprosy, sharady i proch.* [Children's reference book, which contains stories, conversations, fables, inscriptions to sovereigns and great men, lyric poems, children's prologue, anecdotes, questions, charades, etc.]. Moscow, V tip. Lazarevykh, 1843. 256 p. (in Russian).

21. *Mifologicheskiy slovar' : gl. red. Ye. M. Meletinskiy* [Meletinskiy Ye. M., ed. Mythological dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. 672 p. (in Russian).

22. *Chas dosuga* [Leisure hour], 1860, № 2 (in Russian).

23. Toporov V. N. Potop [Flood]. In: *Mify narodov mira. Entsiklopediya : v 2 t. : gl. red. S. A. Tokarev* [Tokarev S. A., ed. Myths of the peoples of the world: encyclopedia : in 2 vol.]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 2008. 1980–1982. T. 2 : Q-Z. 1982. 719 p. (in Russian).

24. Semenenko N. N. Precedent Potencial of paremies as an Issue of Semantic Research. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, Ser. 2 : Yazykoznaniye*, 2009, № 2 (10), pp. 17–23 (in Russian).

25. *Sfinks. Sbornik sharad, zagadok, rebusov i pr. Zanimatel'noye vremyapreprovozhden'ye dlya vsekh vozrastov* [Collection of charades, riddles, puzzles, etc. An entertaining pastime for all ages]. Saint Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova, 1889. 227 p. (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Струкова Т. В. Анаграмма как энигматический жанр // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 302–309. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-302-309

For citation

Strukova T. V. Anagram as an Enigmatic Genre. *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 302–309 (in Russian). DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-302-309

Поступила в редакцию: 17.01.2020 / Принята: 23.03.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Received: 17 January 2020 / Accepted: 23 March 2020 / Published: 30 November 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

УДК 811.161.1'373:791(540)
ББК 81.2Рус-3
DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-310-316

А. К. Кхемка
Томск, Россия

Функционирование клишированных конструкций в речевом жанре киноанонса (на материале киноанонсов к индийским фильмам в Интернете)

Статья затрагивает актуальные проблемы изучения речевых жанров, функционирующих в Интернете, и вписывается в контекст современных исследований в области виртуального жанроведения. В статье рассматривается речевой жанр киноанонса и описываются средства его языкового воплощения, в частности анализируются клишированные конструкции. Материалом выступают 250 киноанонсов к индийским фильмам, написанных на русском языке и размещенных на сайте Indiankino.net. Предлагается описательная модель речевого жанра киноанонса, включающая параметры: коммуникативная цель и тип речевого жанра, образ автора и образ адресата, образ будущего и образ прошлого, композиция киноанонса, тип диктумного содержания, средства языкового воплощения, невербальные средства; рассматривается функционирование клишированных конструкций во всех композиционных частях анализируемых текстов (названии фильма, завязке, кратком сюжете фильма, развязке). Исследование показало, что клише функционируют в каждом композиционном элементе. Выявлены основные функции клишированных конструкций в речевом жанре киноанонса: воздействующая, рекламная функция, а также текстостроительная и жанрообразующая функции.

Ключевые слова: *речевые жанры, киноанонс, виртуальное жанроведение, клише, индийские фильмы, кино, Индия.*

Сведения об авторе: *Кхемка Ананд Кумар, аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета.*
Место работы: Томский государственный университет.
E-mail: *anandkhemka45@gmail.com*
https://orcid.org/0000-0002-8741-389X

Anand K. Khemka
Tomsk, Russia

Functioning of Clichéd Constructions in the Speech Genre of Cinema Announcement (based on Internet Movie Announcements of Indian Films)

The article touches upon current problems of speech genres functioning on the Internet and fits into the context of modern research in the field of virtual genre studies. The article discusses the speech genre of the movie announcement and describes the means of its language embodiment. The research is focused on the analysis of clichéd constructions and is based on 250 Indian film announcements written in Russian and posted on Indiankino.net. The author offers a descriptive model of the movie announcement speech genre which includes the following parameters: the communicative goal and type of speech genre, the image of the author and the addressee, the image of the future and the image of the past, the composition of movie announcement, the type of dictum content, means of its linguistic embodiment, non-verbal means. There is a special focus on the use of clichéd constructions in all compositional parts of the analyzed texts (name of the film, exposition, plot of the film, denouement). The research has shown that clichés function in every compositional element. The author singles out the main functions of clichéd constructions in the speech genre of the movie announcement: persuading function, advertising function, as well as text-building and genre-forming functions.

Keywords: *speech genres, movie announcement, virtual genre studies, cliché, Indian films, cinema, India.*

About the author: *Khemka Anand Kumar, PhD student of the Department of Russian Language, Tomsk State University.*
Place of employment: Tomsk State University.
E-mail: *anandkhemka45@gmail.com*
https://orcid.org/0000-0002-8741-389X

Введение

Интернет как относительно новая коммуникативная среда является актуальным и интересным объектом исследования. В нём порождаются новые и трансформируются бытовавшие до этого типы текстов, их исследования легли в основу возникновения нового направления в российской лингвистике – виртуального жанроведения, основная задача

© Кхемка А. К., 2020

которого – описание и структурирование всего многообразия виртуальных или интернет-жанров и способов их классификации [1].

Целью настоящей статьи является выявление и описание средств языкового воплощения речевого жанра киноанонса, функционирующего в Интернете. В частности, подробнее остановимся на изучении клише и определении их функций в исследуемых текстах.

Вслед за М. М. Бахтиным, основоположником теории речевых жанров, в данной работе речевые жанры понимаются как относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний [2]. Эти высказывания, по мнению исследователя, являются неоднородными, их объем может варьироваться «от короткой однословной реплики бытового диалога и до большого романа или научного трактата» [3: 261].

Материалом для исследования послужили 250 киноанонсов (на русском языке) к индийским фильмам, размещённым на сайте Indiankino.net. Средний объём исследуемых текстов составляет 6–8 предложений (от 60–100 слов до 350–1000 знаков). Это киноанонсы к фильмам разных жанров: мелодрамам, драмам, триллерам, комедиям, боевикам и т. д.

Киноанонс как речевой жанр

Изучение отдельных речевых жанров, в том числе разных видов анонсов, является очень популярным и актуальным в лингвистике. Так, к настоящему времени исследователи обратили внимание на анонсы, функционирующие в разных типах дискурса, среди которых выделяют новостной анонс [4], спортивный анонс [5], телевизионный анонс [6], анонс радионовостей [7], книжный анонс [8], анонс художественных произведений [9], а также киноанонс [10, 11]. С появлением и развитием Интернета стали изучаться анонсы, бытующие в этой коммуникативной среде.

В рамках лингвистических исследований рассматриваются киноанонсы на немецком языке [10, 12], русском языке [13], в русской и английской лингвокультуре [14]. Мы рассматриваем киноанонсы к индийским фильмам на русском языке, и они пока не становились объектом отдельных исследований. Кроме этого, киноанонс до сих пор не был изучен как речевой жанр.

При этом отметим, что Индия – крупнейший в мире кинопроизводитель, который ежегодно выпускает порядка 1500 фильмов [15]. Индийское кино смотрят в разных странах мира, в том числе и в России. Судьба индийского кинематографа в России, по мнению исследователей, сложна и неоднородна: начиная с 1950-х гг. интерес советских зрителей к нему стал постепенно расти, успешный прокат индийских кинофильмов продолжался впоследствии несколько десятилетий, а с начала 1990-х гг. индийское кино постепенно сходило с больших киноэкранов, с конца 1990-х гг. и в настоящее время благодаря распространению кабельных телеканалов и интернет-ресурсов, посвященных индийской культуре и кинематографу, происходит постепенное возвращение российского зрителя к индийскому кинематографу, он «вновь начинает завоевывать внимание отечественного зрителя, пусть и не столь широко, как это было в советский период, но интерес к индийским фильмам современной тематики прослеживается» [16: 71].

Киноанонс – один из основных источников информации о фильме и его кратком содержании; это неотъемлемая часть современной киноиндустрии, потому что он выполняет функцию рекламы фильмов. Поскольку исследуемые тексты обладают относительно устойчивой композицией, тематикой и языковыми средствами, мы считаем киноанонс одним из речевых жанров.

Киноанонс с точки зрения теории речевых жанров по признаку производности является вторичным (сложным) речевым жанром. С одной стороны, он является вторичным, поскольку создается после знакомства с фильмом, с другой стороны, по мнению М. М. Бахтина, в процессе своего формирования вторичные (сложные) речевые жанры вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения [17]. В речевом жанре киноанонса встречаются первичные речевые жанры, например:

– императивные (*Если вы любите индийские фильмы за их музыкальную патоку и хэппи-энды, не смотрите это кино. Если вы хотите посмотреть настоящую индийскую драму, обязательно посмотрите фильм «Третья клятва»; Представьте себе, что у вас появилась уникальная возможность – вы с легкостью можете читать все сокровенные мысли своей любимой девушки. Кроме того, вы можете не просто читать мысли, но и у вас дар управлять ее эмоциями и желаниями. Чтобы вы тогда сделали?*);
– информативные (*В центре повествования находится сразу три истории любви. Молодым людям пришлось расстаться из-за проделок заговорщиков ещё в средневековье, а затем они перемещаются в наше время, где им суждено вновь встретиться уже в Лондоне. Однако на этот раз им всем предстоит пройти через множество испытаний, которые проверят*

на прочность их чувства. Пары оказываются разлучены, так что для начала героям фильма предстоит снова выяснить, кто кого любит на самом деле.);

– оценочные (*Любовь – это волшебный и удивительный мир, в котором многим вообще не суждено никогда побывать. А кому-то в этой жизни везет гораздо больше, и они не раз испытывают это удивительное чувство, когда в тебе теплиться что-то новое, совершенно пока не знакомое ощущение, которое толкает тебя на подвиги…*) речевые жанры.

Функции клише в речевом жанре киноанонса

Как уже отмечалось, в данной работе рассматривается функционирование клишированных конструкций в речевом жанре киноанонса, что включается в изучение средств его языкового воплощения как одного из параметров описательной модели исследуемого жанра, в основе которой лежит анкета речевых жанров, разработанная Т. В. Шмелевой [18]:

- коммуникативная цель и тип речевого жанра,
- образ автора и образ адресата,
- образ будущего и образ прошлого,
- композиция киноанонса,
- тип диктумного содержания,
- **средства языкового воплощения**,
- невербальные средства.

Среди средств языкового воплощения киноанонсов мы выделяем антропонимы, топонимы, лексические единицы, входящие в лексико-семантическое поле «кино», оценочные прилагательные, разнообразные выразительные средства: метафоры, эпитеты, сравнения, глаголы в форме прошедшего времени или настоящего исторического, вопросительные конструкции и др. Наряду с ними отметим активное использование авторами киноанонсов клишированных конструкций. Средства языкового воплощения и клишированные конструкции участвуют в реализации всех указанных параметров речевого жанра киноанонса. Например, в некоторых киноанонсах эксплицирована коммуникативная цель, и она может выражаться с помощью клише: ***Представляем вашему вниманию*** *новый южноиндийский экшн-фильм.*

В словаре лингвистических терминов клише рассматривается как речевой стереотип, готовый оборот, используемый в качестве легко воспроизводимого в определённых условиях и контекстах стандарта. В отличие от штампа, представляющего собой избитое выражение с потускневшим лексическим значением и стертой экспрессивностью, клише образует конструктивную единицу, сохраняющую свою семантику, а во многих случаях и выразительность [19]. Подобное определение даётся в словаре «Культура русской речи» [20: 574–575].

Функционирование клише исследуется на материале разных жанров и типов дискурса. Н. В. Сорокина отмечает, что в современном русском языке клише используются для обозначения повторяющихся в речи элементов, и что «в качестве клише могут рассматриваться фразеологизмы, частотные сочетания, стандартные реплики, лозунги, популярные цитаты и многое другое» [21: 257.].

Изучается функционирование клише в процессе речевого общения [22, 23]; рассматривается их роль в переводческой деятельности [24, 25]. Изучение клише осуществляется на материале текстов СМИ [26, 27, 28]; в политическом и медийном дискурсах [29, 30]. В. А. Дмитриева при анализе эффективности языково-стилистических приёмов в текстах киноанонсов отмечает наличие в них клише [31]. О. С. Рогалева, рассматривая структурное и языковое оформление киноанонсов, указывает на наличие в текстах устойчивых словосочетаний, выражений и фразеологизмов в качестве выразительных средств [13].

Однако функционирование клише в киноанонсах изучено не в полной мере, хотя они встречаются в каждом исследуемом тексте:

Например:

1. В центре развития событий[1] *находится* ***2. девушка по имени*** *Сунайна, которая* ***3. мечтает достичь успеха****. Она* ***4. долго планировала своё будущее****, однако* ***5. череда случайностей 6. целиком и полностью 7. разрушила её мечты****. Сунайну изнасиловал богатый бизнесмен Радж. Конечно же, главная героиня* ***8. горит желанием отомстить своему обидчику****. Она* ***9. открывает свой бизнес****, становясь конкурентом Раджа. Постепенно ей удаётся* ***10. захватить практически весь рынок****, и компания её обидчика начинает банкротиться. Всё это девушке* ***11. удалось провернуть*** *благодаря* ***12. правильным знакомствам****, без которых она вряд ли смогла бы* ***13. нанести такой болезненный удар*** *по бизнесу Раджа.*

Как видим, в указанном примере киноанонса, состоящего из 7 предложений, встречается 13 клишированных конструкций. Если убрать их из текста, то его смысл станет непонятен.

В исследуемых текстах выделяются четыре основных композиционных элемента:

[1] Цифрами в примерах отмечены клишированные конструкции.

1) название фильма,
2) завязка,
3) краткий сюжет фильма,
4) развязка.

Клише функционируют в каждом элементе.

1. Название фильма – это неотъемлемая часть киноанонса, которая носит рекламный характер и в отличие от других структурных компонентов ее смысл раскрывается в основном тексте киноанонса. Название фильма может быть не информативным, так как не всегда дает представление о содержании фильма. Следует отметить, что названия фильмам дает не автор киноанонса, они переводятся с индийских языков на русский язык и обычно перерабатываются таким образом, чтобы привлечь внимание русской аудитории, сохраняя при этом национальную специфику и рекламную функцию. Большинство исследуемых названий фильмов включает в себя клишированные конструкции: *В двух словах, Тесная связь, Любовь не знает границ, Любовь творит чудеса*, *Приятные воспоминания*, *Любовь с первого взгляда, Узы любви, Не все потеряно* и т. д. Они выражаются как словосочетаниями, так и предложениями, и выполняют функции воздействия, привлечения внимания, рекламную функцию, поскольку именно название фильма даёт начальное представление о фильме. Вместе с тем, они выполняют и жанрообразующую функцию, поскольку речевой жанр киноанонса существует только в связке с названием фильма.

2. Завязка может включать в себя разнообразную информацию. Анализ материала показал, что обычно в завязках даются: период времени, в который происходит действие фильма, сведения о режиссёре, информация о содержании фильма. Эти данные также включают клише: ***1. Действие фильма разворачивается*** *где-то на севере Индии. Сугандха и Мудит надеются* ***2. в скором времени 3. сыграть свадьбу****; Главный герой фильма, парень по имени Шив, встретил красавицу Сайру и* ***4. влюбился в неё с первого взгляда****. Между ними* ***5. начали развиваться отношения****…;* ***6. В центре повествования находится*** *простая девушка по имени Бинду. Молодой человек Абхи влюблён в неё, однако ему* ***7. никак не удаётся добиться*** *от Бинду* ***ответных чувств****. И т. д.*

Можно проанализировать в данных выше примерах, что эти единицы не теряют смысл высказывания, они являются конструктивными элементами киноанонсов и выполняют ряд функций: с одной стороны, текстостроительную и жанрообразующую, с другой стороны, поскольку тексты киноанонса в целом имеют рекламную функцию, то его отдельные элементы направлены также на реализацию данной функции. Готовые конструкции – клише выполняют и функцию экономии речевых усилий: авторы киноанонсов зачастую используют одни и те же клише в разных текстах: *Рохит и Рашми* ***полюбили*** *друг друга* ***с первого взгляда;*** *Он* ***влюбился в неё с первого взгляда****, и через некоторое время Ишита ответила ему взаимностью; Молодые люди* ***влюбились друг в друга с первого взгляда,*** *и теперь они понимают, что были* ***созданы друг для друга****; Они не так уж много времени провели на курорте вместе, однако всё же успели понять, что буквально* ***созданы друг для друга****; Они мечтают о будущем и считают, что они просто* ***созданы друг для друга*** *и мн. др.*

3. Краткий сюжет фильма – это такая же неотъемлемая часть киноанонса, как и название фильма. Здесь даётся очень сжатое представление о содержании фильма. В этом элементе композиции киноанонсов также употребляются клишированные конструкции:

а) *Он* ***достигает невероятных высот в своей профессии****, становясь* ***одним из самых известных*** *авторов книг в жанре ужасы.* ***В один прекрасный день*** *Абхи решает посетить дом, где* ***прошло всё его детство****. Он находит там кассету, на которой записаны диалоги между ним и Бинду;*

б) *Главная героиня отправляется в соседнюю страну* ***вместе со всем своим семейством.*** *Однажды Шин* ***встречает*** *обаятельного* ***парня*** *по имени Фаиз и* ***влюбляется в него с первого взгляда****. Их* ***отношения начинают своё стремительное развитие****, однако семьи молодых людей* ***выступают против этого союза****.* ***В конце концов наступает момент****, когда Шин и Фаиз должны* ***предпринять решительные действия*** *для того, чтобы* ***сохранить свою любовь****.*

В этой части киноанонса клише и штампы выполняют те же функции, что и в первых двух частях.

4. В развязке зачастую встречается открытый или неожиданный финал, противоречащий предыдущим частям киноанонса. Здесь также можно отметить наличие клишированных конструкций: ***Несмотря ни на что*** *парень решает оставаться с ней* ***при любых обстоятельствах****:* ***и в горе и в радости****; Неужели,* ***находясь настолько близко к своей цели****, он так и не сможет* ***завоевать её сердце****?; Неужели им больше никогда не* ***суждено быть вместе****?; Девушка прекрасно понимала, что* ***насколько бы сильными не были её чувства****,*

она не сможет ***построить своё счастье*** *с бедняком Адилом…; Как будут* ***развиваться отношения*** *Аншула, Таруна и Сиддхарта с девушками?*

Эта часть киноанонса, как и другие, как правило, нацелена на привлечение внимания адресата, последние предложения киноанонсов содержат некую интригу и вызывают интерес потенциального зрителя, желание посмотреть фильм, чтобы узнать, чем заканчивается описанная в киноанонсе история. Клишированные конструкции также участвуют в создании интриги, выполняют воздействующую, рекламную функцию, а также текстостроительную и жанрообразующую.

Заключение

Таким образом, киноанонс – вторичный речевой жанр, включающий в себя первичные информативные, императивные и оценочные речевые жанры и т. д., обладающий относительно устойчивой композиционной, тематической и стилистической организацией. Клишированные конструкции присутствуют в каждой композиционной части киноанонсов и выполняют воздействующую, информативную, текстостроительную, жанрообразующую функции и функцию экономии речевых усилий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горошко Е. И.* Теоретический анализ интернет-жанров : к описанию проблемной области // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. С. 370–389.

2. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Литературно-критические статьи. М. : Худож. лит., 1986. С. 428–473.

3. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М. : Искусство, 1979. 424 с. (Из истории сов. эстетики и теории искусства).

4. *Ковальчукова М. А.* Новостной анонс в сети Интернет как речевой жанр дискурса СМИ : автореф. дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2009. 24 с.

5. *Жаркова У. А.* К проблеме интердискурсивности типа текста «Спортивный анонс» (на материале немецкоязычных текстов) // Вестн. Нижневарт. гос. ун-та. 2014. № 4. С. 21–29.

6. *Малыгина Л. Е.* Телевизионный анонс : Лингвостилистическая трансформация жанра // Русская речь. 2009. № 6. С. 76–79.

7. *Грибкова Е. И.* Реализация речевого воздействия в анонсе радионовостей // Наука и общество. 2013. № 2 (11). С. 11–14.

8. *Гладкова Н. П.* Лексико-грамматические и жанрово-стилистические особенности книжного анонса // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем : сб. ст. по материалам IV Ежегод. науч.-практ. конф. «Университетская наука – региону» (Ставрополь 12–19 апреля 2016 г.). Ставрополь : Параграф, 2016. С. 101–107.

9. *Сараева К. И.* Анонс : способы выражения базовых компонентов (на материале анонсов художественных произведений на французском языке) // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 2. Филология и искусствоведение. 2013. № 2 (121). С. 98–103.

10. *Колодная Ю. А.* Лингвопрагматические характеристики печатного креолизованного текста киноанонса (на материале немецкого языка) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2006. 21 с.

11. *Панченко С. А.* Лінгвістичні параметри кіноанонсу : автореф. дис. … канд. филол. наук. Днепропетровск, 2008. 20 с.

12. *Алексеева М. Г.*, *Осипян К. П.* Специфика реализации информационной и апеллятивной функций киноанонса (на материале современного немецкого языка) // Вопросы филологии и переводоведения в контексте современных исследований : сб. науч. ст. XI Междунар. науч.-практ. конф. «Вопросы языковой динамики и лингводидактики : современные взгляды и научные исследования» (Чебоксары, 26 апреля 2019 г.). Чебоксары : Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-та, 2019. С. 3–7.

13. *Рогалева О. С.* Современный киноанонс как тип текста : структурное и языковое оформление // Коммуникативные исследования. 2015. № 3 (5). С. 76–86.

14. *Кашкарова О. В.* Лексико-семантические особенности текста киноанонса в английской и русской лингвокультурах // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2016. № 1(7). С. 160–163.

15. *Ткачева Н. В.*, *Эль-Бакри Т. В.*, *Вартанова Е. Л.*, *Филаткина Г. С.* Индийские медиа на орбитах мультикультурализма и либерализации // Медиасистемы стран БРИКС : исторический генезис, особенности функционирования. М. : Аспект Пресс, 2018. Гл. 4. С. 86–114.

16. *Нефёдова Д. Н.* Судьба индийского кинематографа в России // Вестн. ВГИК. 2016. № 4 (30). С. 66–74.

17. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров : в 7 т. Т. 5. Работы 1940–1960 гг. М. : Русские словари, 1996. С. 159–206.

18. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 91–96.

19. *Розенталь Д. Э.*, *Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1976. 543 с.

20. Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М. : Флинта, 2003. 838 с.

21. *Сорокина Н. В.* Стереотип, клише и штамп : проблема соотношения понятий в лингвообразовательном контексте // Профессиональное лингвообразование : материалы шестой междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород : Нижегород. ин-т управления – фил. РАНХиГС, 2012. С. 254–259.

22. *Гунько Ю. А.* Прецедентное высказывание : клише или штамп? // Язык-пространство. Язык-культура. Язык-сознание : сб. ст. к 20-летию кафедры рус. яз. как иностр. Дальневост. фед. ун-та. Владивосток : Дальневост. фед. ун-т, 2016. С. 150–155.

23. *Водоватова Т. Е.* Социолингвистическое исследование функционирования штампов и клише в речевом

общении // Вестн. Самар. муницип. ин-та управления. 2016. № 4. С. 121–128.

24. *Санарова Е. Г.* Роль речевых штампов и клише в переводе // Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (18 января 2017 г., Уфа) : в 3 ч. Ч. 1. Уфа : МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2017. С. 64–65.

25. *Агафонова П. А.*, *Острикова Г. Н.* Особенности перевода клише современной немецкой публицистики // Языковые и культурные контакты : лингвистический и лингводидактический аспекты : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (15–16 ноября 2018 г., Саратов) : сб. науч. ст. Саратов : Саратовский источник, 2018. С. 197–202.

26. *Полянская А. Н.* Языковые и речевые штампы и клише в новостных сообщениях // Современные исследования в области преподавания иностранных языков в неязыковом вузе. 2016. № 5. С. 133–140.

27. *Алдонина Е. В.* Стилистические и семантические свойства клише и штампов в новостных сообщениях // Достижения науки и образования. 2018. № 1 (23). С. 54–57.

28. *Шестернёва Л. Г.*, *Янукович Н. Н.* Лингвостилистические особенности современного публицистического дискурса (на материале газеты «сб-беларусь сегодня») // Альманах современной науки и образования. 2014. № 11. С. 136–138.

29. *Верховная А. Д.* Речевые клише, штампы и мифы в политическом дискурсе // Актуальные тенденции и инновации в развитии российской науки : сб. науч. ст. М. : Перо, 2018. С. 59–61.

30. *Горбунова Л. Г.*, *Киреева Е. М.* Разновидности клише в российском медийном дискурсе // Огарев-online. 2019. № 8. URL: http://journal.mrsu.ru/arts/raznovidnosti-klishe-v-rossijskom-medijnom-diskurse (дата обращения: 15.01.2020).

31. *Дмитриева В. А.* Эффективность языково-стилистических приемов в киноанонсах // Вестн. МГУП им. Ивана Фёдорова. 2016. № 2. С. 152–156.

REFERENCES

1. Goroshko E. I. Teoreticheskii analiz internet-zhanrov : k opisaniiu problemnoi oblasti [Theoretical analysis of Internet genres : to the description of the problem area]. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 2007, iss. 5, pp. 370–389 (in Russian).

2. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [Problem of speech genres]. In: *M. M. Bakhtin. Literaturno-kriticheskie stat’i* [Literary critical articles]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986, pp. 428–473 (in Russian).

3. *Estetika slovesnogo tvorchestva, S. G. Bocharov, sost.* [Aesthetics of verbal creativity. Bocharov S. G., comp.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p. (Iz istorii sov. estetiki i teorii iskusstva) [(From the history of Soviet aesthetics and art theory)] (in Russian).

4. Koval’chukova M. A. *Novostnoi anons v seti internet kak rechevoi zhanr diskursa SMI* [News announcement on the Internet as a speech genre of media discourse]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Izhevsk, 2009. 24 p. (in Russian).

5. Zharkova U. A. K On the problem of interdiscursiveness of the text type “Sports Announcement” (based on German-language texts). *Bulletin of the Nizhnevartovsk State University*, 2014, no. 4, pp. 21–29 (in Russian).

6. Malygina L. E. Television Announcement : Linguistic-Stylistic Transformation of the Genre. *Russian Speech*, 2009, no. 6, pp. 76–79 (in Russian).

7. Gribkova E. I. Realization of speech exposure in the announcement of radio news. *Science and Society*, 2013, no. 2 (11), pp. 11–14 (in Russian).

8. Gladkova N. P. Leksiko-grammaticheskie i zhanrovo-stilisticheskie osobennosti knizhnogo anonsa [Lexical-grammatical and genre-stylistic features of the book announcement]. *Izomorfnye i allomorfnye priznaki iazykovykh sistem : sb. statei po materialam IV Ezhegodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Universitetskaia nauka – regionu” (Stavropol’ 12–19 apr. 2016 g.).* [Isomorphic and allomorphic features of language systems : collection of articles on the materials of the IV Annual Scientific-practical Conference “University Science – The Region” (Stavropol. April 12–19, 2016)]. Stavropol’, Paragraf Publ., 2016, pp. 101–107 (in Russian).

9. Saraeva K. I. Announcement : methods of expressing basic components (based on the announcements of fiction in French). *Bulletin of the Adygea State University, ser. 2 : Philology and Art History*, 2013, no. 2 (121), pp. 98–103 (in Russian).

10. Kolodnaia Iu. A. *Lingvopragmaticheskie kharakteristiki pechatnogo kreolizovannogo teksta kinoanonsa (na materiale nemetskogo iazyka)*. [Linguopragmatic characteristics of the printed creolized text of the movie announcement (based on German language material)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Samara, 2006. 21 p. (in Russian).

11. Panchenko S. A. *Lingvistichni parametri kinoanonsu* [Linguistic parameters of the movie announcement].Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Dnepropetrovsk, 2008. 20 p. (in Ukrainian).

12. Alekseeva M. G., Osipian K. P. Spetsifika realizatsii informatsionnoi i apelliativnoi funktsii kinoanonsa (na materiale sovremennogo nemetskogo iazyka) [The specifics of the implementation of the informational and appellative functions of the movie announcement (based on the material of the modern German language)]. *Voprosy filologii i perevodovedeniia v kontekste sovremennykh issledovanii : Sb. nauch. statei. XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Voprosy iazykovoi dinamiki i lingvodidaktiki : sovremennye vzgliady i nauchnye issledovaniia” (Cheboksary, 26 apr. 2019 g.)* [Questions of Philology and Translation Studies in the Context of Modern Studies : Collection of articles XI International Scientific and Practical Conference “Issues of linguistic dynamics and linguodidactics : modern views and scientific research” (Cheboksary, April 26, 2019).] Cheboksary, Izd-vo Chuvash. gos. ped. un-ta, 2019, pp. 3–7 (in Russian).

13. Rogaleva O. S. Modern movie announcement as a type of text : structural and linguistic design. *Communicative research*, 2015, no. 3 (5), pp. 76–86 (in Russian).

14. Kashkarova O. V. The lexical and semantic features of the text of the movie announcement in English and Russian linguistic cultures. *At the intersection of languages and cultures. Actual issues of humanitarian knowledge*, 2016, no. 1(7), pp. 160–163 (in Russian).

15. Tkacheva N. V., El’-Bakri T. V., Vartanova E. L., Filatkina G. S. Indiiskie media na orbitakh mul’tikul’turalizma i liberalizatsii [Indian media in the orbits of multiculturalism and liberalization]. In: *Media-sistemy stran BRIKS : istoricheskii genezis, osobennosti funktsionirovaniia : monografiia* [Media systems of the BRICS countries : historical genesis, features of function-

ing : monograph]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2018, ch. 4, pp. 86–114 (in Russian).

16. Nefedova D. N. The fate of Indian cinema in Russia. *Bulletin of Gerasimov Institute of Cinematography*, 2016, no. 4 (30), pp. 66–74 (in Russian).

17. Bakhtin M. M. *Problema rechevykh zhanrov : v 7 t. T. 5 : Raboty 1940–1960 gg.* [The problem of speech genres : in 7 vol., vol. 5 : Works of 1940–1960]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, pp. 159–206 (in Russian).

18. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [Speech genre model]. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech genres : coll. of sci. art.]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, pp. 91–96 (in Russian).

19. Pozental' D. E., Telenkova M. A. *Slovap'-spravochnik lingvisticheskikh tepminov* [A dictionary of linguistic terms]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1976. 543 p. (in Russian).

20. *Kul'tura russkoi rechi : entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik, pod. red. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryaeva* [L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryaeva, eds. The culture of Russian speech : an encyclopedic dictionary-reference book]. Moscow, Flinta Publ., 2003. 838 p. (in Russian).

21. Sorokina N. V. Stereotip, klishe i shtamp : problema sootnosheniia poniatii v lingvoobrazovatel'nom kontekste. [Stereotype, cliché and stamp : the problem of the correlation of concepts in a linguistic educational context]. *Professional'noe lingvoobrazovanie : materialy shestoi mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Professional linguistic education : Materials of the sixth International Scientific and Practical Conference]. Nizhnii Novgorod, Nizhegorodskii in-t upravleniia – fil. RANKhiGS, 2012, pp. 254–259 (in Russian).

22. Gun'ko Iu. A. Pretsedentnoe vyskazyvanie : klishe ili shtamp? [Case statement : cliché or stamp?]. In: *Iazyk-prostranstvo. Iazyk-kul'tura. Iazyk-soznanie : sb. st. k 20-letiiu Kafedry russkogo iazyka kak inostrannogo Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta* [Language-space. Language culture. The language of consciousness : coll. of art. didicated to the 20th anniversary of the Department of Russian as Foreign Language uf the Far Eastern Federal University]. Vladivostok, Dal'nevostochnyi federal'nyi un-t, 2016, pp. 150–155 (in Russian).

23. Vodovatova T. E. Sociolinguistic study of the functioning of stamps and cliches in speech communication. *Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*, 2016, no. 4, pp. 121–128 (in Russian).

24. Sanarova E. G. Rol' rechevykh shtampov i klishe v perevode [The role of speech stamps and clichés in translation]. In: *Sintez nauki i obshchestva v reshenii global'nykh problem sovremennosti : sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (18 ianvaria 2017 g., Ufa) : v 3 ch. Ch. 1.* [Synthesis of science and society in solving global problems of the present : coll/ of art. Intern. sci. abd Practic. Conf. (18 January 2017, Ufa) : in 3 parts. Part. 1]. Ufa, MTsII OMEGA SAINS, 2017, pp. 64–65 (in Russian).

25. Agafonova P. A., Ostrikova G. N. Osobennosti perevoda klishe sovremennoi nemetskoi publitsistiki [Features of the cliché translation of modern German journalism]. In: *Iazykovye i kul'turnye kontakty : lingvisticheskii i lingvodidakticheskii aspekty : materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (15–16 noiabria 2018 g., Saratov) : sb. nauch. st.* [Language and cultural contacts : linguistic and linguodidactic aspects : materials III Intern. sci. and Practic. Conf. (15–16 November 2018, Saratov)]. Saratov, Saratovskii istochnik Publ., 2018, pp. 197–202 (in Russian).

26. Polianskaia A. N. Language and speech cliches and cliches in news reports. *Modern studies in the field of teaching foreign languages in a non-language university*, 2016, no. 5, pp. 133–140 (in Russian).

27. Aldonina E. V. Stylistic and semantic properties of cliches and stamps in news reports. *Achievements of science and education*, 2018, no. 1 (23), pp. 54–57 (in Russian).

28. Shesterneva L. G., Ianukovich N. N. Linguistics features of modern journalistic discourse (based on the newspaper "Sat-Belarus Today"). *Almanac of modern science and education*, 2014, no. 11, pp. 136–138 (in Russian).

29. Verkhovnaia A. D. Rechevye klishe, shtampy i mify v politicheskom diskurse [Speech clichés, stamps, and myths in political discourse]. In: *Aktual'nye tendentsii i innovatsii v razvitii rossiiskoi nauki : sb. nauch. st.* [Actual trends and innovations in the development of Russian science : coll. of sci. art.]. Moscow, Pero Publ., 2018, pp. 59–61 (in Russian).

30. Gorbunova L. G., Kireeva E. M. Varieties of clichés in the Russian media discourse. *Ogarev-online*, 2019, no. 8. Available at: http://journal.mrsu.ru/arts/raznovidnosti-klishe-v-rossijskom-medijnom-diskurse (accessed 15 January 2020) (in Russian).

31. Dmitrieva V. A. The effectiveness of linguistic-stylistic techniques in film announcements. *Bulletin of Moscow State University of Printing Arts*, 2016, no. 2, pp. 152–156 (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кхемка А. К. Функционирование клишированных конструкций в речевом жанре киноанонса (на материале киноанонсов к индийским фильмам в Интернете) // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 310–316. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-310-316

For citation

Khemka A. K. Functioning of Clichéd Constructions in the Speech Genre of Cinema Announcement (based on Internet Movie Announcements of Indian Films). *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 310–316 (in Russian). DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-310-316

Поступила в редакцию: 01.02.2020 / Принята: 23.04.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Received: 01 February 2020 / Accepted: 23 April 2020 / Published: 30 November 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ. ХРОНИКА

УДК 811161.1'374.8
ББК 81.1Рус
DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-317-324

Е. З. Киреева
Тула, Россия

О возможностях словаря «Ответные реплики в русской диалогической речи» В. Т. Бондаренко

Рецензия на «Словарь ответных реплик в русской диалогической речи» В. Т. Бондаренко. В основе словаря лежит концепция, которая основывается на идее диалогичности человеческого сознания. Объектом изучения являются ответные реплики – слова и фразеологические образования, иллокутивное назначение которых – реагирование на «чужое» слово или фразу коммуниканта в структуре диалога. Им присущи устойчивость в языке и воспроизводимость в речи. Ответные реплики определяются как знаки-перформативы: с их помощью выражается психологическое состояние (реакция) говорящего, вызываемое инициативной фразой или словом-«зацепкой».

Описывается макро- и микроструктура словаря, характеризуется семантическое и синтаксическое своеобразие ответных реплик, перечисляются их функции. Автор рецензии показывает широкие возможности применения словаря. Ответные реплики привязаны к типовым ситуациям и бытовым обстановкам общения (встреча, знакомство, обращение, привлечение внимания и др.), к темам разговора, и поэтому представляют интерес для исследователей жанров непосредственной устной речи. Поскольку ответные реплики дают представление о стереотипах мышления, поведения и психических реакциях русского человека, их изучение важно для этнолингвистов. Данные словаря способны обогатить лингвокультурологические исследования концептов культуры. Из-за присущей ответным репликам шутливой (смеховой) функции они интересны при изучении сущности комического. Материалы словаря дают системное представление о выражении комического в русском языке.

Открытая оценочность ответных реплик делает их уникальным исследовательским материалом для изучения категорий аксиологичности, оценочности и текстовой модальности. Анализ контекстов употребления ответных реплик, системы помет и иллюстраций ценен для исследователей речевой культуры и речевого этикета. Он окажется плодотворным для психолингвистов, развивающих теорию реактивности. В словаре широко представлено варьирование ответных реплик, поэто-

Elena Z. Kireeva
Tula, Russia

On Opportunities of Dictionary "Response Remarks in Russian Dialogic Speech" by V. T. Bondarenko

Review on «Dictionary of response remarks in Russian dialogical speech» by V. T. Bondarenko.

The dictionary is based on a concept that is developed from the idea of dialogism of human consciousness. The object of study is response remarks, i.e. words and phraseological units whose illocutionary purpose is to respond to a word or phrase of another participant of the dialogue. They are characterized by stability in language and reproducibility in speech. Responses are defined as performative signs: they are used to express the psychological state (reaction) of the speaker, caused by an initiative phrase or "hook"-word.

The paper describes macro- and microstructure of the dictionary, characterizes the semantic and syntactic aspects of the response remarks, and enumerates their functions. The author of the review shows a number of ways to use the dictionary. Responses are linked to typical situations and everyday situations of communication (meeting, acquaintance, addressing, attracting attention, etc.), to conversation topics, and therefore, are of interest to researchers dealing with genres of oral speech. Since the responses are connected with the stereotypes of thinking, behavior and mental reactions of Russians, their research is important for ethnolinguists. The dictionary data can enrich linguistic and cultural studies of cultural concepts. Due to the playful (humorous) function inherent to responses, they may be of interest when studying the essence of the comic. The dictionary materials give a systematic idea of the expression of the comic in the Russian language.

The open evaluability of response remarks makes them a unique research material for studying the categories of axiology, evaluability, and textual modality. The analysis of the context of responses, the system of marks and illustrations is valuable for researchers of speech culture and speech etiquette. It will be fruitful for psycholinguists developing a theory of reactivity. The dictionary has a wide range of response variations, so it is of great importance for phraseologists who study the variation of set phrases.

Studying the response remarks will be useful to researchers of children's speech as vocabulary, syntax, rhythm of response replicas, and images in them are organical for the child's perception and can be easily

© Киреева Е. З., 2020

му он имеет большое значение для фразеологов, исследующих варьирование устойчивых фраз.
Изучение ответных реплик окажется полезным исследователям детской речи, поскольку лексика, синтаксис, ритм ответных реплик, образы в них органичны для детского восприятия и легко воспроизводятся. Для гендерных исследований языка изучение этих единиц важно потому, что они позволяют получить информацию о гендерных характеристиках, а пометы и иллюстрации – сравнить тактики речевого поведения мужчин и женщин. Словарь имеет большую познавательную ценность для любого человека, потому что благодаря нестандартному и необычному материалу словаря каждый может обогатить свою речь.
Ключевые слова: *ответные реплики, словарь, В. Т. Бондаренко.*

reproduced. For gender studies of language, the research of these units is important because they allow you to get information about gender characteristics, and marks and illustrations – to compare the tactics of speech behavior of men and women. The dictionary has a great educational value for any person, because thanks to the non-standard and unusual material of the dictionary, everyone can enrich their speech.
Keywords: *responses, dictionary, V. T. Bondarenko*

Сведения об авторе: *Киреева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент кафедры документоведения и стилистики русского языка.*
Место работы: Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого.
E-mail: *L89107032507@yandex.ru*
https://orcid.org/0000-0002-7440-6746

About the author: *Kireeva Elena Zakirovna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Documentation and Stylistics of the Russian Language.*
Place of employment: Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University.
E-mail: *L89107032507@yandex.ru*
https://orcid.org/0000-0002-7440-6746

…Выражается сильно российский народ!
…А уж куды бывает метко всё то, что вышло
из глубины Руси,
где … всё сам-самородок, живой и бойкий русской ум,
что не лезет за словом в карман, не высиживает его,
как наседка цыплят, а влепливает сразу,
как пашпорт на вечную носку…
Н. В. Гоголь. «Мертвые души»

Тульский фразеолог Виктор Терентьевич Бондаренко говорил, что лингвист должен написать словарь, и тогда его долг перед наукой будет исполнен. Итогом многолетнего кропотливого труда ученого стал словарь «Ответные реплики в русской диалогической речи», вышедший в 2013 г. Объектом изучения стали ответные реплики – слова и фразеологические образования, «общее иллокутивное назначение которых заключается в том, чтобы быть ответами, реагирующими в структуре диалога на “чужое” слово или фразу коммуниканта» [1: 4]: *Кто? – Дед Пихто*; *Где? – В Караганде*; *Когда? – Когда рак на горе свистнет.* Им присущи такие свойства, как устойчивость в языке и воспроизводимость в речи.

Словарь состоит из 6 частей.

В первой части «Об ответных репликах в русской диалогической речи» характеризуется семантическое и синтаксическое своеобразие этих единиц, перечисляются их функции (значения).

Ответные реплики определяются как знаки-перформативы, а не как знаки-информаторы из-за насыщенности семантики этих единиц прагматическим (коннотативным) содержанием. Какое же действие совершает говорящий? С помощью ответных реплик выражается его психологическое состояние (реакция), вызываемое определенным положением вещей. Поэтому их можно отнести к бехабитивам (по Дж. Остину), или экспрессивам (по Дж. Серлю). Функционируя в ситуации непосредственного общения в роли реплик-рефлексов, они характеризуются не истинностью (достоверностью), а искренностью и уместностью.

Синтаксической чертой всех ответных реплик является их синтагматическая связанность: подобно нитке за иголкой, они следуют за предшествующим речевым актом и не возможны без него как актуализатора [Там же: 7].

Во второй части «О словаре ответных реплик в русской диалогической речи» описывается структура словаря. Благодаря способу подачи материала в нем с исчерпывающей полнотой реализуется идея М. М. Бахтина об исходной диалогичности человеческого сознания. Общим объектом лексикографического описания выступает комплексная структура – диалогическое единство как единое и целое семантико-грамматическое образование, в описании которого центральная позиция

(ради чего задумывался Словарь) отводится ответной фразе [Там же: 9–10]. Исходной вокабулой выступает слово-«зацепка», а ответная реплика находится на втором плане.

Главными средствами лексикографической характеристики единиц служат иллюстрации и пометы (стилистические и эмоционально-оценочные). Последние приводятся в **третьей части** «Условные сокращения». Употребление ответных реплик «прежде всего и главным образом в прагматических целях» особенно очевидно при описании их характеристик: *насмешливое*, *пренебрежительное*, *уничижительное*, *несогласие*, *неудовольствие*, *одобрение*, *презрение*, *раздражение*. Оттенки значения единиц позволяют передать оценки говорящего (как правило, отрицательные).

Значение слова-стимула раскрывается путем краткого описания типового контекста или ситуации его употребления [1: 10], ср.: *Неудобно.* Употр. в ситуациях, когда говорящий (или другое лицо) испытывает чувство смущения, стеснения, неловкости по поводу чего-л., считая это неуместным или нетактичным.

Семантическое описание ответных реплик делается с опорой на присущие им инвариантные значения, связанные с выполнением каких-либо коммуникативных прагматических функций [Там же: 11], ср.: *На нет и суда нет.* Выражение согласия с отрицательным ответом.

Словари, послужившие основными лексикографическими источниками (**четвертая часть**), по праву можно отнести к золотому фонду отечественной фразеографии и лексикографии. Это «Пословицы русского народа» В. И. Даля, словари русских пословиц и поговорок В. П. Жукова и В. И. Зимина, «Антипословицы русского народа» Х. Вальтера, фразеологические словари русского языка (А. М. Мелерович, А. И. Федорова, под ред. А. И. Молоткова), словари крылатых слов В. Буя, В. П. Беркова, Л. П. Дядечко, С. Г. Шулежковой, «Словарь русского речевого этикета» А. Г. Балакая и др.

Остроты и некоторой пикантности исследованию придает материал Толкового словаря ненормативной лексики Д. И. Квеселовича, «Краткого, но выразительного словаря» русского сквернословия В. М. Мокиенко и его «Большого словаря русского жаргона».

В **пятой, основной, части** словаря описаны более 900 клишированных единиц – «бытующих в разговорной речи ответных реплик, включая разные социальные и профессиональные сферы диалогического общения» [Там же: 11]. Основу словника составляют устойчивые словесные комплексы (фраземы, паремии, крылатые выражения). Среди ответных реплик преобладают фразеологические образования (фразеореплики), а не слова: по подсчетам С. Г. Шулежковой, к однословным репликам относятся 10 из 900 включенных в словарь единиц [2].

Достойны внимания иллюстрации. В центре внимания находится картина русской жизни во всем впечатляющем многообразии ее речевого проявления. Эта картина украшена лучшими именами русской классики (А. Н. Островский, А. П. Чехов, А. И. Куприн, Н. С. Лесков, И. А. Бунин) и именами современных авторов (А. Маринина, Д. А. Корецкий, Т. В. Устинова и др.). Оригинальный яркий материал собирался по крупицам, «вручную» не только из произведений художественной литературы, но и из газетно-публицистических текстов и живой разговорной речи.

Неискушенного читателя, пожалуй, может покоробить наличие конвенционально-запретных языковых средств, в том числе вульгарных и нецензурных (словарь не ориентирован на младшую возрастную категорию; он неоднозначно воспринимается и студентами). Сам же Виктор Терентьевич говорил, что «из песни слова не выкинешь». Он считал, что включать такие выражения необходимо, «так как в культурно-бытовой среде, хотим мы этого или нет, подобные устойчивые комплексы функционируют весьма продуктивно, обладая высокой степенью экспрессивной заряженности и смехового воздействия на адресата, а также высокой частотностью» [3: 88].

В Приложении (**шестая часть**) в алфавитном порядке дан список ответных реплик с указанием реплик-стимулов. Этот вариант подачи материала (ответ – вопрос) несомненно удобен, поскольку позволяет систематизировать все многообразие ответных реплик, «в целом обозреть внушительный набор возможных лаконичных остроумных вербальных реакций на любые, “удобные” и “неудобные”, вопросы собеседника» [2].

Даже при беглом просмотре словаря становится очевидно, что этот труд не имеет аналогов в отечественном словарном деле; помимо бесспорной оригинальности он отмечен печатью лексикографического таланта и новаторства автора. Словарь дает богатейшую пищу для ума и может стать надежным другом и помощником исследователей различных научных школ и направлений.

1. Употребление ответных реплик обусловлено не только контекстом, но и ситуативно: «Эти единицы, реализуя свои значения в условиях непосредственного контакта участников общения (субъект – адресат, я – ты), относительно жестко привязаны также к типовым ситуациям и бытовым обстановкам общения (встреча, знакомство, обращение, привлечение внимания и др.) и темам разговора»

[1: 7]. Материал словаря способен обогатить исследования, посвященные изучению «души» **речевых жанров** – жанров непосредственной устной речи.

Одним из таких жанров является разговор по душам. Отражая национальный характер русских, он предполагает открытость и откровенность [4: 335–339]. Некоторые ответные реплики, на наш взгляд, емко и лаконично раскрывают его важную особенность – коммуникативный пессимизм, ср.: *Как живешь (живете)? – Живем без кручины: нет ни дров, ни лучины*; *Живем в тоске, спим на голой доске*; *Живем, как в курятнике: нижние норовят клюнуть, а все, кто сверху, срут на голову*; *Живу, как графин: все за горло берут*; *Живем, как картошка: не съедят, так посадят*; *Живу, как моль: один костюм (пиджак) проел (съел), теперь штаны проедаю*; *Живем на горке, а хлеба ни корки*; *Живем, не плачем, так ревем*; *Живем, пока мышь головы не отъела*; *Живем хорошо: за нуждой в люди не ходим, своей хватает*; *Живем хорошо, а вот можем плохо*; *Жил бы хорошенько, да денег маленько.* Шутл. О трудных, непростых, безрадостных, проблемных условиях жизненного существования человека.

Эти реплики о сложной нерадостной жизни, в которых за шуткой скрывается грусть, могут предполагать дальнейший откровенный разговор или завершать его.

Учитывая функции ответных реплик, значение иллюстраций и систему помет в словаре, мы можем предположить, что ответные реплики могут вплетаться в речевую ткань текстов таких жанров, как беседа (доверительная, дружеская), брань, встреча, высмеивание, знакомство, издевка, ирония, комплимент, конфликт, насмешка, негодование, несогласие, одобрение, оскорбление, опровержение, отказ, призыв к откровенности, разговор, разговор по душам, разговор с позиции силы, скандал, ссора, спор, шутка и др. (За основу классификации принят «Список речевых жанров, становившихся объектом специальных исследований» [4: 294–303]). Думается, что этот перечень не является исчерпывающим.

2. Ответные реплики представляют собой уникальный исследовательский материал для ученых, работающих в русле **коммуникативного направления**. Удачный принцип подачи материала позволяет обобщить и систематизировать представления о различных стратегиях и тактиках речевого поведения русского человека.

Данные словаря представляют собой благодатную почву для изучения **коммуникативных ценностей** русской культуры и объяснения причин коммуникативных неудач. Так, прямые вопросы «в лоб» признаются неудобными и бестактными. Они порождают ответные реплики, в которых выражается неодобрение по поводу чрезмерного любопытства. Их назначение – «отведение вопросной реплики как неуместной, нежелательной, в уклонении от ответа или в том, чтобы дать неопределенный ответ, ответ не по существу» [1: 5]. Они преследуют цель уколоть, оскорбить или уязвить партнера по диалогу, ср.:

Кто? *– Папа Римский*; *Почтальон Печкин*; *Конь в пальто* (эвфем.); *Слухами земля полнится*; *Сорока на хвосте принесла*;

Когда? *– В старинные (давние) года <когда лягушки были господа>*; *Давно, когда еще баба девкой была*; *Как только, так сразу*; *Когда Волга вверх потечет*; *Когда волк будет овцой, медведь садовником, свинья огородником*; *Когда воробьи на юг полетят*; *Когда песок на камне взойдет*; *Когда черт умрет <а он еще не хворал>*; *После дождичка (дождика) в четверг, <в сухую пятницу>*;

Куда*? – Далеко, отсюда не видать (не видно)*; *На кудыкины горы, воровать (сажать, мочить) помидоры*; *Коту (кошке) под муда*; *Тащить кобылу из пруда*; *Тащить верблюда*;

Почему*? – По кочану*; *По кочану да (и) по капусте*; *По кочану и по кочерыжке*; *По кочану, по кочерыжке, чтоб тебя заели мышки*; *Потому*; *Потому что*; *Потому что <потому> что кончается (оканчивается, заканчивается) на «у»*; *<Это же> элементарно, Ватсон*.

3. Культурно-национальная маркированность содержания ответных реплик проявляется в том, что «многие слова-стимулы выражают ключевые для обиходной жизни и общения идеи, установки, понятия, входящие в ядро русского национального сознания (*дело*, *жизнь*, *работа*, *думать*, *стыдно*, *неудобно*, *жалко* и др.). Реагируя на них, ответные реплики в своих значениях «дают представление о стереотипах мышления, поведения и психических реакциях русского человека в обстоятельствах диалогического общения» [Там же: 7]. Поэтому они имеют большую **этнокультурную** познавательную ценность [Там же: 9].

В словаре можно найти много интересной и неожиданной информации об отношении русских к деньгам, алкоголю, опасности, спору, любви, работе, дармовому труду, *ср.: Даром – Даром и воробьи не чирикают*; *Даром <только кошки> за амбаром*; *Даром и прыщ на носу не вскочит*; *Даром и чирей не сядет <все хоть почесаться надо>*; *Даром угощают в бане угаром <и то по субботам>*.

Так, анализ семантического содержания ответных реплик на слова-стимулы *авось*, *как-*

нибудь не подтверждает традиционных представлений об этих единицах как средствах выражения «русской идеи», ментальности русского народа. В ответных репликах нет положительной или даже амбивалентной оценки беспечности и безответственности: они всегда осуждаются, ср.: *Авось – Авось до добра не доведет*; *Авось (небось да (и) как-нибудь до добра не доведут*; *Авось и как-нибудь могут в лапти обуть*; *Авось да небось – из головы брось*; *Авось да небось никого не кормят*; *Авось дурак: с головой выдаст*; *Авось обманет, в лес уйдет*; *Авось (авоська) с небосем (небоськой) водились, да оба в яму (реку) свалились*; *Авось что заяц: в тенетах вязнет*; *Авосевы города не горожены, авоськину дети не рожены*; *Авоська веревку вьет, небоська петлю закидывает*; *Держался авоська за небоську, да оба упали (под мат угодили)*; *На авось не надейся*; *На авось полагаться – без головы остаться*; *Кто авосьничает, тот и постничает*;

Как-нибудь – Как-нибудь нам дома дадут, а мы хотим (нужно), как лучше (получше).

4. В ответных репликах находит языковое выражение **смеховая культура** русского народа. Данные словаря будут полезны исследователям, изучающим сущность комического. Дело в том, что ответным репликам присуща шутливая (смеховая) функция, которая иногда выходит на первый план [1: 5], ср.: *Как дела? – Как в лифте: того и гляди <что> застрянешь*; *Как в раю: жаль убежать некуда*; *Как в самолете: всех мутит (тошнит, рвет), а не выйдешь (деваться некуда)*; *Как в самолете (автобусе, троллейбусе, трамвае): все сидят, <а> один правит*; *Как в сказке: чем дальше, тем страшнее*; *Как в трамвае (…): кто сидит, кто стоит, и все трясутся*; *Как на корабле: тошнит, а плыть надо*; *Как на Пизанской башне: скоро пизанемся* (эвфем.); *Как на пароходе: горизонты широкие и земли не видно, тошнит, но плывем*; *Как у желудя: кругом одни дубы, и каждая свинья съесть норовит.* О тревожной и опасной жизни.

Неоспоримое достоинство словаря в том, что в нем намерения говорящего описываются не только в аспекте целеполагания, но и воздействия. Так, конкретно смеховое воздействие зависит от коннотации ответной реплики (отраженной пометой), ситуации общения, интонации.

а) Фразеошутка может восприниматься как добродушная, безобидная, ср.: *Чай – Чай не водка – много не выпьешь* (выраж. отказа от предложения выпить чаю); *Чай пить – не дрова рубить* (положит. ответ на предложение выпить чаю); *Как здоровье? – Вскрытие покажет.* Ее цель – «побалагурить, позубоскалить, вызвать у собеседника и окружающих улыбку, создать непринужденную атмосферу общения» [1: 6].

б) Ответная фразеошутка может быть злой и грубой; ее цель – осмеять коммуниканта, уколоть, обидеть, оскорбить его [1: 6], ср.: *Товарищ – Гусь свинье не товарищ*; *Тамбовский (брянский) волк тебе товарищ*; *Твои (такие) товарищи лошадь в овраге доедают.*

Материалы словаря дают системное представление о выражении комического в русском языке. В смехотворной технике ответных реплик задействованы языковые средства всех основных уровней: семантического, фонетического, лексического, фразеологического, синтаксического (метафора, рифма, ритм, созвучие, омонимы, паронимы, повтор и др); в семантической структуре многих фразеоответов можно обнаружить контраст (парадоксальный образ): *Бывает – Бывает, что и вошь кашляет* [Там же]. В фразеорепликах отражены такие типы народной смеховой культуры, как юмор, ирония, иногда сарказм (издёвка, негодование).

5. Данные словаря способны обогатить и украсить **лингвокультурологические исследования** концептов культуры. Например, при изучении концепта «Закон, власть» [5] значение ответных реплик во многом объясняет причины неповиновения русских закону и традиционной оппозиции «народ – власть», ср.:

Нельзя (употр. в ситуациях, когда кому-л. невозможно или не дозволено что-л. делать) – *Если нельзя, но <очень> хочется, то можно*; *Можно, только (если) осторожно* (при сильном желании все выполнимо, все можно сделать);

Нельзя <только> на небо влезть; *Нельзя <только> С неба звезды снимать*; *Нельзя <только> хомут с хвоста надеть*; *Нельзя <только> через бумажку целоваться*; *Нельзя <только> штаны через голову надеть* (шутл. реплики, выраж. решительное несогл. с собеседником по поводу невозможности предпринять, сделать что-л.).

6. Изучение контекстов употребления ответных реплик, системы помет и иллюстраций будет интересно исследователям **речевой культуры и речевого этикета.**

Во-первых, ответные реплики наделены этикетной функцией на широкоупотребительные приветливые вопросы. Они служат для выражения вежливости, установления контакта, для поддержания речевого взаимодействия в положительной тональности, ср.: *Как дела? – Бог милует*; *Бога гневить нечего*; *Грех жаловаться* (хорошо, благополучно); *Дела идут контора пишет, рупь дадут, а два запишут <а конторщик еле дышит (а касса*

денег не дает)> (не все в порядке, не все хорошо).

Во-вторых, многие ответные реплики представляют собой эвфемизмы, и это, конечно, не случайно. Их употребление детерминируется наивной этикой, определяется коллективными ценностными ориентациями и установками.

В-третьих, в словаре даются ориентиры выбора допустимых ответов из многообразия семантически правильных (возможных): это пометы и иллюстрации. Благодаря им читатель должен сам решить вопрос об уместности использования ответной реплики. Важно при этом, что в отборе материала автор словаря беспристрастен: он не выносит оценки и не дает рекомендаций: «так надо/так не надо говорить». «Главное – дать читателю информацию: так принято реагировать на “чужое” слово в такой-то речевой ситуации» [1: 11].

7. С помощью ответных реплик выражается отношение говорящего к содержанию высказывания, собеседнику, действительности (ситуации). Так, на невопросительные реплики главное назначение фразеоответов – дать оценку чужому слову, при этом «чаще всего оценка выражает негативно-неодобрительное отношение (несогласие, возражение, нежелание, отказ, осуждение и др.) [Там же: 5]: ср. *Профессор – Профессор кислых щей* (насмешливо-пренебрежительное отношение); *Дама – Дама из Амстердама* (презрение, осуждение); *Быстро – Быстро* <*только*> *кошки (котята) плодятся* <*да слепые родятся*>; *Спешка (поспешность, быстрота) нужна (хороша)* <*только*> *при ловле блох* (насмешл. формы несогласия, неудовольствия, отказа делать что-л. быстро).

Интересную информацию о соотношении нормы и девиаций дает изучение системы помет: в них представлена только одна положительная оценка – *одобр*. Такой перекос в сторону плохого подтверждает вывод о том, что человеку свойственно хорошее считать нормой, а норма не вызывает интереса.

Насыщенность семантики ответных реплик коннотативным содержанием, их открытая оценочность делают эти единицы уникальным исследовательским материалом при изучении таких категорий, как **аксиологичность, оценочность и текстовая модальность.**

8. Рассмотрение ответных реплик может оказаться плодотворным для **психолингвистов**, развивающих теорию реактивности. Согласно ей, при определенных обстоятельствах люди отрицательно реагируют на попытки ограничить их поведение, контролировать их право на выбор и решения. По Дж. У. Брему, противодействия такого рода могут рассматриваться как проявления стремления восстановить свободу, которая подверглась угрозе или была утрачена [6]. Как представляется, данные словаря демонстрируют значительную эмпирическую поддержку теории реактивности, ср. реализацию тактики уклонения от ответа: *Садиться – Сесть я (мы) всегда успею (успеем)*; *Спасибо, я уже сидел*; *Спасибо, я пешком постою* (фраза из кинокомедии Г. Данелия «Мимино»); *Дать – Дай уехал в Китай, беги догоняй*; *Дай будет при коммунизме, а сейчас продай*; *Сами последнюю мышку съели*; *Сами последнего хряка добили*; *Сами последний носок донашиваем*; *Шутить – За такие шутки в зубах бывают промежутки.*

9. Яркий материал словаря убедительно позволяет расширить рамки понимания явления перформативности и средств выражения перформативов, поэтому он вызовет интерес ученых, работающих в русле **прагматического направления**.

10. В словаре широко представлено варьирование ответных реплик, поэтому он имеет большое значение для **фразеологов**, исследующих варьирование устойчивых фраз. Решению этой научной проблемы В. Т. Бондаренко посвятил всю жизнь.

11. Изучение ответных реплик может оказаться полезным исследователям **детской речи**. Дело в том, что лексика, синтаксис, ритм ответных реплик, образы в них настолько органичны для детского восприятия, что легко воспроизводятся, ср.: *Нахал – Я не махал, я дирижировал*; *Я не махал, я поле пахал.* Шутл. отговорки из детской речи на не принимаемое всерьез оскорбление; *Ага – Ведро творога*; *Кусок пирога*; *Метла и кочерга*; *Нога.* Шутл., насмешл. формы передразнивания речевого действия партнера по коммуникации; *Пароль – На горшке сидит (сидел) король.* Шутл. ответ-передразнивание; уход от конкретного ответа.

12. Ответные реплики представляют собой ценный материал для **гендерных исследований** языка, ср.: *Как здоровье? – Климакса еще нет. Как жизнь? – Жизнь все хуже, а юбка все уже*. Пометы и иллюстрации позволяют сравнить тактики речевого поведения мужчин и женщин.

Кроме того, полагаем, что посредством изучения культурных кодов из ответных реплик можно получить информацию и о гендерных характеристиках. Так, для отражения стереотипных представлений о мужчинах и женщинах используются разные базовые образы биоморфного культурного кода. Для представления о женщинах привлекается базовый образ «цветок», ср.: *Как жизнь? – Цветем и пахнем.* Шутл.-хвастливое или ирон. выраж. одобр., радости по поводу хорошей жизни. Обычно в женских ответах. С другой

стороны, представление о мужчинах формируется базовым образом «овощ» (в сознании обывателя, не сведущего в ботанических классификациях), ср.: *Как жизнь? – Как у арбуза: живот растет, а кончик сохнет (вянет).* Шутл.-фривольное. О поре увядания в жизни мужчины, когда с возрастом начинают полнеть и терять сексуальную потенцию.

13. Наконец, любой человек благодаря нестандартному и необычному материалу словаря может обогатить свою речь, сделать ее яркой, искрометной, блеснуть острым словцом в разговоре, подсыпать в него «аттической соли». Дни, когда печатался словарь, надолго запомнились работникам издательства ТГПУ им. Л. Н. Толстого: они собирались в группы и зачитывали выдержки из текста, в типографии царила радостная атмосфера, раздавался смех – это был настоящий праздник живого русского слова!

Итак, словарь станет надежной опорой в многостороннем изучении ответных реплик. В его основе лежит глубоко продуманная концепция, которая основывается на идее диалогичности человеческого сознания и подтверждается представительным достоверным материалом, с любовью собранным и с любовью описанным Мастером – художником слова.

Более 40 лет В. Т. Бондаренко работал в Тульском государственном педагогическом институте (университете) им. Л. Н. Толстого, пройдя путь от ассистента до профессора. Он чтил традиции науки и своего учителя – Владимира Леонидовича Архангельского, трудами которого была создана тульская фразеологическая школа. (Ее прославили такие ученые, как В. Н. Телия (Москва) и Ю. А. Гвоздарев (г. Ростов-на-Дону), которые основали свои фразеологические школы, и А. Г. Балакай (г. Новокузнецк) – автор уникального «Словаря русского речевого этикета».)

Каким он был, этот удивительный человек? Очень светлым, обаятельным, излучающим добро и любовь, с никогда не покидавшим его чувством мягкого филологического юмора. Детство Виктора Терентьевича пришлось на годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы. Возможно, это было одной из причин его исключительно бережного отношения к людям: коллегам, студентам – особенно заочникам. Он оставил себя в незабываемых воспоминаниях, благодарных учениках, своих статьях и книгах, в словаре, над которым работал так долго и увлеченно. Как говорил профессор Санкт-Петербургского государственного университета В. М. Мокиенко, «его труды будут еще многая лета обогащать всех, кому дорого живое русское Слово…».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бондаренко В. Т.* Ответные реплики в в русской диалогической речи : словарь. Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2013. 339 с.

2. *Шулежкова С. Г.* В. Т. Бондаренко. Ответные реплики в русской диалогической речи : словарь. Тула, 2013. 339 с. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 2(44). С. 375–378.

3. *Архангельская Ю. В.* Словарь В. Т. Бондаренко «Ответные реплики в русской диалогической речи» как источник этно-и лингвокультурной информации // ФИЛОLOGOS. 2014. Вып. 20(1). С. 87–88.

4. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.

5. *Степанов Ю. С.* Константы : Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Академ. проект, 2001. 990 с.

6. *Корсини Р., Ауэрбах А.* Психологическая энциклопедия. (Raymond Corsini, Alan Auerbach ”Concise Encyclopedia of Psychology”). URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_psychology/ (дата обращения: 12.01.2020).

REFERENCES

1. Bondarenko V. T. *Otvetnye repliki v v russkoj dialogicheskoj rechi : slovar’* [Response cues in Russian dialogical speech : a dictionary]. Tula, Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L. N. Tolstogo, 2013. 339 p. (in Russian).

2. Shulezhkova S. G. V. T. Bondarenko. Response cues in Russian dialogical speech : a dictionary. Tula, 2013. 333 p. *Problems of History, Philology, Culture*, 2014, no. 2(44), pp. 375–378 (in Russian).

3. Arhangel’skaya Yu. V. Dictionary V. T. Bondarenko “Response cues in Russian dialogical speech” as a source of ethno-linguistic and cultural information. *FILOLOGOS*, 2014, iss. 20 (1), pp. 87–88 (in Russian).

4. Dementyev V. V. *Teoriya rechevyh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).

5. Stepanov Yu. S. *Konstanty : Slovar’ russkoj kul’tury. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Constants : Dictionary of Russian culture. 2nd ed., rev. and add.]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2001. 990 p. (in Russian).

6. Korsini R., Auerbah A. *Psihologicheskaya enciklopediya (Raymond Corsini, Alan Auerbach “Concise Encyclopedia of Psychology”)*. Available at: https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_psychology/ (accessed 12 January 2020) (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ
Киреева Е. З. О возможностях словаря «Ответные реплики в русской диалогической речи» В. Т. Бондаренко // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 317–324. DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-317-324

For citation
Kireeva E. Z. On Opportunities of Dictionary “Response Remarks in Russian Dialogic Speech” by V. T. Bondarenko. *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 317–324 (in Russian). DOI: https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-317-324

Поступила в редакцию: 09.02.2020 / Принята: 03.04.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Received: 9 February 2019 / Accepted: 3 April 2019 / Published: 30 November 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *И. А. Каргин*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 20.11.2020. Подписано в свет 30.11.2020.
Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 9.33 (10.0). Тираж 500. Заказ 110-Т. Цена свободная

Издательство (редакция) Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.